

18+

НИКИТА МАКСИМОВ

**ЧЕРНИКА
В МАСЛЕ**

Никита Максимов

Черника в масле

«Издательские решения»

Максимов Н.

Черника в масле / Н. Максимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741359-0

Недалёкое будущее. Пассажирский самолёт, выполняющий рейс из Чикаго в Берлин через арктические широты, в результате навигационной ошибки попадает в воздушное пространство России и терпит катастрофу в сердце великих северных лесов. Что ждёт уцелевших пассажиров в стране, выброшенной на обочину цивилизации? Найдут ли они помощь и сочувствие у местных жителей, каждый день борющихся за своё выживание?

ISBN 978-5-44-741359-0

© Максимов Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	38
Глава 5	45
Глава 6	50
Глава 7	54
Глава 8	61
Глава 9	77
Глава 10	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Черника в масле

Никита Максимов

Редактор Дмитрий Константинов

Дизайнер обложки Дмитрий Константинов

© Никита Максимов, 2020

© Дмитрий Константинов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-1359-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Иногда люди умирают просто так, без всякой видимой на то причины.

Клаус Майер стоял неподалёку от аккуратного прямоугольника свежей могилы и никак не мог разобраться в ощущениях. Всё вокруг казалось неправильным.

Кладбище носило обычное для небольших американских городков название – «Маунт Хоуп». Неизвестно, что за странная прихоть истории породила его, но Логанспорт в штате Индиана не стал исключением. «Гора надежды». И если с надеждой ещё более-менее понятно, то с какой стати это почти ровное место назвали «горой» – загадка.

Клаус покосился на группу людей, собравшихся на похороны.

«Пёстрая компания».

Конечно, несколько человек были в костюмах, пусть не похоронно-чёрных, но в достаточно тёмных вариантах синего, коричневого или серого. Но, помимо них, присутствовали и персонажи в обыденных, повседневно помятых джинсах. Подобающую случаю строгость их нарядам должны были придать кому вельветовый пиджак с накладками на локтях, а кому поношенная армейская куртка. Ещё один, раздавшийся в талии, лысеющий тип с остаточными признаками военной выправки, попытался принять должный вид, нацепив галстук в косую бордово-графитовую полосу. Галстук смотрелся немного нелепо на фоне клетчатой рубашки и кожаной куртки.

Женская часть траурной процессии тоже вряд ли могла послужить образцом стиля. Женщине, как правило, проще соорудить из своего гардероба комбинацию, максимально подходящую под текущие обстоятельства, будь то романтическое свидание, собеседование о работе, детский утренник или девичник. Однако не все считают нужным по этому поводу напрягаться. Поэтому женские джинсы присутствовали тоже.

Клаус вздохнул. Может быть, здесь это нормальная практика. В конце концов, все его познания о том, как должны выглядеть похороны в Америке, почерпнуты из фильмов и сериалов. А в них почти всегда всё однотипно: солнце, строгие чёрные наряды, аккуратный газон. Но реальность такая штука, которая редко обращает внимание на наше представление о ней.

«Всё это ерунда. Не в этом дело».

Примерно к середине церемонии Клаус начал осознавать, в чём источник его диссонанса. Он всё время ожидал появления какого-нибудь военного оттенка. Флага, сложенного в треугольник, белых перчаток, холостого залпа из карабинов. Никак не мог избавиться от этого чувства. Видимо потому, что последний раз, когда они встречались с покойным лицом к лицу, на обоих была армейская форма. Нынешнего усопшего «мужа, отца, брата и друга» Мэтью Кларка Доусона тогда все называли просто Мэттом Си или капралом Доусоном – в зависимости от обстоятельств и правил субординации. Иногда ещё проще – «сухой очкастой» или «придурком-связистом». Последняя формулировка обычно использовалась в сочетании с громким вопросом «Где этот?». Понятно, что с той поры минуло добрых два десятка лет, были обмен фотографиями и болтовня по видеочату, когда Клаус видел, как его приятель из длинношеего молодого парня превращается в обычного мужика средних лет, как зарастают серебром его коротко подстриженные виски. Но почему-то всю дорогу на печальную церемонию память упорно навевала ему образы тех времён, когда они последний раз пожимали друг другу руки под громкий вой и рёв авиационных двигателей на аэродроме Мазари-Шарифа. Если подумать, то в этом нет ничего удивительного. Обычно в мозгу закрепляется самый последний образ, связанный с конкретным человеком. Поэтому многим так тяжело даются встречи с бывшими одноклассниками.

– ...Наш милосердный господь Иисус... – проникновенно бубнил священник с библией в руках, напоминая присутствующим, что всё вокруг тлен и суета, —... В объятиях его мы обретаем мир и покой... .

Клаусу не было нужды вслушиваться в надгробную речь, он сам мог без запинки произнести все подобающие случаю слова. За многие годы служения стандартные обрядовые формулы намертво закрепились в памяти, будь то крещение, похороны или бракосочетание. Ещё одна польза от сана священника. Первая – то, что твой костюм подходит для любого случая.

Рассеянно пропуская мимо ушей знакомые фразы, он пытался припомнить, были ли какие-то признаки, предпосылки для столь внезапного ухода Мэтта из жизни. Во время их разговоров по видеочату он выглядел вполне здоровым для своего возраста мужчиной, не слишком спортивным, но и не разожравшимся до свинского состояния. Никогда не жаловался на недомогание, умеренно выпивал и почти не курил. Мелисса, вдова Доусона, это подтвердила. Да и в семье у него всё было нормально, что, как утверждают учёные, народная мудрость и простой здравый смысл, способно оказывать на здоровье мужчины не менее благотворное влияние, чем регулярная утренняя пробежка. Более того, в письмах и разговорах Мэтт совершенно уверенно обсуждал свои планы, в том числе совместные с Клаусом.

«Надо уже встретиться с тобой вживую, потрепаться не спеша, хлопнуть по пиву», – короче, всё то, что так любят планировать, и очень редко успевают воплощать старые приятели, отягощённые бытом, повседневностью и обязательствами. «У нас так много задумано на завтра, что потом может не хватить вчера» – смысл этой фразы начинаешь понимать, только перевалив на вторую половину жизни.

Одним словом, ничто не предвещало короткого сообщения, пришедшего по электронной почте пару дней назад: «Мэтт умер. Похороны в четверг». Спустя несколько часов поступило ещё одно, из адвокатской конторы Логанспорта, с официальными фразами про «...глубокое сожаление...» и «...безвременно...», а также с извещением, что Клаус Майер упоминается в завещании Мэттью К. Доусона, оглашение которого состоится после церемонии похорон там-то и там-то.

«Чёрт бы тебя побрал, Мэтт», – в совершенном противоречии со своим саном подумал Клаус. – «Хреновый ты придумал способ вытащить меня к себе».

Команда работала привычно и умело. Под маскировочным пологом протянулась ровная дорожка очищенного грунта, обозначив будущую траншею. Срезанные пласты дёрна аккуратно разложены рядом, в полной готовности вернуться на своё место и надёжно замаскировать следы деятельности человека. На двух концах предполагаемой траншеи готовились объёмистые котлованы – один в глубине леса, на не приметной полянке, где нужно вкопать цистерну-накопитель, а второй на просеке, возле самого трубопровода – там, где предстояло сделать врезку. Работа на просеке требовала наибольшей аккуратности и, в то же время, оперативности. Слишком долгая возня на открытом месте была бы верхом беззаботности. Да, можно купить графики облёта трубопроводов беспилотниками и спутниками, а против вертолётной разведки выставить наблюдательные посты. Но никогда не будет стопроцентной гарантии, что расписание не изменят или тебе не продадут лажу, а то и просто преднамеренную дезинформацию. Одно из главных правил выживания гласит: никогда не считай себя заведомо умней или удачливей противника. История человечества устлана костями тех, кто пренебрёг этой простой аксиомой.

Конечно, угроза угрозе рознь. Скажем, вертолётный патруль представлял собой самую очевидную. Обычно, обнаружив суету, подобную той, что имела сейчас место на вверенной их опеке территории, летуны из службы охраны «Транснефти» обильно вламывали по прилегаю-

щей местности из всех стволов. Причём, по самой полосе над трубой огонь никогда не вёлся, чтобы не покоцать хозяйскую собственность, а вот дальше градус ненависти постепенно повышался. Полосу в 20—30 метров в обе стороны от просеки простреливали из пулемётов, следующая зона (примерно до 50—70 метров от оси трубопровода) подвергалась профилактическому обстрелу кассетными снарядами и неуправляемыми ракетами. Шире этого пространства допускался уже любой беспредел, ограниченный только фантазией и погодными условиями – вплоть до напалма и боеприпасов объёмного взрыва. После тщательного фейерверка на саму просеку высаживалась команда вооружённых до зубов ребяташек, которые проводили наземную зачистку, добывая всё живое, что смогло отсидеться в кустах или отлежаться в ямках.

В былые времена, когда вертушки ещё летали поодиночке, было не так страшно – вертолёты служили наблюдателями и разведчиками, максимум, что на них ставили – одну пулемётную турель, да ещё мобильная группа могла стрелять вниз через бойницы. Высаживаться они обычно не решались, только вызывали подкрепление и простреливали «зелёнку» в окрестностях трубы. Умным людям вполне хватало времени убраться оттуда подобру-поздорову. Однако там, где есть умные, однажды обязательно найдутся и смелые. И вот как-то раз такие храбрецы раздобыли ПЗРК и решили показать вертолётчикам «Транснефти», кто в тайге хозяин. Раз и навсегда. Раз – и получилось. В смысле, в тот самый единственный раз. Ибо сбить вертолёт самонаводящейся ракетой – дело нехитрое, тут даже обезьяна справится. А вот «навсегда» получилось плохо. Как для самих смельчаков, так и для всех остальных, которые просто умные. Быстро выяснилось, что у трубопроводной монополии хватает денег на самые лучшие игрушки, и с той поры небо над лесами стали бороздить бронированные десантно-штурмовые вертушки, вооружённые, как мечта милитариста. Помимо этого, вертолёты приобрели дурную привычку шастать парами, и катать внутри себя по десятку хорошо откормленных и натасканных карателей, готовых воздать полную меру жестокого наказания любому, кто посмел покуситься на хозяйское добро.

Однако, как водится, самая опасная угроза оказывается лучшим стимулятором эволюции. Не прошло и полгода, как по всей заинтересованной территории образовалась сеть наблюдателей, которые с точностью до градусов направления сообщали о пролёте патрулей над их местоположением. Толковые ребята написали приложение для местного интранета, вычислявшее на основе этих данных предполагаемые маршруты патрулирования и оповещавшее своих подписчиков. Вкупе с грамотно выставленными сторожевыми постами это позволяло надёжно предохраняться от нежелательного визита летучих церберов.

С беспилотниками и спутниками иная история. Хотя они не несли непосредственной угрозы, результаты попадания в их поле зрения могли быть ничуть не лучше. Самой лёгкой неприятностью значилась фиксация нездоровой активности возле трубы во время плановой аэрофотосъёмки. Обычно её обнаруживали только на основе анализа снимков, спустя несколько недель, а то и месяцев. Тогда на место высылали мобильную группу, которая исследовала территорию и, если находила врезку, тупо сносила её и ставила заплатку. Причём, чем старше была врезка, тем меньше поисковая команда с ней возилась. Иногда даже ленились минировать подходы к накопительной цистерне, просто взрывали её и всё. К этому моменту «чёрные нефтяники» успевали насосаться с неё достаточно, чтобы окупить возню с установкой, цену материалов и так далее. А вот попадание под наблюдение с беспилотника в реальном времени уже было чревато гадкими последствиями.

В зависимости от того, что позволяли погодные условия и ресурсы, местное командование частной армии «Транснефти» имело несколько вариантов реагирования. Например, могло провести ограниченную операцию с ускоренным выводом врезки из строя, обильным минированием самой накопительной цистерны и подходов к ней. А могло устроить и полноценную облаву. В случае ограниченного реагирования терялись плоды всех трудов, вложенные материалы и средства. Это если повезёт. Если же не везло – мины устанавливал человек творческий

или командой «нефтяников» руководил идиот, экономящий на разведке – то при повторном визите к «кранику» происходил подрыв с потерями среди людей и техники. Разновидностью плохого варианта был случай, когда среди ресурсов местного командования оказывался один или больше «охотников». Эти специалисты по отстрелу людей в условиях леса, подобно давнишним финским снайперам-«кукушкам», могли по нескольку дней таиться в засаде. Зато потом визит к такой врезке обычно оказывался для «нефтяников» последним.

Однако всё вышперечисленное меркло перед полноценной облавой.

Случалось это довольно редко. Должно уж совсем не повезти, чтобы команду не просто засекли на огромной лесистой территории, но и смогли организовать постоянное за ней наблюдение – до тех пор, пока наземные силы не успеют подойти и организовать перехват. Чтобы оценить степень невезения, нужно понимать следующее.

Первое. Вашу суету должны заметить на площади размером в половину Польши. При этом оператор достаточно хорошо натаскан, чтобы опознать беззаконие, а не сбор ягоды на полянках.

Второе. Наблюдатель может организовать перекрёстную проверку полученной картинки, прежде чем передавать сигнал в оперативный штаб. Чтобы не отправить случайно команду щедро оплачиваемых головорезов к месту преступления, где обнаружится, что ему просто померещилось. Вряд ли то, что он за это получит, будет премией.

Далее, нужно не просто обнаружить и подтвердить, но и обеспечить непрерывное – с разрывом не более чем в 5—10 минут – наблюдение за целью. Ибо для того, чтобы потерять объект в лесах, много не надо: достаточно чтобы он свернул в лес, когда ты его не видишь – и привет. А упомянутые 5—10 минут – это как раз примерное время, за которое группа из нескольких единиц техники успеет въехать на закрытую сверху ветвями просёлочную дорогу.

И последнее. У оперативного командования в этом районе должно быть достаточно сил и желания, чтобы отправить на перехват наземную команду. И не одну, а несколько мобильных групп по периметру, чтобы либо подкрасться и перехватить «нефтяников» на месте работ, либо организовать засаду по пути их отхода.

Вот сколько условий должно собраться вместе для столь тотального невезения.

Поэтому такое бывало редко. Но бывало.

Однажды, когда они возвращались с работы, с передового дозора прохрипели по рации сигнал тревоги. Потом появился один из разведчиков с лицом не просто бледным, а каким-то зеленовато-жёлтым, как будто он был ожившим персонажем из виденного давным-давно театра восковых фигур. Оставив возле машин небольшое охранение, остальная часть команды развернулась в цепь и медленно двинулась в сторону лежащего впереди изгиба просёлка. Шли внимательно, высматривая любые признаки человека: сорванный мох, сломанный подлесок, свежие отпечатки в мягкой, болотистой почве. На цыпочках подкрались к небольшой полянке вдоль поворота дороги. Выглянули из-за кустов и деревьев.

На поляне, с правой стороны просёлка, вразнобой стояли остовы сгоревших машин. Обычный набор – пара вездеходов, тягач с прицепной цистерной, универсальный грузовик со стрелой крана и мини-экскаватором в кузове. Выделялся внедорожник с остатками пацанского обвеса. Не полезных вещей вроде лебёдок, фаркопа или шнорхеля, а именно бессмысленной выпендрёжной хрени: четыре фары в ряд на крыше, кенгурятник и прочее. Вроде давних деревенских велосипедов с бахромой и трещётками на спицах. Ясно, что ездил на нём человек не простой, а уверенный в себе и своей важности настолько, что не боялся выглядеть глупо. Или действительно был уверен при жизни, что крутость измеряется количеством ярких цацек. Теперь это уже не имело значения. Любимую игрушку издырявили следы пули, шикарные широкие колёса сгорели до проволочного корда, так, что джип сел на пузо, утопив ступицы с дисками в мягкой земле. То, что было примотано спереди к кенгурятнику, видимо, раньше являлось его владельцем. Обугленный труп, покрытый лохмотьями сгоревшей

одежды или кожи – не поймёшь, где кончалось одно и начиналось другое. Запястья, оголившиеся до костей, примотаны проволокой к некогда хромированным, а теперь чёрно-бурым трубам кенгурятника. Вывернутые назад голени впрессованы в грунт бампером внедорожника. Голова обгорела так, что не осталось ни волос, ни глаз, ни век. Ни ушей, ни носа. Распахнутый в застывшем крике беззубый рот наводил на тошнотворную мысль, что человек был жив, когда горел со своей машиной. Напротив распятых на радиаторе останков с дерева свисало то, что при жизни было женщиной. Это тело – единственное не обгоревшее на поляне – растянули проволочными петлями в форме буквы «икс», как будто кто-то собирался провести его показательное препарирование. Издалека сложно разглядеть точно, но было заметно, что у женщины не хватало правой ступни и нескольких пальцев на руках. Вокруг шеи затянута петля, перекинутая через ветку наверху. С её помощью можно было заставлять жертву не опускать голову и смотреть прямо перед собой. А затем задушить этой же петлёй. Видимо, кому-то показалось забавным, чтобы обе жертвы видели, как страдает и умирает тот, кто явно был дорог ему при жизни.

Остальных погибших, судя по тому, как они были привязаны к остовам техники, сначала всё-таки застрелили, а потом уже сожгли вместе с машинами. Их казнь должна была послужить для простых членов прочих команд «нефтяников» недвусмысленным знаком – каждого, кто занят этим промыслом, ждёт только одно. Не просто смерть – уничтожение. Без суда и смягчающих обстоятельств. Судьба же главарей в данном случае являлось посланием всем вожакам – неизбежный конец придёт в страшных мучениях.

Рассмотрев всё внимательно, они молча отошли от полянки. Не проронив ни звука, прокрались к своим машинам. Развернулись и поехали к базе самой дальней кружной дорогой, которую только смогли придумать. И крепко выпили, когда добрались. Надеялись, что алкоголь, впитавшись в кровь, сможет вымыть из ноздрей смешанный запах горелого железа и мяса, а из памяти – вид скрюченных огнём тел и взгляд пустых глазниц повешенной женщины из-под спутанной грязной чёлки. Увы, спирт мало чем смог помочь. Разве что отключил на время достаточно частей мозга, чтобы не страшно было жить дальше.

Адам злился так, что готов был вцепиться в физиономию любому, кто косо на него посмотрит. Жизнь казалась уродской, невозможно несправедливой сволочью. И обещала оставаться такой ещё как минимум два года. Вот гадство! Целых два года до совершеннолетия, до тех пор, когда закончится ежедневное посещение зоопарка уродов под названием «Оак Маунтин Хай Скул». Вот уж, правда, «Дубовая гора»! Такое количество дубов и дубищ собирается каждый день в одном месте!

Он вышел из главного входа, свернул направо и, обходя приземистый корпус школы, поплёлся в сторону Миллер сёркл. После автостоянки предстояло пройти между площадками для футбола и бейсбола. На обеих раздавался шум и вопли – шли тренировки соответствующих команд перед заключительными в этом учебном году матчами. Слева изображали бунт тестостерона местные альфа-самцы в гротескной футбольной защите и шлемах. Справа размахивали битами, орали друг на друга и бегали те, кому не так повезло с телосложением и уровнем гормонов. От этого зрелища Адаму стало только хуже.

Он был равнодушен к спорту. Как-то так сложилось, что раньше, когда матери после развода с первым мужем и, по совместительству, отцом Адама, было совсем не до него, его умение находить себе развлечение самостоятельно – будь то книга поначалу, а потом компьютер – всех устраивало. Позже, когда жизнь наладилась и мать вторично вышла замуж, она спохватилась было, что сын сиднем сидит дома, но было уже поздно. Несмотря на её усилия и старания Аарона, свежеиспечённого отчима, Адам так и не прижился ни в одной спортив-

ной программе, куда его пытались пристроить. Бегать ему не нравилось, для командных игр у него оказался острый дефицит командных навыков – он просто не успел научиться общаться со сверстниками, а при любой конфликтной ситуации уходил в глухую оборону. Товарищи по командам со свойственной всем подросткам безапелляционностью немедленно записывали его в придурки и начинали игнорировать, а иногда не упускали случая напасть. Из условно спортивных развлечений оставались ещё шахматы, но там собрались совсем уж жуткие ботаники. Адам продержался до первого окружного турнира, после чего симулировал внезапно открывшуюся любовь к пинг-понгу и перебежал в малочисленную группу поклонников шарика и ракетки. Особых турнирных амбиций это сообщество не имело, поэтому там можно было спокойно валять дурака, а играть, только если уж действительно этого хотелось. Удивительно, но со временем Адаму даже стало нравиться. Во-первых, это был поединок один на один, без скидок и надежды на соратников. Во-вторых, было в пинг-понге что-то от любимых им видеоигр: будь то простейшие аркады или требовавшие тренированных спинномозговых рефлексов сетевые шутеры.

Однако, со временем Адам обнаружил, что его начинают сильно раздражать все так называемые «правильные», «перспективные» виды спорта, усердно культивируемые администрацией школы и находящиеся в центре всеобщего внимания. Возможно, всё дело в том, что за них активно болели девочки, а вот пинг-понгом они почему-то не интересовались. Нет, правда, кто-нибудь слышал хоть раз про группу поддержки пинг-понга? Нет? Может, потому, что такой никогда не было? Короче, проходя между двумя игровыми полями, Адам добавил в свою копилку общего негодования ещё и порцию ревности, вызванную залившимся девчачьим смехом и криками одобрения с обеих сторон.

Да, день вышел на редкость мерзкий. В глубине души он догадывался, что вина за происшедшее во многом лежит на нём. Будь Адам лет на десять старше, имей чуть больше опыта в жизни, представления о том, почему люди поступают так, а не иначе, возможно, что этот огонёк сомнения разгорелся и позволил понять, принять случившееся, сделать из него верные выводы. Но, увы. Кипящий шестнадцатилетний котёл – не место для рациональных суждений и сомнений в собственной правоте. Для него в данный момент существовала единственная правильная картина мира. Заключалась она в следующем.

Преподаватель информационных технологий ещё зимой дал им задание подготовить персональные проекты. Пока все остальные в классе лепили свои убогие приложения для смартфонов и планшетов, Адам задумал нечто значительное и по-настоящему крутое. Поскольку в компьютерах и программировании он разбирался значительно лучше своего учителя, а снисходить до его уровня и разжёвывать очевидные детали казалось пустой тратой времени, то Адам не стал посвящать его в подробности. Заявил скромную тему: «Создание локальной социальной сети». Когда сегодня настало время демонстрации, он терпеливо сидел и наблюдал за жалкими потугами своих одноклассников. Первоначально Адам репетировал выступление в стиле крутой презентации по типу «Эппл» или «Гугл», но потом решил, что в декорациях классной комнаты это будет смотреться балаганом дешёвого фокусника. Поэтому в итоге выбрал лаконичный сценарий – никаких слов, только действие. С достоинством и присущей настоящему гению сдержанностью он запустит своё творение, а потом, когда стихнет первая волна изумлённого потрясения, раскинет руки в стороны излюбленным жестом Тони Старка и ответит на все вопросы. А их будет немало, в этом он не сомневался.

Когда настала его очередь, Адам в точном соответствии с задуманным встал со своего места, молча вышел к доске и установил на столе учителя свой ноутбук, развернув его экраном к классу. В его центре, на стандартном синем фоне окна открытого приложения переливалась заглавная греческая буква омега. Адам, по-прежнему не говоря ни слова, подвёл к ней курсор и нажал. Несколько секунд ничего не происходило. Затем по всему классу волной побежало басовитое жужжание, как будто влетела стая шмелей, раздалось несколько звонков, и все,

включая преподавателя, недоуменно оглядываясь, полезли за своими телефонами, личными планшетами и ноутами. На экранах всех без исключения устройств стремительно мелькали картинки, выскакивали и исчезали сообщения, надписи. Кто-то прыснул, кто-то неуверенно заржал в голос, кто-то спросил потрясённо: «Что за фигня?». А фигня заключалась в том, что написанное Адамом приложение запустило на ноутбуке локальный роутер беспроводной связи, вломилось во все устройства в радиусе действия сигнала, передало на них небольшой мобильный клиент, который немедленно включил взаимную синхронизацию, сканирование папок и обмен данными. По сути, реализовывалась заявленная тема проекта – создавалась локальная социальная сеть. С одной небольшой поправкой. Никто не спрашивал, хочешь ли ты к ней присоединиться и что планируешь там разместить. В сеть принудительно попали все и всё. Не прошло и минуты, как кто-то охнул, кто-то зашёлся истерическим хохотом, тыча соседа локтем и показывая в экран. Некоторые залились пунцовой краской до самых корней волос. Потом Адаму кто-то вцепился в плечо, и голос преподавателя зашипел в ухо, обильно орошая кожу слюной:

– Прекрати это немедленно!

Прекратить сразу не получилось, да и толку от этого было немного. Содержимое личных папок успело разбежаться. Бог мой, Адаму даже в голову не могло прийти, что люди могут хранить на своём смартфоне столько разнообразного дерьма! И ладно бы про других, а то ведь о себе лично! Короче, скандал разразился грандиозный. Мистер Фаррел, преподаватель информатики, запер класс и вызвал директрису. Потом потребовал сдать все мобильники, планшеты и ноуты для проверки. Естественно, половина класса отказалась. Тони Хесус Эрнандес, как всегда, проорал с задней парты что-то про свои конституционные права. Директриса, миссис Рейнс, немедленно по прибытии прекратила назревающую бучу, потребовав выключить всю технику и выложить её на парты, во избежание рассылки за пределы класса полученных конфиденциальных сведений. Это было разумно, поскольку у некоторых одноклассников Адама глаза светились прямо-таки плотоядным блеском, а по ухмылкам отдельных личностей можно было заключить, что кое-какие жирные подробности уже успели покинуть здание. После чего мистер Фаррел был оставлен бдеть за классом, а миссис Рейнс твёрдой, не оставляющей сомнений хваткой взяла Адама за руку и повлекла в свой кабинет.

Здесь она сразу же включила микрофоны на столе и вебкамеру, продемонстрировав всю серьёзность своих намерений: никакого частного разговора и мягких увещаний, грядёт официальный разбор полётов по всей форме, с обязательным уведомлением родителей. Также им будет отправлена ссылка, по которой они смогут просмотреть полную запись этого разговора. Само собой подразумевалось, что беседа такого уровня не останется без последствий, которые могли оказаться фатальными для итогового результата учебного семестра. Адама охватило безнадежно плохое предчувствие.

Предчувствие его не обмануло. Первоначально ещё можно было надеяться на строжайший выговор и выволочку в дисциплинарной комиссии школьного совета. Но потом к беседе присоединился мистер Фаррел, оставивший в классе вместо себя охранника, а сам алчущий плоти и крови, поскольку в процессе обмена данными в свободный доступ новой соцсети могли угодить его собственные сведения «не просто личного, а глубоко интимного характера». Поэтому он сходу объявил, что Адам получает от него за этот семестр наихудшую из всех возможных оценок. Которая неизбежно топила его общий средний балл по всем остальным предметам. При этом мистер Фаррел многозначительно посмотрел на директрису и подчеркнул, что согласно уставу школы, выставление оценок находится исключительно в компетенции преподавателя. Кроме этого он заверил, что если в результате сегодняшнего инцидента где-либо всплывут или против него будут использованы материалы, попавшие в широкий доступ «...благодаря чудовищному злему умыслу», – тут мистера Фаррела ощутимо затрясло, – то он оставляет за собой право на судебное преследование. За нарушение права на неприкосновен-

ность частной жизни, а также за всё остальное, что ему вспомнится к тому моменту. Директриса тяжело вздохнула, успокаивающе похлопала преподавателя информатики по дрожащей руке и заметила, что в данном случае речь скорее идёт о «чудовищной безответственности и недомыслии», но это, торопливо добавила она, ни в коей мере не избавит Адама от заслуженного наказания.

В итоге в его присутствии, как того требовали правила школы, было написано и отправлено матери сообщение о сегодняшнем происшествии. После чего Адама выставили из кабинета и отправили домой, а миссис Рейнс и мистер Фаррел погрузились в мучительные поиски метода, который позволил бы на приблизительно законных основаниях прошерстить и вычистить от нежелательных сведений все пострадавшие от взлома устройства.

После всего вышеперечисленного Адам и оказался на дорожке между двумя спортплощадками. Главное, что причиняло ему наибольшие страдания – он понятия не имел, каких последствий ожидать. Преступление уже совершено, обвинительный вердикт вынесен, осталось узнать, какую меру наказания отвесит судья. Адам на своей шкуре ощущал сейчас томление осуждённого в ожидании окончательного приговора. И инстинктивно проецировал свой горячий, ватный ужас на самый неподходящий предмет – на окружающих. Спортсмены слишком театрально орали. Девушки неестественно весело смеялись и нарочито показательно поддерживали своих любимцев. Идиоты-одноклассники никогда его не ценили. Тупые преподаватели не могли распознать сидящего на их уроках гения, поглощённые мелочными попытками отработать свою мелочную зарплату. Родители его не понимали, занятые нудными, рутинными проблемами, а теперь наверняка готовили чудовищную кару, совершенно не соответствующую тяжести проступка Адама.

Мир никогда не был более несправедлив, чем сегодня.

Глава 1

– Итак, коллеги, нам предстоит непростое и крайне ответственное дежурство, – Нестор Хамада, начальник смены оперативного центра контроля «Уилинг Электрик Пауэр», говорил сухо, негромко, но отчётливо, так что слышали его все.

– Во-первых, как вы наверняка помните, сегодня пятница, что неизбежно выльется в длительный повышенный пик нагрузки на нашу сеть. Во-вторых, любимая природа подлюжила свинью всем энергетикам Восточного побережья. Как могли заметить некоторые, у нас с четверга стоит прекрасная безветренная пасмурная погода. Из-за этого все солнечные батареи и ветрогенераторы, любезно пролоббированные нашим федеральным правительством, – в голосе начальника смены возник явный оттенок сарказма, – Сейчас генерируют и отдают в сеть примерно столько же электричества, сколько и моя кошка. То есть почти ничего. Во времена моей молодости мы решали проблему нехватки энергии подключением дополнительных генерирующих мощностей на тепловых или атомных станциях. Сегодня, когда благодаря усилиям борцов за окружающую среду мы практически лишились атомной энергетики, а «незагруженные» энергоблоки тепловых электростанций остановлены и законсервированы, нам с вами придётся висеть на телефонах, договариваясь с партнёрами о перераспределении избытков энергии в их сетях в нашу пользу. К счастью, в регион к западу от нас бог щедро послал северный ветер, так что им есть чем с нами поделиться. Но, тем не менее, прослойка запаса энергии над возможной нагрузкой настолько тонка, что я приказываю всем освежить в памяти протоколы действий на случай чрезвычайной ситуации. Вспомните и проверьте все схемы возможных плановых отключений.

Нестор повернулся к огромному настенному экрану.

– Меня не сильно беспокоит западное направление – Колумбус в случае проблем можно будет дополнительно подпитать с запада, где, как я уже сказал, с генерацией всё хорошо. Север и северо-запад тоже не внушают особой тревоги – Кливленд и окрестности должны обойтись имеющимся запасом. А вот агломерация Большого Питтсбурга на востоке сидит на голодном пайке. Поэтому первоочередное внимание прошу сосредоточить именно на нём.

Тут он внимательно посмотрел на Джереми Моррисона:

– Тем не менее, твоя задача, Джерри, не ограничивается восточным направлением. Ты должен подготовить и разослать предупреждение нашим клиентам. Пусть сведут до разумного минимума нагрузку на сеть, отключат всё, что не является абсолютно необходимым. Поскольку надеяться на ответственность частных потребителей мы не можем, давайте хотя бы смягчим проблему за счёт корпоративного сектора. Особо предупреди тех, кто нуждается в бесперебойной подаче электричества, чтобы они привели в готовность резервные генераторы или подали заявку на первоочередное энергоснабжение по аварийной схеме.

Начальник смены снова повернулся к остальным, хлопнул в ладоши и слегка повысил голос:

– На этом всё, господа! Вы знаете, что должны делать и что от нас зависит. За работу!

Джереми вышел из главного зала и направился к своему рабочему месту. Попутно нужно было сунуть в микроволновку большой стакан «американо» – без кофе за работу можно было даже не браться. В последнюю неделю на нормальный сон у него пришлось от силы часов десять-двенадцать. Каждую ночь несколько раз он то вскакивал сам, то его будила перепуганная Аиша. «О, боже, Джерри, мне больно!», «Кажется, начинается!». С воскресенья они уже трижды приезжали в больницу, где им, в конце концов, прямо заявили: ребята, первый ребёнок – это не катастрофа, он родится тогда, когда придёт время. Прекратите истерить и, если вам это по карману, пусть будущая мать ляжет в стационар заранее. Если нет, сидите дома и не дергайтесь. Держите телефон рядом, звоните, если приспичит, описывайте, что с вами происходит.

Если роды действительно начнутся, от госпиталя до вас не больше четверти часа езды. Приедет скорая, полиция, пожарная бригада – кто угодно, хоть Санта-Клаус. Только перестаньте отвлекать действительно занятых людей от работы.

В итоге последние два дня прошли относительно спокойно, но Джереми к моменту выхода в эту двенадцатичасовую смену чувствовал себя полностью измученным. Он даже пытался переговорить с мистером Хамадой на тему, что толку от него сейчас будет не слишком много. Хамада сурово заметил в ответ, что от Джерри и в обычное время пользы было, как песен от курицы, но затем вдруг смягчился, слегка улыбнулся и похлопал его по плечу.

– Что, сопляк, не думал, что так будет, когда совал свой член в женщину? Не переживай, об этом мало кто думает в тот момент. Когда будете делать второго или третьего, тогда, может, задумаешься. А вначале все хотят просто засунуть. То, во что они попали на ближайшие двадцать лет, доходит только потом. Что касается твоей работы, – Нестор Хамада почесал коротко стриженный седой висок, – Ты не настолько важный сотрудник, чтобы твоё состояние могло нанести вред общему делу. Сиди, принимай вызовы, фиксируй запросы в системе, рассылай сообщения. На всякий случай подготовь заявление на отгул по семейным обстоятельствам. Это для того, чтобы ты не метался здесь, как ошпаренный петух, если твоя благоверная всё-таки разродится наследником. Как только получишь сообщение из больницы – из больницы, заметь! – сразу несёшь мне эту бумажку и исчезаешь с работы в направлении родильного отделения, подгузников, соплей и ободранных коленок. Всё понятно?

Джереми так и поступил. Заготовил заявление без даты, поместил его в верхний лоток своего стола. Выложил телефон на видное место, отхлебнул кофе и принялся готовить списки потребителей, которым требовалось отправить уведомление о необходимости сделать заявку на приоритетное энергоснабжение.

Можно было разослать его в несколько приёмов, задавая разные параметры фильтра по базе данных. Однако Джерри, как большинство молодых работников, не искал лёгких путей. Вместо этого он решил создать общий перечень адресатов. Справедливости ради стоит отметить, что две-три недели назад такой подход не вызвал бы у него затруднений. Но сегодня его мозг, измученный стрессом, недосыпанием и практически не реагирующий на тонизирующее действие кофеина, уже спустя каких-то двадцать минут утратил контроль над ситуацией. К середине списка Джереми перестал обрабатывать, кого он включил в рассылку, а кого нет. Вместо того, чтобы упростить себе задачу, он снова взялся за глобальный вариант, но решил подойти к нему с другой стороны. Чтобы ненароком не накосячить, в этот раз он стал формировать список по принципу приоритета. Сначала в него должны попасть жизненно важные потребители электроэнергии: больницы, аварийные, коммунальные службы и связь. Затем транспортники. После этого нужно включить клиентов с непрерывным циклом производства и тех, для кого бесперебойное энергоснабжение необходимо в силу специфики, вроде пищевиков с их складами-холодильниками, фермеров с инкубаторами и тому подобных. Потом можно добавить всех остальных.

Ко времени, когда он добрался до этих самых «всех остальных», его мозг снова ушёл в автономное плавание, однако на этот раз Джерри хотя бы был уверен, что не пропустил никого критически значимого. Он сидел, тупо уставившись в монитор, прокручивал список и механически нажимал «добавить» всякий раз, когда ему казалось, что этот клиент того заслуживает. Внезапный звонок выдернул его сознание из тумана. Начальник смены интересовался, закончил ли он с рассылкой оповещения.

– Да, мистер Хамада, как раз заканчиваю, – Джереми встряхнулся, титаническим усилием вернул себе контроль над разумом, чтобы ещё раз «пробежаться» по списку и запустить рассылку. Однако не успел он завершить новый обзор «жизненно важных» потребителей, как замурлыкал его собственный телефон. Входящий звонок шёл с незнакомого номера. Джерри почувствовал, как в животе у него образовалась холодная чёрная дыра, в которую стремительно

полетел желудок, за ним мысли о необходимости перепроверить список, потом все прочие мысли из головы, затем сердце, за которым увязалось нечто, что обычно жило в груди чуть выше него и называлось душой. Сейчас это нечто было маленькое, трепещущее и испуганное.

– Мистер Моррисон? – прозвучал в динамике незнакомый взволнованный женский голос. – Джереми, это вы?

– Д-да, – выдавил из себя он.

– Джереми, ради бога, не волнуйтесь, – женщина в трубке затараторила, отчего он не просто заволновался, а почувствовал, что у него наливаются свинцом ноги и немеет затылок. – Я Джин МакНикол, ваша соседка. Джереми, у вашей жены начались роды... о, не беспокойтесь! С ней всё в порядке, просто она пошла в туалет, у неё начались схватки, и она не смогла сама дойти до телефона. Я услышала, как она зовёт на помощь, прибежала, вызвала скорую... – женщина продолжала тараторить, а Джерри чувствовал, как к горлу начинает подбираться из желудка горький вкус кофе. – В общем, «скорая» её уже забрала, она успела только сказать мне ваш номер и попросила позвонить.

– С ней... с Аишей точно всё в порядке? – задал он довольно глупый вопрос, но ничего другого в голову ему не пришло.

– Да, да, конечно! – женщина в телефоне нервно рассмеялась. – Парамедики сказали, что с ней всё хорошо, обычные роды, ничего особенного.

– А куда... в какой госпиталь её увезли?

– О, да, конечно! В «Уилинг Хоспитал Инк». Они скоро уже должны будут туда добраться, так что вы через полчаса сможете позвонить и узнать, как дела. Джереми... Вы слышите меня, Джереми?

– Слышу, да! Я вас слышу, конечно! – у него отпустило затылок, в котором теперь разлился лёгкий звон, и к языку начала возвращаться необходимая подвижность.

– Джереми, успокойтесь, это всего лишь роды. Со мной это уже было, с миллионами женщин было, с вашей женой всё тоже будет в порядке.

– Спасибо, Джин, спасибо вам огромное!

– Ерунда, не стоит благодарности! – женщина в динамике хмыкнула уже не нервно, а, скорее, облегчённо. – Девочки должны помогать друг другу. Да, Джереми, вот ещё что – ключ от двери я забрала с собой, можете взять в любое время. Я – ваша соседка слева, номер 334Б. Вы хотите ещё что-нибудь узнать, а то мне идти пора?

– Нет... Да... То есть, нет, ничего больше не нужно. Спасибо, спасибо вам огромное, Джин! – помимо благодарности он чувствовал некоторую долю стыда за то, что даже не помнит, как выглядит его соседка слева.

– На здоровье! Удачи вам, Джерри, и вашей жене тоже! – вызов завершился.

Джереми посидел некоторое секунд, приходя в себя и пытаясь сообразить, что делать дальше. Глянул на время. Ещё полчаса и можно будет позвонить в больницу. Хотя нет, зачем звонить. Можно просто зайти в информационную систему городского здравоохранения, найти по своему адресу номер бригады «скорой помощи», которая выезжала на вызов, и отследить дальнейшую судьбу пациента – в данном случае Аиши. Он даже хмыкнул себе под нос – судя по тому, что это пришло ему в голову, адреналин уже начал свою живительную работу. Меньше минуты спустя Джереми был в системе. Так, вот номер машины, которая везёт Аишу Моррисон, двадцати трёх лет, делаем запрос на детализацию информации, оп-па, нужен номер соцстрахования, чтобы подтвердить степень родства. Вводим. Да-да, спасибо, я тоже рад вас видеть, да, я законный супруг, да, я имею право на получение подробной информации, спасибо большое! Что у нас здесь? Ожидаемое время прибытия – десять минут, предварительный диагноз – предродовая активность, без осложнений, слава тебе, Господи! Больница назначения – «Уилинг Хоспитал Инк», дежурная бригада в родильном отделении уже оповещена и готовится принять пациентку. Этой информации было достаточно для того, чтобы сломя

голову умчаться с работы, но Джереми вспомнил, что предупреждение потребителям до сих пор не отправлено. Он вернулся в окно базы данных, выбрал свой список и, уже не задумываясь о том, включил ли он в него всех, кого требуется, выбрал вариант «Разослать сообщение адресатам из списка». Убедился, что в стандартном тексте оповещения стоит текущая дата и кликнул курсором по плашке «Отправить». Система заработала, внизу возникла и побежала слева направо зелёная ленточка, отображающая прогресс рассылки, а Джереми уже схватил листок с заявлением и помчался в главный зал, где на специальном возвышении, как капитан звездолёта из фантастического фильма, восседал начальник смены Нестор Хамада.

– Мистер Хамада, сэр!

Хамада повернул голову, глянул на возбуждённую физиономию Джереми, на бумагу в его руке и вопросительно выгнул левую бровь:

– Что, уже?

– Да, мистер Хамада, «скорая» 15 минут назад увезла её в больницу, точнее... сейчас она наверно уже там, в смысле... они уже должны были доехать...

Хамада поднял руку и остановил его.

– Вообще-то меня интересовало, разослал ли ты оповещение нашим потребителям, но раз уж ты заодно решил рассказать про свою жену... Что ж, спасибо за информацию. Желаю, чтобы твоя девочка сильно не мучилась, ребёнок родился здоровым, а ты сегодня вечером не нажрался в стельку. Тем не менее, вопрос рассылки меня всё ещё интересует.

– Всё, всё сделано, уже рассылается.

– Тогда поступим следующим образом. Ты сейчас отдашь мне листок, который мусолишь в руке. Я ставлю не нём текущее время – вот так. Потом пишу, что я разрешаю тебе отсутствовать по семейным обстоятельствам. Теперь подписываю – ты замечал когда-нибудь, какая у меня красивая подпись? Нет? Если тебе показалось, что я издеваюсь над тобой, то это неправда. Я просто даю время, чтобы система успела разослать оповещение и сделала соответствующую запись в протоколе. А ты сейчас вернёшься на своё рабочее место, внимательно – ты заметил, что я выделил слово «внимательно» интонацией? – проверишь отчёт о рассылке и убедишься, что все сообщения доставлены. После чего можешь исчезнуть и не мешать нам заниматься делом. Удачи.

Джереми так и поступил. Рысью добежал до своего стола. Зелёная полоска внизу экрана уже доползла до правого края и превратилась в жирную галочку перед надписью «Рассылка завершена». Пытаясь дышать размеренно и неторопливо, Джереми развернул протокол отправки сообщений, постарался максимально сосредоточиться и проверил, чтобы в каждой строке списка стоял зелёный флажок, означавший, что сообщение доставлено. После чего схватил куртку с эмблемой «Питтсбургских пантер» на спине – приветом из студенческого прошлого – и поспешил к выходу из здания, навстречу туманному, полному неизвестных пока ещё трудностей и волнений, но уже неотвратимому будущему под названием «отцовство».

Международный аэропорт «О'Хара», что расположен в Парк-Ридж, на северо-западе Большого Чикаго, при взгляде сверху напоминает часть огромной снежинки. По крайней мере, расходящиеся в южной его части отростки терминалов, делящиеся в свою очередь на небольшие веточки, выглядят очень похоже. Коби Трентон быстро шла через третий терминал по направлению к юго-восточному «лучу» этой «снежинки». Нет, она не опаздывала. Просто впереди был перелёт, который мог занять от десяти до двенадцати часов и прогулка энергичным шагом должна послужить хорошей разминкой для ног. Конечно, большую часть времени полёта она проведёт на ногах, как и положено стюардессе. Но одно дело – стоять или не спеша, коротким шагом, ходить по салону. И совсем другое – идти, уверенно выбрасывая

перед собой ногу на длину шага, который позволяет форменная юбка. Ощущать при этом пружинистое напряжение, которое пробегает от мышц голени через бедро и ягодицы, ритмично раскачивая их так, что головы пассажиров непроизвольно поворачиваются ей вслед. А потом волна движется через талию, поднимается до затылка, где сходит практически на нет, отдаваясь лёгким покачиванием заплетённых в косу волос. Да, Коби умела ходить правильно и знала, какое впечатление при этом производит на окружающих.

Сквозь застеклённые стены галереи терминала далеко просматривалась огромная территория аэропорта. На юге, за рулëжными и взлётно-посадочными полосами для традиционных самолётов, виднелась громада нового грузового кластера. Там почти непрерывной вереницей приземлялись огромные транспортные «Валентайны». Медленно и неторопливо они снижались по почти отвесной траектории, пока не касались бетона посадочной площадки. Что происходило с ними дальше, с такого расстояния без бинокля разглядеть невозможно, но Коби как-то довелось оказаться в тамошнем кафетерии, чтобы перекинуться парой слов со знакомым вторым пилотом. Поэтому она представляла, как к очередной севшей машине сразу подруливает небольшой наземный буксировщик, подцепляет его за переднюю стойку шасси и тащит к свободному месту в начале технологической дорожки.

– На этом этапе нам уже делать нечего, – рассказывал тогда Питер, её знакомый, прилетевший из Калгари. – Если предстоит лететь дальше и лень шевелиться, можно там же на месте задрать ноги и подремать. Хотя правила настоятельно рекомендуют встать, выйти из кабины, поболтать с людьми, как мы с тобой сейчас, выпить кофе, отвлечься. Ибо главный враг пилота «Валентайна» – это рутина. 90% полёта за нас работает автоматика, нас в кабине двое только потому, что правила эксплуатации воздушных судов никак не приведут в соответствие с современными реалиями. Взлёт и посадка проходят в полуавтоматическом режиме, когда мы скорее контролируем, чем управляем непосредственно. Иногда шутят, что мы даже не пилоты, а так – диспетчеры с рудиментарными навыками пилотирования. Вот для того, чтобы не одичать от скуки, мы и выходим в самом начале техдорожки из кабины – видишь, там есть застеклённая платформа? Потом от нашего «Валли» отцепляют грузовые контейнеры. В это момент он, конечно, может попытаться самопроизвольно взлететь, но замки держат его за шасси. Пока транспортёр тянет его в зону погрузки, техники проверяют системы, источники энергии, расходники. Потом остаётся всего ничего – подцепить новые контейнеры, закрыть грузовой отсек, вручить полётное задание свежему экипажу или прислать сообщение нам, что хватить расслабляться – и вперёд. Нас выкатывают на взлётную площадку, и – давай, давай, вверх, освобождай место следующему! Вот такой получается «МакДональдс»: с одной стороны – скука и рутина, с другой – жёсткий тайминг, всё по расписанию, конвейер не ждёт. Где-то между взлётом и посадкой проходит час, а где-то полчаса – только успеваешь кофе выпить, да сигарету выкурить. Здесь, в Чикаго, золотая середина – 40—45 минут, можно даже успеть пообщаться с красивой девушкой.

На дисплее его наручных часов замигал огонёк полученного сообщения, он глянул на него и сокрушённо взмахнул руками:

– Ну вот, сглазил! Пора в поход, труба зовёт! Чертовски рад был с тобой повидаться, Коби, счастливых полётов и привет родителям!

Питер вскочил из-за столика, чмокнул её в щёку и помчался к выходу из кафетерия.

При воспоминании о том поцелуе Коби непроизвольно улыбнулась. Хороший парень этот Питер. Добрый, общительный, всегда найдёт для тебя время и ни разу не пытался затащить в постель. Иногда даже жаль, что не пытался.

Рассеянно размышляя об этих ничего не значащих мелочах, она дошагала до места назначения, подошла к двери с надписью «только для персонала», поднесла к терминалу правую руку для сканирования, взглянула в объектив камеры над дверью, автоматически улыбнувшись при этом. Дверь с тихим шелестом отъехала в сторону. Оказавшись внутри, Коби поставила

сумку на ленту транспортёра, так же автоматически, как объективу до этого, улыбнулась офицеру-женщине за мониторами, прошла через ворота безопасности, подхватила сумку, выехавшую из камеры сканера, и направилась к своему посадочному шлюзу.

Она едва успела зайти в служебный отсек самолёта, убрать сумку в личный шкафчик, прикрепить бэйдж и бросить дежурный взгляд в зеркало, как ожила система громкой связи:

– Представителя экипажа рейса NP412 просят пройти на стойку регистрации.

Через секунду подал голос внутренний коммуникатор:

– В сервисном отсеке кто-нибудь есть?

Коби нацепила гарнитуру и подключилась к сети.

– Коби Трентон, я здесь.

– Коби, солнышко, добрый день, – голос старшей стюардессы Марси Уильямс излучал доброжелательность, как и всегда. – Я занята в грузовом отсеке, проверяю комплектность еды для пассажиров. Ты можешь дойти до стойки, узнать, что случилось?

– Конечно, Марси, уже иду.

Она ещё раз бегло осмотрела себя в зеркале, поправила шейный платок и вышла в терминал.

Когда Коби подошла к стойке регистрации, сотрудница аэропорта указала ей на двух мужчин возле зоны контроля безопасности для пассажиров. Один, молодой, но уже излишне полный мулат был одет в форму охранника. Другой, высокий мужчина средних лет с седеющими висками, в костюме и рубашке тёмного цвета. Белая вставка в воротнике выдавала в нём священника.

– Добрый день, господа, я Коби Трентон, рейс NP412 компании «ТрансПолар Эйрлайнс». Чем могу помочь?

Священник вежливо поклонился, охранник начал объяснения:

– Здравствуйте, мисс. Я – офицер Винсент Ортега, это – пассажир вашего рейса преподабный Майер. У мистера Майера в ручной клади находится предмет, который входит в жёлтый список правил безопасности. А именно – бензиновая зажигалка. – Офицер Ортега указал на лежащий в лотке перед ним старый Zippo в латунном корпусе с непонятной эмблемой и гравировкой. Коби всё поняла без слов. Поскольку курение на борту самолётов запрещено уже давно, смысла пронести её на борт нет. Кроме того, правила авиационной безопасности относят любые устройства для извлечения огня к так называемому «жёлтому списку» – потенциально опасным предметам, которые настоятельно рекомендуется провозить только в багажном отсеке. Она вопросительно посмотрела на обоих мужчин.

– Мистер Майер, правила рекомендуют...

– Простите меня, мисс... Трентон? Я правильно произношу вашу фамилию? – Она кивнула в ответ. Священник говорил с явным европейским акцентом, то ли немецким, то ли голландским. – Дело в том, что я путешествую налегке, все мои вещи умещаются в ручную кладь.

Он продемонстрировал ей средних размеров дорожную сумку.

– Сдавать её в багаж мне нет никакого резона, а оформлять туда одну только зажигалку... не совсем разумно, на мой взгляд. Тем более что она абсолютно безопасна – в ней нет ни капли бензина. Вы позволите, офицер?

Он взял зажигалку в руку, откинул крышку и несколько раз крутанул колесо, высекая искры. Огня не было. После этого он извлёк внутреннюю часть зажигалки из корпуса и продемонстрировал хлопковый наполнитель под войлочной прокладкой – там было сухо и лишь слегка пахло бензином.

– Но эта вещь очень дорога мне как память о друге, поэтому мне необходимо взять её с собой.

Коби переглянулась с офицером.

– Мистер Майер, – начал Ортега. – Я могу разрешить вам пронести зажигалку на борт при условии, если представитель экипажа, – он кивнул на стюардессу: – Позволит это со своей стороны. Кроме того, я обязан поместить её в специальную упаковку, которая не может быть вскрыта на борту самолёта. Если такие условия всем подходят, то мы так и поступим. Мисс Трентон?

Коби внимательно посмотрела на пассажира. Именно так. То, что он одет, как священник, вовсе не означало, что он им был на самом деле. Их всех учили на курсах безопасности оценивать потенциальную угрозу, отсекая в первую очередь внешние признаки, которыми можно усыпить бдительности. Пожилая женщина, беременная женщина и так далее, или мужчина-инвалид, мужчина-священник (и тому подобное) – любой из архетипов, который внушает к себе заведомое расположение, мог быть использован для злонамеренного проникновения. Глупо подозревать только бородатых молодых мужчин среднеазиатского или ближневосточного типа.

Однако этот пассажир был, скорее всего, чист и безопасен. Выглядел он уставшим, вокруг запавших глаз выделялись тёмные круги – явные признаки джет-лага. Видимо, прилетал на несколько дней, не больше чем на неделю, и теперь возвращается домой.

– Хорошо. Экипаж рейса NP412 не возражает.

– Отлично. Мистер Майер, что скажете?

Священник ответил усталой улыбкой:

– Я тоже согласен. Абсолютно.

– Тогда в вашем присутствии и присутствии представителя экипажа я помещаю эту зажигалку в специальную пластиковую упаковку. Уточняя: эта упаковка не может быть вскрыта без использования специальных инструментов вроде ножа или ножниц. Я запечатываю упаковку особой пломбой с радиометкой, которая сработает при попытке вскрыть её на борту самолёта. Мисс Трентон, подтвердите, пожалуйста, активацию пломбы. Вы её видите? Отлично! Теперь, когда все формальности соблюдены, вы можете забрать своё имущество, мистер Майер. Счастливого полёта. – Офицер Ортега являл собой прямо-таки образец сотрудника службы безопасности аэропорта. Бери такого и без купюр вставляй в реалити-шоу о буднях профессионалов. – Благодарю вас за помощь, мисс Трентон.

Он вежливо кивнул Коби. Та профессионально улыбнулась в ответ.

– Всегда рада помочь, офицер!

После чего повернулась к священнику:

– До встречи на борту, мистер Майер!

Нет хуже работы, чем пытаться починить то, что создали задолго до тебя, потом десятки раз переделывали руками разных людей с совершенно различным уровнем квалификации и при этом не оставили никаких внятных комментариев. Если какую-то систему ведёт один и тот же человек, то отсутствие описания ещё понятно – какой смысл напоминать самому себе? Но в этом случае автор хотя бы придерживается определённой схемы в архитектуре своего творения. А вот когда такая система проходит через десятки рук, среди которых явно побывали волосатые лапы полоумных гамадрилов, то попытка разобраться во внутреннем устройстве, логике, причинах выбора тех или иных решений становится задачей, мягко говоря, нетривиальной. Спросите любого электрика, и он с удовольствием расскажет вам, что в большинстве таких случаев проще отрезать входные и выходные концы сети и проложить её заново, чем пытаться постичь причудливый ход мысли многочисленных специалистов, вносивших свои «улучшения» и «модификации».

К несчастью Адама, точнее, в дополнение к прочим его многочисленным несчастьям, снести предыдущий вариант локальной компьютерной сети школы «Оак Маунтин Хай Скул» и сделать «всё по-человечески» было невозможно. Строилась она постепенно, по кирпичику, которые называются «доступные финансовые ресурсы». Поэтому, чтобы взять и с нуля сделать сеть, соответствующую современным нормам, нужно было, чтобы на счёт школы поступило весьма щедрое пожертвование. Исторически же сеть управлялась и настраивалась согласно представлениям имевшегося в наличие преподавателя информационных технологий и определённого кружка приближённых к нему старшекласников. В силу естественных причин в этом кружке была высокая «текучка кадров» и составление подробных описаний вносимых изменений тоже не входило в число приоритетов. Всё это привело к тому распространённому положению, когда мало кто может сказать, как всё работает, почему в определённых местах работает плохо, а главным принципом обслуживания становится «не трожь, пока работает».

Однако имеет смысл вернуться немного назад, чтобы понять, как Адам, приобретший сомнительную славу «хакера-экстремиста», оказался допущен к работам над компьютерной сетью горячо ненавидимой им школы, и какие несчастья помимо этого обрушились на его голову.

Вторая половина четверга выдалась кошмарной. Мать Адама и Аарон, отчим, ознакомились с записью разговора в кабинете директора и были в курсе внешней стороны инцидента, который с этой точки зрения производил впечатление катастрофы. К сожалению, они понятия не имели о внутренних мотивах Адама, о полном отсутствии злого умысла в его действиях или о том, сколько трудностей ему пришлось преодолеть в процессе создания приложения, общий уровень сложности и красоту применённых им программных решений. Печально, что все эти, столь важные для него вещи, оказались банально за гранью понимания людей, которые должны были дать оценку его действиям. Поэтому разговор происходил по классической схеме общения «слепого с глухим». Плюс, был отягощён тем фактом, что инцидент в том виде, каким его представила запись из кабинета директора, требовал наложения обязательного наказания.

Для матери Адама имелся ещё один источник тревоги. Той самой, которая обитает в глубине сердца многих матерей, прошедших через развод или изначально одиноких. Вынужденные тратить большую часть своих усилий на устройство быта, личной жизни, обделяя при этом вниманием своего ребёнка, они потом подспудно ожидают какого-то подвоха, как бы в наказание: «Ах, от моего сына (дочери) сегодня пахло сигаретами (алкоголем)! Наверняка это потому, что я не проводила с ним (с ней) больше времени в младенчестве, не читала правильные книжки, мы не смотрели вместе „Бэмби“ или „Короля-льва“. Вместо этого я вкалывала на двух работах, чтобы накопить на колледж или бежала после смены на встречу с парнем, который показался мне достаточно надёжным и простодушным, чтобы предложить ему разделить со мной часть ответственности за себя, за ребёнка, за наше настоящее и будущее». Таким образом, то, что было простой житейской ситуацией и требовало принесения определённых разумных жертв в настоящем ради большей уверенности в будущем, впоследствии почему-то трактуется как бомба замедленного действия, которая неизбежно нанесёт ответный удар. И это ожидание приводит к тому, что реакция на естественное взросление подростка и его ошибки иногда оказывается болезненно преувеличенной.

Видимо, поэтому мать стала инициатором наиболее жёсткого набора наказаний. Аарон пытался по возможности уравновесить ситуацию и смягчить вину Адама, но не потому, что понял его мотивы. Скорее, им двигал давний опыт службы в армии, который говорил, что взыскание не должно быть чрезмерным. При этом он был абсолютно согласен, что проступки не должны оставаться безнаказанными, а если кара всё же превысит тяжесть содеянного – ну что ж, мир несправедлив, а дополнительные трудности закаляют характер. К сожалению, он тоже забыл: то, что работает в отношении молодых мужчин и женщин в форме, не всегда годится для мальчиков и девочек, насколько бы взрослыми они не выглядели.

В итоге был сформулирован следующий список санкций. Никаких развлечений, кино и прочих вольностей до конца учебного семестра. Ежедневный отчёт по домашним заданиям и полученным оценкам, максимальная успеваемость, дабы хоть частично спасти средний балл по итогам года. Игровая консоль переезжает под замок в гараж. Игры и всё, что на них отдалённо похоже, искореняются с личного ноутбука Адама. Первоначально мать хотела лишить его и обещанных на летние каникулы денег, на которые он планировал поехать на олимпиаду по программированию, но тут своевременно вмешался Аарон и предложил отложить решение по этому вопросу до окончательных результатов семестра.

Выслушивая этот перечень, Адам всё глубже погружался в себя. К сожалению, внутри он не нашёл ни единого источника утешения. Там царил удушающий сумрак из остатков пережитого страха, убийственного ощущения непоправимости произошедшего, мучительных сомнений в правильности своих действий, робких подозрений, что часть вины лежит всё же на нём. Но самое главное – внутри ещё не закалённой сотнями жизненных неурядиц души плескалась едкая, как кислота, жгучая обида. За то, что никто не попытался его понять, разобраться, разговаривать, обнять, в конце концов. Прижать к себе, утешить. Увы, но опыт Адама был крайне скуден, а нехватка навыков общения не позволила ему выплеснуть наружу боль, терзавшую его изнутри. Вместо этого Адам избрал привычный, но абсолютно бессмысленный и вредный вариант – конвертировал боль и обиду в злобу, отступил, забился спиной в привычный тупик, ошетинился и только что не зашипел, как уличный кот. Из этого молчаливого убежища он слушал свой приговор.

На кино и развлечения ему было, по большому счёту, наплевать. Консоль жалко, но утешало, что рано или поздно она вернётся. Скорее рано, поскольку Аарон сам был не прочь иногда вечером зарубиться в какое-нибудь игрище перед телевизором. За удаление игровых профилей с ноутбука было безумно обидно, потому как Адам рассчитывал до конца семестра пройти ещё несколько отборочных этапов в онлайн-овом турнире и, если бы повезло, в августе принять участие в финальных играх. Теперь же все потраченные за почти год усилия пошли насмарку. Опять никто не удосужился понять, насколько для него это было важно. Обида стала ещё горше.

В довершение озвученных репрессий мать объявила Адаму, что после консультаций с директрисой школы ему и оттуда прилетело наказание. В качестве общественных работ и для того, чтобы приучить его использовать полученные знания в созидательных, а не экстремистских целях, он должен был в течение ближайших дней после окончания уроков работать над оптимизацией локальной компьютерной сети школы. Вынося такой вердикт, миссис Рейнс надеялась подстрелить несколько зайцев сразу. Во-первых, загладить проступок Адама в глазах мистера Фаррела, преподавателя информатики, ибо совместный труд, как известно, сближает. Во-вторых, дать подростку возможность реализовать себя в любимой области. В-третьих, не позволить ему замкнуться в себе, вытащить под наблюдение в первые, самые тяжёлые после инцидента и наложенных наказаний дни. Всё-таки педагогический опыт подсказывал ей, что в случае Адама есть риск перестараться и просто сломать парня. С самыми непредсказуемыми последствиями. Конечно, после того, как под давлением общественности на федеральном уровне приняли ограничения на оборот гражданского оружия, число инцидентов со стрельбой в школах и колледжах пошло на убыль. Однако, всегда оставалась масса других способов выразить свою ненависть. Не запретишь же кухонные ножи, в конце концов!

В результате всего вышеперечисленного Адам во второй половине пятницы и оказался занят исследованием хаоса под названием «локальная сеть школы «Оак Маунтин Хай Скул». В то время, как его одноклассники жизнерадостно разбегались по домам, предвкушая радости наступающего уикенда, он вынужден был копаться в кучах записей и запутанных схемах под аккомпанемент недовольного брюзжания мистера Фаррела. Тот вовсе не пытался проникнуться сочувствием и симпатией к ученику, продолжая панически трястись при мысли, что

тайные стороны его жизни ещё могут где-то всплыть благодаря вчерашнему инциденту. Этот страх он старательно превращал в ненависть по отношению к Адаму. Тот охотно её впитывал, смешивал со своими собственными раздражением, обидой и горечью и искал, на что бы выплеснуть получившийся ядовитый коктейль.

Ему страстно хотелось что-нибудь сломать.

Глава 2

Пол тихонько вибрировал. Раздаточная тележка отзывалась еле слышным поскрипыванием пенопластовых контейнеров с едой, шуршанием упаковок, побулькиванием воды и напитков. Привычный ритуал отработан до автоматизма: шаг вперёд, приветливая улыбка налево, потом направо.

– Добрый вечер, не желаете ли поужинать?

Перечисляем доступные блюда – мясное, рыбное, вегетарианское.

– Нет, сэр, баранину я, к сожалению, не могу вам предложить. Не беспокойтесь, мы, как международный перевозчик, не предлагаем свинину в меню. И не используем свиной жир или сало в приготовлении пищи. Разумеется, только растительное масло.

На самом деле она, конечно же, понятия не имеет, как именно готовят еду для пассажиров. Ей известна только политика компании в области питания, её она и озвучивает.

– Прошу прощения? Очень жаль, мэм, что ваша очаровательная дочь ещё не голодна. Нет, ничего страшного. Я верну её порцию в холодильник, а вы просто скажите мне, когда она проголодается. Слушаю вас. Простите, я не очень хорошо понимаю ваше произношение. Ах, десерт! Да, конечно, он будет, но после того, как мы предложим вам горячие блюда. – И так двадцать раз, по количеству рядов в её салоне. Плюс к этому надо не забывать замечать тревожные признаки: изнывающих от скуки детей, взрослых с характерным цветом лица, которым не стоит лишний раз предлагать алкоголь. Выручка выручкой, но иной раз лучше избавиться от потенциальных проблем.

Семнадцатый ряд, место Е, знакомое лицо:

– Господин пастор, не желаете поужинать?

Вид у него не самый лучший. Усталый. Грустный.

– Честно говоря, даже не знаю, что вам ответить, – он немного прищурился, читая её бэйдж: – Коби... хотя, не важно. Не думаю, что через пару часов смогу определиться точнее, так что давайте поужинаем по расписанию. На ваш вкус, пожалуйста, только не вегетарианское меню.

– А где ваш сосед? – она указала глазами на пустое кресло между пастором и иллюминатором.

– В туалете. Бедняга бегает туда каждые полчаса. Винит во всём бурито, которое съел по пути в аэропорт. Вы не могли бы предложить ему что-нибудь от расстройства живота? Возможно, ему станет полегче, да и мне не мешало бы поспать.

Она сочувственно улыбнулась:

– Была тяжёлая поездка?

– Скорее печальная. Плюс разница в семь часовых поясов.

– Вот, пожалуйста. – Она протянула ему контейнеры с ужином – салат, горячее блюдо, соусы, – Может быть, немного виски?

Он на секунду задумался, потом кивнул.

– Пожалуй, мне это не повредит.

– Вот, возьмите. Вызовите меня, пожалуйста, после того как я раздам ужин. Принесу лекарство вашему соседу.

– Спасибо, Коби!

– Рада помочь! – и снова по привычной, доведённой до автоматизма схеме: шаг вперёд, приветливая улыбка налево, потом направо.

– Добрый вечер, не желаете ли поужинать?

Уже немолодой, но ухоженный и бодрый трёхосный грузовик «Кенуорт Т370» миновал, наконец, извилистый участок дороги на берегу озера Таппан, подбавил газу и покатил по трассе номер 250 в направлении Уричвилла. Его водитель Карлос Бенедикто не имел привычки нарушать правила движения без особой на то нужды. Он просто хотел наверстать упущенное время и поскорее закончить нынешний не слишком удачный рабочий день. За его спиной в блестящей цистерне плескался груз отработанного растительного масла, который надлежало отвезти на фабрику по производству биодизеля в Нью Филадельфии.

С самого начала этот рейс пошёл наперекосяк. Во-первых, полетел насос на накопительной станции комплекса переработки отходов на западной окраине Питтсбурга. Поэтому вместо положенных на загрузку цистерны двадцати минут он проторчал там почти полтора часа. Во-вторых, когда насос всё-таки починили и попытались начать закачку масла, лопнула прокладка, и масло стало брызгать во все стороны, заляпав всё вокруг и грузовик Карлоса в первую очередь. Так что после погрузки он потратил ещё полчаса на то, чтобы отмыть цистерну и кабину. Сделал он это вовсе не из-за солидного штрафа, который бы ему выписал первый же встречный дорожный патруль, а просто потому, что был человеком аккуратным и педантичным. Приехав в своё время в США семнадцатилетним подростком, Карлос довольно быстро сообразил, что люди здесь оценивают тебя в первую очередь по тому, как ты себя подаёшь. Поэтому чем быстрее ты сделаешь своим стилем жизни ту модель поведения, которую одобряет большинство, тем скорее станешь своим. Поняв это, Карлос сразу взялся за выработку у себя полезных привычек. Улыбаться при встрече, быть вежливым с окружающими, дружелюбным к равным, уважительным со старшими. Носить опрятную одежду, а впоследствии – ездить на чистой машине. Не важно, что на старой, важно, что на чистой. Плюс к этому всегда стараться сделать дело, за которое взялся и не грузить окружающих жалобами на жизнь, ибо убогих никто не любит. Их иногда жалеют, но не уважают. А с теми, кого не уважают, обычно стараются не иметь дела.

Результаты этой нехитрой, но действенной политики сказались уже через несколько лет, когда многие приехавшие одновременно с ним перебивались кто временной работой, кто сидел на пособии – а некоторые особо одарённые умудрились даже загреметь в тюрьму. А вот Карлос тогда уже имел постоянную занятость и репутацию «хорошего, надёжного парня». Спустя ещё немного времени он твёрдо встал на ноги, получил гражданство, обзавёлся женой, дочкой, беспородной дворнягой, ипотекой – и всё благодаря выбранным в своё время правильным привычкам.

Отмыв машину, Карлос перекусил сэндвичем и кофе, а потом отправился в путь. Однако на подъезде к реке Огайо приключилась третья задержка. На стороне Стьюбенвилла перед мостом за пару часов до этого произошла авария, и половина проезжей части была перекрыта. Полиция пыталась отрегулировать поток, попеременно пропуская машины то в одном, то в другом направлении, но это был конец пятницы, транспорта на дороге скопилось больше обычного, и в результате образовалась пробка. Так что к моменту, когда его «Кенуорт Т370» миновал озеро Таппан, Карлос Бенедикто выбивался из графика уже больше, чем на три часа. А ведь нужно было доехать до пункта назначения, слить масло, промыть цистерну, отогнать грузовик на стоянку... По всему выходило, что раньше полуночи он домой не вернётся. Следовательно, все планы на пятничный вечер пошли прахом.

Ещё его сильно беспокоило то, что до сих пор не было вестей от Марисоль – той самой дочери, которой он обзавёлся почти одновременно с беспородной дворнягой и ипотекой. Пса уже давно нет на свете, ипотека выплачена, а Марисоль выросла в умную и симпатичную молодую женщину, которой папа постарался привить все необходимые полезные привычки. Настоящая, полноценная американка по праву рождения, она только-только закончила кол-

ледж на западном побережье и сегодня должна была проходить собеседование по трудоустройству. Естественно, что и Карлос, и его жена, Патрисия, безумно волновались. Они приложили так много усилий, так во многом себе отказали, чтобы уже их дочь смогла подняться на ступень, до которой многие коренные американцы не могут добраться за несколько поколений. Поэтому чем заметнее становились сумерки, тем чаще он поглядывал на экран смартфона, прицепленный справа от приборной панели.

Когда Карлос Бенедикто подъезжал к Уричвиллу, сумерки, усиленные пасмурным безветрием, сгустились настолько, что пришлось включить фары. Он уже подумывал сбросить скорость, когда экран смартфона ярко вспыхнул. Карлос потянулся к нему, чтобы включить громкую связь и не заметил, что впереди справа, среди домов и одетых зеленью кустов, мелькнуло тёмное расплывчатое пятно.

В кабине возник голос жены:

– Привет, дорогой!

– Да, радость моя... – начал было он, как вдруг увидел, что справа одновременно с ним на перекрёсток вылетает тёмно-синий «Додж Караван» с выключенными не только фарами, но и габаритными огнями. Мгновенно поняв, что затормозить он не успеет, Карлос рванул руль влево, чтобы уйти от столкновения. Но полностью гружённый «Кенуорт» отказался изменить траекторию так быстро, как это требовалось, и, хотя водитель «Каравана» тоже попытался вывернуть вправо, две машины столкнулись бортами по касательной, отбросив друг друга в стороны. В следующую долю секунды грузовик Карлоса налетел боковинами всех колёс левого борта на бордюр дороги, сила инерции оторвала его от асфальта, и он полетел вперёд, ломая сетчатый забор и заваливаясь на бок. Несколько тонн металла и масла плюхнулись на борт и юзом поехали по бетонированной площадке, пока не врезались в приземистое строение, увенчанное рядами изоляторов и проводами, отходящими от них к высящейся неподалёку мачте высоковольтной линии электропередач. Басовитое гудение внутри строения сменилось оглушительным треском, во все стороны полетели голубые, белые, красные искры. Потом раздался хлопок, и наружу пыхнуло тёмно-рыжее, отороченное чёрным дымом пламя.

В главном зале оперативного центра «Уилинг Электрик Пауэр» раздался сигнал тревоги. Начальник смены Нестор Хамада вскинул голову. Перед ним на большом, во всю стену, экране разбежались в разные стороны разноцветные змейки, обозначающие линии электропередач. Змейки соединяли разбросанные по всему экрану сотни точек с мерцающими рядом с ними цифрами – потребителей энергии и объекты инфраструктуры с показателями их текущей нагрузки и прочими, понятными только специалистам данными. Для удобства визуализации цвет змеек и точек менялся в зависимости от текущего состояния сети. От спокойного голубого оттенка до тревожных жёлтых цветов в местах, где нагрузка вплотную подбиралась к предельно доступному уровню.

Сейчас один из узлов мигал ярко-красным цветом, а расходившиеся от него змейки стремительно окрашивались в насыщенный оранжевый оттенок, попутно заражая им все точки, через которые они проходили. Зрелище напоминало кадры из фильма про зомби-апокалипсис, когда нужно показать скорость распространения эпидемии от нулевого пациента. Нестор мгновенно определил степень угрозы и врубил общую громкую связь.

– Внимание всем! У нас аварийная ситуация! Джуд, докладывай!

Джуд Бауэр отозвался через секунду.

– Авария на трансформаторной подстанции в Уричвилле! Приборы подтверждают выход из строя как минимум одного блока, ещё два отключились через 10 секунд – сработали автоматы защиты. Четвёртый блок пока держится... чёрт, уже нет! Сэр, подстанция в Урич-

свилле полностью вышла из строя. Датчики сообщают о нарушении ограждения и возможном пожаре на территории. Аварийный сигнал оповещения передан в пожарное управление.

Оранжевое пятно на экране стремительно расплзлось. Нельзя было терять ни секунды.

– Всем диспетчерам – внимание! Запускаем процедуру отключения по аварийному протоколу! Приоритетные направления – Кливленд и Питтсбург. До них это дойти не должно! Немедленно оповестить наших соседей и все аварийные службы.

В зале мгновенно возникла особая атмосфера. Стремительная активность без суеты. Бурная деятельность без малейшего признака паники. Общий разговор десятка человек – без единого лишнего слова, когда все друг друга слышат и понимают с полуслова. Сходство с мостиком звёздного крейсера, вступающего в бой с тяжёлым инопланетным рейдером, стало просто поразительным.

Диспетчер северо-западного сектора Ким Бойд вызвала на свой экран перечень потребителей, отсортированный по степени энергопотребления. Нужно было немедленно отключить от сети всех, кто не входил в список, который несколько часов назад подготовил Джереми Моррисон. Если этого не сделать, каскад роста нагрузки приведёт к тому, что автоматика начнёт выключать всё подряд, не задумываясь, насколько этот потребитель важен и есть ли у него резервные генераторы. А потом волна докатится до Акрона, Янгстауна, Элирии, Кливленда, до их муниципальных сетей и систем жизнеобеспечения. Тогда несколько миллионов человек вместо вечера пятницы окажутся в средневековье.

Клавиша «С» на клавиатуре абсолютно точно стала западать. Сандрин Чанг специально пощёлкала по ней несколько раз. Явственно чувствовалось нарушение нормального хода, и символ в командной строке при этом появился только в трёх случаях из четырёх. Сандрин вздохнула. Очень жаль. Она привыкла именно к этой марке, а с производства её сняли ещё в прошлом году. Теперь придётся ходить по магазинам, перебирать немногочисленные оставшиеся механические модели и щёлкать по ним пальчиками, подбирая максимально комфортные ощущения. Только потом можно будет сделать заявку на покупку. И опять придётся слушать нытьё Фрэнка Вудса на тему, что её аристократические привычки обходятся компании дороже стандартных решений. Наплевать! Она достаточно ценный специалист для «Диджитарх Секьюрити», чтобы фирма не скупилась раз в год заплатить немного дороже за необходимый ей рабочий инструмент.

За окном смеркалось. По-хорошему, для конца мая в это время должно быть ещё светло, однако плотная малоподвижная облачность внесла свои коррективы. На территории технопарка «Константек Индастриз» автоматически включилось освещение. По контрасту с фонарями окружающий мир потемнел ещё сильнее. Расположенные к северу от них кварталы Кантона, штат Огайо, а также автомобильные и железнодорожные путепроводы утратили большую часть деталей, постепенно превращаясь в набор контуров. Внутри рабочей комнаты дежурной смены происходили свои изменения. Стеновые панели переключились с горизонтальных полос цвета молодой листвы каштана на наклонные, сильно вытянутые четырёхугольники, в которых те, кто не прогуливал геометрию в школе, без труда узнали бы параллелограммы. Их яркая апельсиново-оранжевая окраска должна была взбодрить дух людей, которым выпало работать вечером и ночью в пятницу, когда прочие высококвалифицированные специалисты мира информационных технологий пьют пиво в компании или рубятся в видеоигры. Или одновременно пьют пиво и рубятся в видеоигры. Или и то и другое и всё это в компании – реальной или виртуальной. Чёрт, сколько вариантов можно придумать всего для трёх действий! А ведь есть ещё персонажи, которые пошли в кино, просто гуляют или катаются на велосипеде. Есть те, кто играет с детьми или ужинает со спутником жизни. Или отправился в бар, чтобы найти себе

спутника на вечер или на всю жизнь, чтобы потом ужинать с ним (с ней) вечером в пятницу. Или играть с получившимися в результате детьми. Опять же, сколько возможностей!

Сандрин тихонько хихикнула. Её всегда забавляла игра в комбинирование цепочек вариантов. Этой штуке она научилась во время учёбы, когда таким образом им прививали привычку к алгоритмическому мышлению. Сама она никаких печалей по поводу работы вечером в пятницу не испытывала. График есть график, всё остальное просто сдвигается и ждёт своего часа. В конце концов, время – это всего лишь условность, не говоря уж о производных от него календарных днях недели.

Под потолком постепенно разгорались матрицы светодиодов, создавая над каждым рабочим местом свою особую зону светового комфорта. Сандрин, например, любила работать в полумраке, с настольной лампой. А вот Эрик Шульц у противоположной стены комнаты, наоборот, сидел в постепенно усиливавшемся столбе света, будто император, озарённый божественным сиянием. Сандрин перевела взгляд на свои мониторы. На двух рабочих в нескольких окнах отображались контрольные данные систем, за которыми она наблюдала. По экрану планшета, прикреплённого горизонтально под ними, бежала лента текущих новостей.

«...Шторм, бушующий над Северным морем, смещается в направлении Северной Атлантики и Гренландии. Совершенно нехарактерная для этого времени года атмосферная активность уже привела к многочисленным задержкам и отменам трансатлантических перелётов. Единственными компаниями, продолжающими выполнять пассажирские рейсы, остаются перевозчики, летающие в полярных широтах, но даже им приходится смещать траектории своих маршрутов дальше к северу, чтобы избежать зоны бури, поднимающейся до небывалых высот...».

«...Компания «Тесла тракс» представила обновлённую версию своего серийного тягача для дальних грузовых перевозок. Модель ММ-12 оснащена новой энергетической установкой, а также системой автономного управления последнего поколения. Несмотря на активность профсоюза водителей-дальнобойщиков, лоббирующего сохранение ограничительных квот на использование грузовиков-автоматов, специалисты высоко оценивают рыночные перспективы новинки...».

«...Международная организация гражданской авиации отложила до осени вопрос о сертификации воздушных судов типа «Валентайн» для пассажирских перевозок. Эксперты связывают это решение с недостаточной проработанностью схем взаимодействия между этими летательными аппаратами и существующей инфраструктурой аэропортов. Ещё одной вероятной причиной является скрытое противодействие со стороны производителей традиционных самолётов – «Боинг» и «Эйрбас», пытающихся таким образом выиграть время для диверсификации собственных производств...».

Читая краем глаза новости, Сандрин поочерёдно переключалась между окнами мониторинга подконтрольных систем. Название её работодателя, «Диджитарх Секьюрители», расшифровывалось крайне незатейливо, хотя и с долей претенциозности. «Диджитарх» – это «Цифровой Архангел», компания, предоставляющая своим заказчикам профессиональные услуги по обеспечению кибербезопасности. Постоянное отслеживание попыток взлома и проникновения, сопоставление информации о появляющихся угрозах и потенциальных уязвимостях, и так далее и тому подобное. Бурный рост за последние два десятилетия всего, что связано с информационными технологиями, глубокое их проникновение почти во все сферы человеческой деятельности породили в результате самую значительную «гонку вооружений» со времён «холодной войны» XX века. Старое, как мир, противостояние «копья» и «щита». «Копьё» – это огромная армия преступных синдикатов, спецслужб, политических активистов, анархистов, кибер-наёмников, за деньги добывающих промышленные секреты или рушащих информационные системы конкурентов, луддитов, фанатично противостоящих прогрессу, а также просто идиотов, которые носятся по сети и ломают кривыми руками всё, до чего могут дотянуться.

«Щит» – разработчики программного обеспечения, кровно заинтересованные в бесперебойном функционировании своих продуктов, банки и корпорации, государственные и частные информационные сети, те же спецслужбы, только на этот раз стремящиеся сохранить вверенные им секреты. Ну и такие, как они – профессиональные борцы с киберугрозой, разработчики антивирусных программ и службы постоянного контроля. И кстати, если сектор разработки антивирусов оставался почти неизменным по объёму, то рынок услуг мониторинга рос самыми быстрыми темпами во всей индустрии. Так что в плане дохода и стабильности перспектив волноваться Сандрин не приходилось. До уровня суперэлиты она, конечно, пока не доросла. Чтобы контролировать систему, где крутятся живые деньги – платёжный сервис, электронная валюта, биржа – требовались не только глубокие знания, но и немалый опыт. Ну и стаж, конечно. Как бы ни был талантлив новичок, всегда есть определённая группа ветеранов, более достойных получать зарплату с лишним нулём. С другой стороны, всегда хорошо, когда есть, куда расти. Особенно в смысле дохода.

Пока в зоне ответственности Сандрин Чанг значились две сугубо технологические структуры.

Во-первых, информационная система управления дорожным движением Сент-Луиса, штат Миссури – и ничего, что это за тридевять земель от её рабочего места. Сандрин ничто не мешало мониторить любую сеть, хоть в Южной Африке, хоть в Австралии. Была бы связь.

Во-вторых, сервис контроля местоположения воздушных судов «НАПС». Эта система не только снабжала гражданские самолёты, дирижабли, беспилотники, исследовательские платформы и прочие летающие аппараты данными с навигационных спутников, но и уточняла, корректировала эти данные при необходимости, а также собирала сведения о местоположении самих аппаратов, выдавала предупреждения об отклонении от маршрутов. То есть обрабатывала весь тот массив данных, который позволил максимально автоматизировать к настоящему моменту задачу воздушной навигации. Плюс она теоретически должна была свести к минимуму вероятность потерять из поля зрения какой-либо объект, чтобы не повторилась дурацкая ситуация, когда пропавший самолёт не могут найти неделями, а то и месяцами. Предполагалось, что система такого уровня достаточно надёжно защищена встроенными в неё средствами. И действительно, за полгода, пока Сандрин по очереди с другими специалистами «Диджитарх Секьюрити» наблюдала за ней, не произошло ни одного инцидента. Так что дорожная сеть Сент-Луиса беспокоила её гораздо больше – не проходило недели, чтобы очередной хакер-самоучка не попытался порулить городскими светофорами.

Но пока что везде было спокойно. Сандрин знаком этот график – вечером в пятницу обычно мало что происходит. Народ пьёт, развлекается, веселится. Проблемы начнутся позже, когда после полуночи идиотам станет скучно. Или у них кончится пиво. Или кому-нибудь не достанется секса. Тогда кто-нибудь обязательно попытается влезть своими грязными, противными ручонками туда, куда не следует.

Она потянулась в кресле и выглянула в окно. Мир за ним потемнел уже окончательно, транспортные развязки в отдалении украсились гирляндами фонарей. Вереницы автомобильных габаритных огней скользили вдоль магистралей. По железнодорожной ветке в направлении Восточного Кантона катил пассажирский поезд, сквозь листву мелькала цепочка одинаковых освещённых окон. Потом мир внезапно подмигнул.

В комнате раздался противный писк. Сандрин Чанг резко отвернулась от окна, и тут мир мигнул ещё раз. Конечно же, на самом деле мир тут был не виноват – это мигнуло всё освещение в рабочей комнате дежурной смены «Диджитарх Секьюрити». Снова раздался отчаянный писк – подали голос источники бесперебойного питания. Прошло ещё буквально секунд пять, пока все присутствующие переглядывались друг с другом, после чего свет погас окончательно. Остались светиться только включённые мониторы, а бесперебойники перешли в режим непрерывного аварийного завывания. Из комнаты главы группы мониторинга донесся грохот, после

чего в дверях появился Фрэнк Вудс собственной персоной, с лицом, освещаемым призрачным голубым светом от экрана смартфона.

– Что произошло? – задал он потрясающий по своей бессмысленности вопрос.

– Электричество вырубилось! – дал не менее потрясающий по своей очевидности ответ Эрик Шульц.

Фрэнк открыл рот, но, вовремя сообразив, что пора бы перейти от констатации фактов к чему-то более конструктивному, закрыл его и немного подумал.

– Так, сейчас должно включиться аварийное питание. Эрик, позвони дежурному технопарка, выясни, что происходит. Сандрин, выгляни в окно – отключились только мы или весь район?

Она уже стояла возле окна. Там по-прежнему светились уличные фонари южной окраины Кантона, огоньки автомобилей бежали по освещённым путепроводам, поезд уже почти скрылся в восточном направлении. Лишь на всей территории технопарка «Константек Индастриз» царил полная темнота.

– В технопарке темно, дальше везде свет есть!

– Т-а-ак! На сколько у нас хватит аварийного питания?

– Десять минут. По протоколу максимум за пять минут нас должны переключить на резервную линию или на генераторы.

Фрэнк глянул на часы.

– Двадцать один сорок четыре. Эрик?

– Дежурный говорит, что это не они! Отключилась подача энергии с основной линии. Сейчас они переходят на резервную ветку. Что? Повторите! Вот как... Фрэнк, они говорят, что на резервной линии тоже нет напряжения.

– Чёрт! Он может связаться с энергокомпанией и узнать, что происходит? И самое главное, когда они смогут запустить резервные генераторы?

Эрик быстренько пробубнил заданные вопросы в трубку. В комнате повисло молчание, нарушаемое только тревожным писком аварийных источников питания. Все прекрасно понимали, что если в течение пяти минут подача энергии не восстановится, им придётся отключать всё – сервера, компьютеры. Потому что лучше планомерно, в штатном режиме погасить систему, чем она отрубится сама. Последствия такого жёсткого отключения могут быть непредсказуемыми. Сандрин даже затаила дыхание.

– Да, слушаю! Минутку, – Эрик включил на телефоне громкую связь. – Повторите, пожалуйста.

В комнате возник взволнованный мужской голос.

– Тут такое дело... Мы не можем дозвониться до «Уилинг Электрик Пауэр», поэтому толком ничего не знаем, но на их сайте появилось предупреждение об аварийной ситуации и возможных перебоях с подачей электроэнергии. Видимо, это сейчас как раз и происходит. Мы попытались переключиться на резервную линию, но... Видите ли, оказывается, что она тоже получает энергию от «Уилинг Электрик» и на ней в настоящий момент также нет напряжения.

– Так, понятно. – Фрэнк нетерпеливо вмешался в разговор. – Электроэнергии снаружи мы не получим. Через сколько минут вы запустите генераторы?

– Что касается генераторов, – в голосе мужчины возникли неприятные извиняющиеся нотки, – Боюсь, что у нас проблемы. Видите ли, один из генераторов сейчас на плановой профилактике, а когда механики проводили пробный пуск дизеля на втором, то... там возникли неполадки и...

– Чёрт, приятель, меня не интересует история болезни. – Фрэнк, видимо, уже понял неизбежное. – Просто ответь мне, получим ли мы питание в ближайшие три минуты, да или нет?

– Нет. – Голос в телефоне говорил с обречённой уверенностью. – Я даже не могу сказать точно, когда это случится.

– Ясно... Понял вас, спасибо.

Фрэнк кивнул Эрику, тот выключил телефон. Вудс подумал ещё секунд десять, пожевал губами, посмотрел на часы.

– Двадцать один сорок девять. Время вышло. Итак, народ, гасим систему. Аккуратно, по протоколу. Все рабочие станции, сервера, всё. После этого каждый берёт телефон и звонит своим клиентом с предупреждением об аварии и о том, что мы за ними сейчас не присматриваем. Я пока попытаюсь выяснить, что у нас с электроэнергией и когда она вернётся. Поехали, поехали, за дело!

Сандрин уже сидела перед своими мониторами и один за другим завершала рабочие процессы. Вот дьявол, подумалось ей. Лишь бы идиоты из Сент-Луиса не узнали, что светофоры их родного города остались без присмотра.

Беннет МакКрейн ощутил странное движение самолёта и немедленно открыл глаза. Непонятно было, то ли он слегка задремал, и это ему почудилось, то ли их и вправду качнуло влево. Он вопросительно посмотрел на Билла Дейла, второго пилота.

– Ты что-нибудь почувствовал?

Тот неуверенно покачал головой.

– Не знаю, вроде как мы попали в небольшую турбулентность.

– Проверь курс и наши координаты. – МакКрейн вызвал на дисплей перед собой карту маршрута и одновременно с этим щёлкнул тумблером внутренней связи. – Говорит командир корабля. В служебном отсеке есть кто-нибудь?

– Разумеется, командир, – возник в наушниках бархатный голос Марси Уильямс. – Чем можем помочь?

– Вы очень поможете командиру, если принесёте ему кружку горячего крепкого кофе. – Он вопросительно поднял бровь и глянул на второго пилота. Тот отрицательно покачал головой. – Если вам не трудно.

– Никаких проблем, командир, сейчас будет.

Беннет отключил связь. В светящейся перед ним карте всё вроде бы было на своих местах. Правда, во время полёта автоматика несколько раз корректировала им курс, уводя по всё более крутой дуге на север, в обход крайне нетипичной для этого времени года бури. Может быть, произошла ещё одна коррекция?

– Что с координатами?

– Всё в порядке. – Дейл водил пальцами по своему дисплею, вызывая нужные данные. – Сейчас запрошу у «НАПС» подтверждение.

– О'кей. Свяжись потом с диспетчером в Рейкьявике, узнай, не вносили ли они новых данных по шторму. – МакКрейн мог бы сделать это и сам, но такова уж работа второго пилота – особенно, такого молодого второго пилота, – выполнять приказы командира экипажа.

В дверь постучали.

– Ваш кофе, сэр! – возник в наушниках голос Марси Уильямс.

Беннет разблокировал замок. Вошла Марси, неся в руке стакан, из отверстия в крышке которого расходился прекрасный аромат свежего кофе.

– Вот, прошу вас. А вы, Билл, – она обратила к Дейлу свой восхитительный взгляд. – Не желаете чего-нибудь?

Второй пилот заметно напрягся. У него порозовели щёки, и он ничего не ответил, только отрицательно покачал головой. МакКрейн внутренне ухмыльнулся: «Вот ведь салага! Совсем

зелёный, если красивая женщина в форме оказывает на него такое воздействие». Он подмигнул краем глаза Марси, та понимающе улыбнулась в ответ уголками губ и вышла. Дейл, тем временем, слегка одеревеневшим голосом вызывал диспетчера в Рейкьявике.

– Говорит борт NP412, повторяю, борт NP412. Прошу сообщить, вносились ли изменения в карту маршрутов в связи с непогодой. Повторяю. Вносились ли изменения...

– Борт NP412, это Рейкьявик. – Возникший сквозь помехи в наушниках голос был слегка уставшим и немного раздражённым. – Мы постоянно вносим изменения по ходу движения бури. За последний час центр шторма сместился ещё на 50 километров в направлении северо-запада. Если хотите, мы передадим вам последнюю метеосводку. У вас какая-то нештатная ситуация?

– Рейкьявик, это борт NP412, – вмешался в переговоры МакКрейн. – Всё в порядке, полёт проходит нормально. Будем благодарны, если пришлёте последнюю сводку погоды. Спасибо. Это борт NP412, конец связи.

Он кивнул Дейлу, тот отключил линию с диспетчером.

– Ну вот, это всего лишь чёртова буря. Будем лететь дольше не на два часа, а на два часа и двадцать минут. Примерно. Ты точно не хочешь кофе?

В чём прелесть раннего утра конца мая в тайге? В том, что комары уже легли спать, а мошка ещё не вылупилась. Потом, где-нибудь в конце июня или в июле – в зависимости от погоды – не будет ни одного времени суток, когда у тебя над ухом не зудела бы какая-нибудь мелкая летучая сволочь. А сейчас хорошо! Благодаря начинающимся белым ночам относительно тёмный период, который принято считать ночью, сократился настолько, что комары почти не успевают разгуляться. Нет, конечно, если полезть в заросли высокой травы вдоль озера или болота, они с удовольствием закусят тобой в любое время дня. Но если обходиться без такого экстрима, можно даже не пользоваться репеллентом. А в этом году небывало сухая весна ещё больше проредила ряды крылатых кровопийц.

Андрей Смирнов полностью опустил стекло в дверце кабины, выставил наружу правый локоть и с удовольствием вдыхал свежий воздух, насыщенный запахом влажной от росы хвои. Неделя выдалась на редкость удачной. Не произошло ни одного инцидента. Никто не порезался, не заболел и не подвернул ногу. Они удачно воткнули новую врезку, аккуратно замаскировали её и даже успели насосать полную цистерну нефти. При этом были все основания полагать, что мероприятие это прошло незамеченным – график облёта беспилотниками и спутниками был свежий, его надёжность подтверждали несколько независимых источников. Они спокойно успевали сделать перерыв и замаскироваться на время пролёта наблюдателей. Вертолётчики тоже, видимо, решили устроить каникулы в этом районе. Так что была надежда, что этой врезкой они успеют попользоваться долго – хорошо бы, до осени. Это многократно окупит все расходы и позволит сделать добротный задел на зиму. Неплохо, конечно, спланировать ещё пару-тройку мест на будущее и вставить как минимум одну «иглу» в ближайший месяц. Опыт учит – врезок должно быть в меру. Слишком много – и ты рискуешь привлечь к себе внимание или службы охраны «Транснефти», или своих прямых конкурентов. Если же «краников» слишком мало, то потеря даже одного из них может поставить под угрозу весь бизнес, а так же благополучие связанной с ним команды, включая семьи. А подводить людей нехорошо. Люди этого не любят.

Однако планирование можно было отложить до завтра. Сегодня заботы чисто технические – отогнать цистерну на «винокурню», то есть нелегальный нефтеперерабатывающий завод. Слить там нефть, получить плату – частью горючим, частью деньгами. После этого навестить Вову Попа, отлестать причитающейся ему наличности, оставить бензин на про-

дажу, забрать подготовленную для них партию припасов – продукты, инструменты, материалы, запчасти, всякую фигню по мелочи. И всё. Можно возвращаться на базу, отдохнуть, залезть в баню на пару часов, пройтись по себе веником так, что потом, когда выберешься наружу и сядешь покурить, привалившись к тёплой бревенчатой стене, будет настойчивое ощущение, что дышишь не лёгкими, а всем телом, каждой клеточкой, каждой порой кожи. Андрей аж зажмурился от предвкушения. А потом можно будет устроить небольшой отдых. Порыбачить. На охоту сходить. Может быть, до города доехать. Прикинуться чайником, посмотреть, как живёт обычное население. Но это всё можно будет решить завтра. Сегодня же заботы чисто технические – отогнать, слить, получить, заехать к Вове. И – в баню.

Глава 3

Когда раздался сигнал тревоги, дежурный офицер Оперативно-стратегического командования воздушно-космической обороны России автоматически отметил про себя время. Одиннадцать часов семь минут.

– Внимание! Штаб противовоздушной обороны Северного флота сообщает о крупной воздушной цели! Цель пересекла границу около двадцати минут назад, с северо-запада. Высота – девять тысяч, скорость – восемьсот. Двигается на юго-восток в направлении Онежской губы.

«Какого чёрта!»

– Дайте мне связь со штабом ПВО Северного флота! Говорит оперативный дежурный командования военно-космической обороны. Может, поясните, почему у вас двадцать минут в воздухе находится нарушитель, а вы сообщаете о нём только сейчас?

В наушниках захрипело, потом недовольный голос отозвался:

– Строго говоря, этот нарушитель к ПВО Северного флота напрямую не относится. Цель вошла в воздушное пространство России на стыке границ Норвегии и Финляндии, так что она формально в зоне ответственности сухопутных погранцов. Мы же не виноваты, что у них нет нормального радарного покрытия в этом районе. Пусть скажут спасибо, что мы заметили и разбудили их. Они ещё пятнадцать минут не могли прочухаться и подтвердить наличие нарушителя.

Дежурному очень захотелось выматериться, но он устоял и только скрипнул зубами. Действительно, его собеседник был прав. Они могли вообще не дёргаться и просто наблюдать, пока цель не выйдет из зоны их видимости. Учитывая, что предполагаемый маршрут нарушителя проходил восточнее зоны ПВО Санкт-Петербурга, в следующий раз его засекали бы уже на подходе к Центральному округу обороны. А там бы времени на маневр уже почти не осталось. И всё же, то, что эта морская крыса позволяет себе такой тон в разговоре с офицером Оперативно-стратегического командования всей страны, было возмутительно! Он ещё раз сдержал матерный позыв и вернул связь оператору:

– Получить у моряков подробные сведения о нарушителе! Связаться с Северо-Западным командованием погранвойск, подтвердить у них информацию! Я доложу в Генеральный Штаб.

При собственных последних словах ему захотелось выматериться в третий раз. Одиннадцать десять утра субботы. Ну, доложит он. Дальше что?

Сплошной облачный покров под ними поредел, в нём там и сям стали возникать разрывы, а потом жемчужно-белая пелена, освещённая особенно ярким на такой высоте солнцем, распалась окончательно. Внизу засверкали бесчисленные блюдца озёр, прожилки проток и речушек. Левее и впереди у горизонта расстилалась обширная водная гладь. Беннет МакКрейн подмигнул второму пилоту.

– Ну, Билл, как тебе вид Швеции сверху? Смотри, видишь воду слева? Это Балтика, точнее, место, где она переходит в Ботнический залив. По моим ощущениям, отсюда до Берлина около двух часов лёту. Запроси у системы точное время прибытия.

Второй пилот Дейл повозил пальцем по своему экрану.

– Верно, командир. Расчётное время прибытия в аэропорт Берлин-Бранденбург – один час пятьдесят семь минут.

– Так-то, Билл. Опыт – великая вещь. Дай-ка я повеселю наших пассажиров. – Он щёлкнул тумблером громкой связи. – Дамы и господа, говорит командир экипажа. Мы прибудем в аэропорт назначения через неполных два часа. Пока же вы можете насладиться прекрасными видами Скандинавии с высоты птичьего полёта.

Главнокомандующий воздушно-космической обороны России был зол, как собака. Суббота, дача, любовница – всё по боку. Пока водитель гнал машину в направлении Балашихи, в расположение штаба, он сам, как того требовала инструкция, связался с начальником Генерального штаба.

– Михаил Петрович, добрый день! Точнее, бывший добрый день. Мне доложили, что ты уже в курсе текущего инцидента. – К счастью, они были достаточно давно знакомы, чтобы общаться, не тратя время на мишуру и субординацию. – Да, я узнал об этом буквально десять минут назад. Нет, сейчас я не могу тебе сказать, как он проник в наше воздушное пространство. Ты не хуже меня знаешь, что мы никогда не рассматривали это направление в числе угрожаемых. Поэтому там нет сплошного радарного покрытия границы. Нет, там нет никакого транспортного воздушного коридора. И пассажирского тоже. Там вообще никого не должно быть. Поэтому не будь рядом Мурманска и базы Северного флота, мы могли вообще не узнать о нарушителе, пока он не долетел бы до Вологды. Сейчас он примерно над западной окраиной Белого моря. Вот я и хочу, чтобы мы с тобой решили, как с ним поступить. Из зоны ответственности моряков он уже вышел. Практически у меня там есть только полк истребителей под Петрозаводском, который прикрывает с севера Питер. Но если цель пройдёт мимо них, то следующий рубеж будет уже на северной границе Центрального округа, в районе Вологды. Там мне его нужно будет просто сбивать, ни на что другое времени у нас уже не останется. Да, именно это меня и беспокоит. Вслепую сбивать неопознанную цель не есть самое разумное решение. Да не в этом дело! Могу, даже два раза могу. Если я отдам приказ сейчас, его снесут ракетой из района Архангельска, а из Плисецка подстрахуют. Я повторяю, меня беспокоит не то, что я его сбить не могу, а то, что я сбиваю неизвестно что. Хорошо, давай я тебе сейчас набросаю несколько вариантов навскидку.

Первое. Это идиот-миротворец. Ага, типа Матиаса Руста. Согласен, размер цели великоват, но что, если это какое-нибудь старое транспортное корыто, на котором вместе с ним летит ещё целый пучок активистов, журналистов-блоггеров и прочих болтунов-операторов. А мы их – раз!!! Ракетой в лобешник. Мне, конечно, на международный резонанс нагадить, но всё же...

Второй вариант. Это спецоперация. Не аэрофотосъёмка, конечно, нахрена ж она сейчас кому нужна. Но выброску десанта я вполне допускаю. Более того, возможно, что она уже произошла, и сейчас мы наблюдаем борт на автопилоте. А если там всё-таки остался лётчик, неплохо бы этого камикадзе посадить и потолковать с ним по душам, согласен?

И, наконец, вот тебе бредовая возможность, просто так, для размышления. Что если это беспилотник, который везёт какую-нибудь заразу и весь расчёт именно на то, что мы его собьем? Так, чтобы зараза с высоты накрыла максимально большую территорию? Не фыркай, я сам знаю, что бред, но просто представь, что есть и такая возможность. И ещё косою десяток подобных. А ты говоришь – «сбить», «сбить». Сбить – дело нехитрое. Но мне бы очень хотелось иметь приказ «сбить», полученный сверху. Да, чтобы меня потом козлом отпущения не сделали. Я знаю, что ты такой приказ тоже предпочтёшь получить, чем отдавать его сам. Ну и что, что министр обороны на Дальнем Востоке? Верховный главнокомандующий-то никуда, насколько я знаю, не делся? Вот и доложи ему, пока я своим перехватчикам пары развожу.

Очень смешно! Хорошо, вот в результате и узнаем, сколько самолётов у меня способны летать и не разучился ли верховный отдавать приказы.

Что? Гражданский? Иностранец? Да брось! Изоляция изоляцией, но за новостями-то мы следим. Когда последний раз ты слышал о чём-нибудь подобном? Не восемьдесят третий год, чтобы самолёты так промахивались.

Тревога в военном смысле – это всегда нечто такое, что вламывается в рутинный распорядок в самый неподходящий момент. Примерно, как она застала майора Сергея Хоменко на унитазе в сортире командного пункта 160-го истребительного авиационного полка, что расположился на аэродроме Бесовец под Петрозаводском. Сирена завывала так, что он едва не свалился с фаянсового сиденья. Почти сразу по коридору за стеной загрохотали бегущие ноги. Спустя ещё полминуты кто-то забарабанил в дверь туалета.

– Товарищ майор, товарищ майор! Тревога!

«Ну, твою же мать!». Майор Хоменко постарался в ускоренном режиме выдавить из себя остатки вчерашнего не очень свежего и плохо прижившегося в кишках ужина.

– Я слышу, не глухой! Через минуту буду!

В минуту уложиться не удалось, но спустя две с половиной он уже вбегал в командный пункт, отряхивая воду с рук – вытирать их ему показалось слишком долго.

– Докладывайте!

– Приказ от Оперативно-стратегического командования! Объявлена боевая тревога для перехвата воздушной цели. – Голос дежурного лейтенанта вибрировал и срывался от нервного возбуждения. Видно было, как подрагивают его пальцы, а кончики оттопыренных ушей налились таким пунцовым оттенком, что казалось, об них скоро прикуривать можно будет. Тем не менее было видно, что этот вчерашний студент, отбывающий стандартную полугодовую воинскую повинность, голову не потерял, в истерику не впадает и действует по протоколу. Сам протокол, собственно, лежал раскрытым перед ним на столе.

– Они особо подчеркнули, что тревога не учебная и нарушитель реальный. Включена сирена оповещения по части. Отправлено сообщение дежурным пилотам. Личный состав поднят по тревоге.

– Принято. Сообщение из штаба на мой экран. И коротко подробности.

– Есть. Вот приказ от командования. Крупная воздушная цель идёт на высоте примерно девять тысяч со скоростью около восьмисот. Двигается с северо-запада в направлении приблизительно восточнее Вологды...

– В смысле – Вологды? Он где вообще сейчас?

– Сейчас он должен проходить примерно вдоль юго-западного берега Онежской губы...

– Примерно?! Как, вашу мать..., – Хоменко вдруг резко замолк и прикусил губу. Какой смысл орать на этого «пиджака»? Он-то откуда знает, как цель оказалась в глубине воздушного пространства, почти у них за спиной? А «примерно» и «приблизительно»... Он и сам прекрасно знает, что этот район прикрывается радарными, как задница привокзальной шлюхи – то есть практически никак. У них даже граница с чухонцами закрыта нормально только в районе Питера, а чем дальше к северу, тем дырявее решето. Если нарушитель идёт с северо-запада, то удивляться особо нечему.

– Так. Какой приказ?

– Поднять истребители, перехватить цель, выяснить, что это, доложить. Дальнейшие действия по особому распоряжению.

– Координаты цели есть?

– Точных – нет, – лейтенант замылся, будто это была его вина. – Есть вектор движения, скорость, высота и последние координаты из наблюдений ПВО Северного флота. Всё остальное построено как экстраполяция. . .

– Отлично, просто отлично! – майор грозно глянул на лейтенанта, но опять вовремя спохватился. Парень здесь не виноват ни разу. Вчерашний ужин, который всё никак не мог успокоиться в животе, предлагал Хоменко более весомый повод для негодования. А лейтенант всего лишь докладывал ситуацию, как есть. Сейчас гораздо важнее было другое – а смогут ли они выполнить хотя бы первую часть приказа? В смысле, поднять в воздух истребители? Разумеется, два дежурных Су-27П стояли – должны стоять – готовыми к вылету, то есть заправленными, с полностью заряженными батареями, укомплектованные вооружением. Однако прошлый опыт подсказывал, что это не является безоговорочной гарантией, что самолёт именно взлетит, а не развалится на старте. Всё-таки, 20—25 лет для боевого самолёта, у которого качественное техобслуживание в последнее десятилетие случалось по большим праздникам – это возраст сюрпризов.

– Что с самолётами?

– Выкатывают из ангаров, через пять минут должны быть готовы к вылету.

– Кто дежурит из пилотов?

– Командир дежурного звена – капитан Петраковский, ведомый – лейтенант Михалков. Подняты по тревоге, готовятся к вылету. Через пару минут должны прибыть к своим машинам.

– Да что у тебя всё приблизительно, лейтенант! – не выдержал всё-таки и сорвался майор Хоменко. – «Через пару минут», «должны быть», «примерно», «около»! Ты здесь в войсках, а не на гражданке!

Лейтенант покрылся пунцовыми пятнами и испариной, уголки губ у него предательски задрожали. Майор сразу пожалел, что не сдержался, но останавливаться было уже нельзя. Раз уж командир взялся орать, то орать надо до конца, иначе это не офицер, а климактерическая истеричка с перепадами настроения.

– Комполка доложили? Нет? Что значит – не берёт трубку? Не слезать с телефона, звонить постоянно, надо будет – отправляйте курьера! Чем заняты механики? Не надо делать из меня идиота! Те, что готовят к вылету дежурное звено, меня не интересуют! Все остальные, все, до единого человека, пусть немедленно начинают готовить следующую пару к вылету. Заправляют, заряжают, стирают пыль, всё, что нужно! Пилотов всех поднять по тревоге! Мне насрать, что сегодня суббота! Да пусть хоть Новый Год! Чтoб через пятнадцать минут – не «примерно», а именно через пятнадцать – было готово к вылету ещё одно звено! И чтoб диспетчеры через три минуты были готовы дать мне на основе этой вашей «экстраполяции» нормальный курс на перехват цели! Выполнять! Я к самолётам, на инструктаж пилотов!

Майор Хоменко стремительно развернулся и вышел с КП, энергично закрыв за собой дверь. Именно так, как должен поступать настоящий командир. Твёрдо, без тени сомнения. Раздал приказы, вставил пистоны, ушёл командовать на месте. Однако сам он всё же не смог избавиться от ледяной дрожи под ложечкой. Неужели правда? Нарушитель? Никогда такого с ними не было, если только это не дурацкая, умело замаскированная учебная тревога. А если нет? Что, если всё вправду? Взлетят ли его «сушки»? А если да, то долетят ли? А если долетят, то найдут ли они нарушителя? А если найдут, что тогда? Господи, пусть лучше это будет учебная тревога!

Глава 4

После взлёта не прошло ещё и десяти минут. Звено истребителей едва набрало нужную высоту и легло на курс перехвата, когда в наушниках лейтенанта Фёдора Михалкова возник голос командира звена капитана Петраковского:

– Ведомый! Вызываю ведомого! Лейтенант, слышишь меня? Ответь!

– Я ведомый! Слышу вас!

– У меня неполадки... а, чёрт! У меня неполадки в правом движке! Теряю тягу.

В эфире щёлкнуло несколько раз, после чего к переговорам добавился ещё один встревоженный голос.

– «Петрозаводск» вызывает «двадцатого» и «тридцать седьмого»! «Двадцатый», «тридцать седьмой» – на связь!

– «Тридцать седьмой» на связи! – немедленно отозвался Фёдор.

– Я... мать твою! Я – «двадцатый», на связи!

– «Двадцатый», это «Петрозаводск», что у вас происходит?

– У нас происходит такое, что я того и гляди загремлю с девяти тысяч прямо на землю! Движок правый у меня накрывается медным тазом, вот что происходит!

– «Двадцатый», это «Петрозаводск»! Капитан, прекрати орать и доложи конкретно!

– Конкретно говоря, у меня начались перебои в работе правой турбины. Я попробовал переключить режимы и регулировать мощность вручную. – Теперь лейтенант Михалков сообразил, отчего идущий впереди справа и чуть выше от него истребитель лидера последние пару минут дёргался, как в эпилептическом припадке. – Сейчас у меня идёт неконтролируемое снижение тяги. Плюс ощущаю сильную вибрацию.

– «Двадцатый», это «Петрозаводск». Попробуй сбросить тягу обоих двигателей, потом вернись в рабочий режим.

– А заглушить их и с «толкача» потом завести мне не попробовать? Я докладываю русским языком – у меня серьёзная неполадка в правом двигателе! Я не уверен, что вот-вот не навернусь с размаху! Прошу разрешения прекратить вылет и вернуться.

– «Двадцатый», это «Петрозаводск»! Ты что, не понимаешь? У вас боевой вылет, а не покатушки от скуки! У нас нарушитель прёт через всю страну!

– «Петрозаводск», это «двадцатый»! Я не понимаю, чем помогу перехвату нарушителя, если превращусь в порцию тушёнки в мятой консервной банке. Не ори на меня! Лучше подними запасное звено.

– Какое... «Двадцатый»!

В этот момент истребитель командира звена ощутимо рыскнул и одновременно накренился вправо, а эфир наполнился отборным матом в исполнении капитана Петраковского. Из сопла правого двигателя его самолёта вылетело заметное чёрное облако с искрами.

– А, чтоб тебя! – Лейтенант Михалков инстинктивно дёрнул ручку влево, чтобы уйти в сторону.

– «Двадцатый», «двадцатый», это «Петрозаводск»! Что у тебя?

– Отказ правого двигателя! Тяга упала... а, чёрт драный! Тяга упала до десяти процентов! Я глушу правый движок, пока он не развалился и не разнёс мне весь самолёт! Возвращаюсь на базу! Готовьте аварийную бригаду!

Тон голоса «Петрозаводска» сразу изменился.

– «Двадцатый», немедленно возвращайся! Капитан, держи машину и иди домой. Снижайся и если будут проблемы, не рискуй – катапультируйся. «Тридцать седьмой», слышишь меня? «Тридцать седьмой», на связь!

Фёдор не сразу сообразил, что обращаются к нему.

– Да... я... «Тридцать седьмой», на связи!

– «Тридцать седьмой», это «Петрозаводск»! Слушай приказ, лейтенант! Вернуться на курс перехвата, выйти в точку предполагаемого местонахождения нарушителя и найти этого засранца. Если мы сможем поднять в ближайшее время запасное звено, то ты там окажешься не один. «Тридцать седьмой», ты всё понял?

Лейтенанту Михалкову внезапно стало холодно. Очень холодно и очень одиноко. Он проводил взглядом «сушку» командира звена, уходящую правым виражом вниз и обратно в сторону аэродрома. Губы у Фёдора сделались сухими и непослушными.

– «Петрозаводск», это «тридцать седьмой». Приказ понял. Возвращаюсь на курс.

– А что в такой ситуации положено делать по... ну, я не знаю... протоколу, инструкции, уставу?

Начальник Генерального штаба Вооружённых сил России генерал армии Нефёдов с трудом поборол желание закатить к потолку глаза и издать страдальческий вздох. Беседа с Верховным главнокомандующим причиняла ему невыносимое страдание. Вовсе не потому, что он боялся получить разнос за то, что неизвестный самолёт-нарушитель беспрепятственно нарушил государственную границу и вот уже почти час вольной птицей парил в нашем небе. Сложно бояться того, кого не уважаешь. Для генерала Нефёдова, офицера давней, ещё имперской, выделки, прошедшего колоссальный карьерный путь и четыре вооружённых конфликта, было физически тяжело видеть перед собой бесхребетного слюнтяя, не способного достойно воспринять информацию о произошедшем инциденте, не впадая при этом в предистеричное состояние. А именно так выглядел сейчас главнокомандующий всей страны.

Нефёдов знал, что тот испугался сразу. С одной стороны, не каждую субботу без предупреждения является собственной персоной начальник Генерального штаба. Тревога здесь абсолютно уместна. Только вот в этом вся разница. Тревога – уместна. А этот – испугался. Его подбородок, едва различимый в обычное время на фоне зажившей шеи, утратил малейшее подобие формы. Глаза забегали по сторонам, старательно пытаясь уклониться от прямого взгляда генерала. Рука, протянутая для приветствия, была мокрой от испарины, так что Нефёдову стоило большого труда не полезть сразу же в карман за носовым платком. Вместо этого он принял официальную стойку «смирно», прижав правую, увлажнённую президентским потом ладонь к штанине. Пару секунд поколебался, какое обращение выбрать. Поскольку «товарищ главнокомандующий» по его представлениям никак не хотело увязываться с бегущими глазами человека напротив, он решил выбрать второй вариант, подчёркнуто гражданский:

– Господин президент! – и дальше коротко и чётко доложил о происходящем. Во время его рапорта «господин президент» плавно дрейфовал бочком по направлению к креслу в теновом углу кабинета. Достигнув его, он немедленно уселся, вцепившись в кожаные подлокотники побелевшими от напряжения пальцами. То ли потому, что боялся, как бы пол не начал раскачиваться под ним, то ли для того, чтобы скрыть мелкую дрожь, которой затряслись эти самые пальцы.

В принципе, в таком поведении не было ничего удивительного. Генерал прекрасно знал, каким образом и почему человек, сидящий, а точнее сказать – прячущийся в кресле перед ним, оказался на вершине иерархии. Он никому не мешал и этим всех устраивал. Именно бесхребетность, отсутствие собственной воли и абсолютная управляемость позволили ему не только занять место своего предшественника после той загадочной катастрофы, но и сохранить его на постоянной основе. Кроме того, Нефёдов был практически уверен, что вольно или невольно нынешний президент был заранее учтён в игре элит, как наиболее подходящий кандидат. Он был уже известен в своё время в качестве первого лица, за ним тянулся лёгкий флёр из бес-

толковых популистских инициатив и высказываний, он не был ястребом для международной арены (хотя сейчас это вряд ли имело значение), а во внутренней политике слыл добряком. Но самое главное – он знал своё место и не пытался лезть, куда не следует. А если иногда президента всё же заносило, его можно было достаточно мягко и незаметно вернуть в мир реальности. Пепел предшественника очень кстати стучал при этом ему в грудь.

Всё это генерал армии Нефёдов знал и прекрасно понимал. Но ничего не мог с собой поделаться. В глубине его естества никак не хотела приживаться мысль, что человек настолько непригодный к руководству великой страной – а Нефёдов верил в это величие всей своей армейской душой, – так вот, такой человек этой страной не только формально руководил, но и являлся её лицом. И это лицо страну, мягко говоря, не украшало. Поэтому если обычно президент вызывал у него просто раздражение, то сейчас, в кризисной ситуации, его трусливая паника и нежелание взять на себя малейшую ответственность выглядели сущим оскорблением.

Деваться, впрочем, было некуда. Начальник Генерального штаба вынужден был признать правоту своего старого товарища – командующего воздушно-космической обороны. В сложившихся обстоятельствах иметь прямой приказ сверху было бы оптимальным вариантом. И если ради этого приходится терпеть жалкое зрелище – что ж тут поделаешь. Можно даже получить из этого своеобразное извращённое удовольствие, наблюдая, как елозит в кресле Верховный главнокомандующий, пытаясь всеми силами отмазаться от необходимости принять решение.

– Господин президент, любой действующий, как вы говорите, протокол, устав или инструкция предусматривают один единственный вариант. Нарушитель воздушного пространства должен быть остановлен. Сделать это можно двумя способами. Либо перехватить его силами истребителей ПВО и принудить к посадке, либо уничтожить дистанционно зенитными ракетами. Решение, как именно нам поступить, должны принять вы, как верховный главнокомандующий.

– Но разве силы ПВО не должны сами решать, что именно им делать с нарушителем?

– Силы ПВО отрабатывают все те действия, что они должны выполнять. Они отслеживают передвижение цели, – здесь генерал армии сознательно соврал, уж кто-кто, а он прекрасно знал, что следить за целью в том районе физически нечем. Но зачем давать президенту в руки лишний козырь? – Подняты истребители-перехватчики, которые должны найти цель и вступить с ней в непосредственный контакт.

– А, так значит истребители уже в воздухе?

– Так точно. Мы рассчитываем, что в течение ближайшего получаса они смогут обнаружить нарушителя и вступить с ним в визуальный контакт.

– Ну, так это значит, что всё под контролем? Какое ещё решение я должен, по-вашему, принять?

– Принципиальное, господин президент. Всё-таки нарушитель в нашем воздушном пространстве уже почти час. Нам неизвестно, с какой целью он проник и чем в данный момент занимается. Вы можете отдать прямой приказ уничтожить его немедленно, и в течение десяти минут зенитные ракетные дивизионы из Архангельской области смогут поразить цель. Или вы можете отдать приказ дожидаться перехвата нарушителя истребителями, но тогда мы не сможем гарантировать, что нарушитель не успеет до этого момента нанести нам какой-либо ущерб.

– Какой ущерб?

– Этого мы не знаем, господин президент.

Верховный главнокомандующий качнулся в кресле из стороны в сторону. Видно было, что он мучительно сдерживается, чтобы не начать елозить на месте, а то и вообще – вскочить и выбежать из комнаты.

– И всё-таки, генерал, о какой именно угрозе может идти речь?

– Повторяю, господин президент – нам это неизвестно. Мы даже не можем определить тип этого летательного аппарата, пока перехватчики не установят визуальный контакт.

– Ну, хорошо, а если зайти с другого конца – для чего он может представлять угрозу? Есть по пути его следования какие-то объекты, города или ещё что-нибудь, что могло бы быть для него целью?

«Ты смотри-ка», – подивился внутренне начальник Генерального штаба: «А он всё же может иногда задавать разумные вопросы!»

– Нет, господин президент. Он идёт по маршруту, где нет ни одного крупного города, военной цели или объекта инфраструктуры. Там даже деревень-то толком не осталось, только леса и болота на сотни километров. К относительно густонаселённым областям он приблизится не раньше, чем через час.

– А истребители, вы говорите, найдут его через полчаса? – в голосе президента чувствовались явные нотки облегчения. Судя по всему, можно было отложить принятие решения.

– Я думаю, что быстрее. Полчаса – это крайний срок.

– Ну что же, – верховный главнокомандующий обмяк, откинулся в кресле, выпустил подлокотники и сплёл пальцы на животе. – Вот и прекрасно. Давайте не будем пороть горячку, генерал. Дождёмся доклада истребителей.

– Слушаюсь, господин президент. Я немедленно доложу, когда перехватчики обнаружат цель.

Генерал армии Нефёдов коротким движением подбородка обозначил кивок, подчёркнуто чётко развернулся кругом и вышел из кабинета.

Сандрин Чанг ощущала себя кошкой. Нет, не в том смысле, что она уснула и видела сон или вспомнила о классической героине комиксов. Всё гораздо проще. Она ощущала себя обычной домашней кошкой, которая способна сидеть несколько часов на подоконнике и бездумно пялиться на мир за окном. Или это только кажется, что бездумно? Она вспомнила, что когда была подростком, у неё жила обычная серо-полосатая котейка, которую незатейливо звали Китти. Так вот, помнится, Сандрин всегда забавляла эта самая способность сидеть и неподвижно смотреть в окно, так что глядя с улицы не всегда понятно – это живая зверюшка за стеклом или просто хорошо сделанное чучело?

Теперь же сама специалист по кибербезопасности Чанг являла собой пример такого кошачьего поведения. Она подкатила своё кресло к окну, отрегулировала высоту сиденья, облокотилась на подоконник и, положив подбородок на руки, созерцала ночь. За её спиной коллеги по ночной дежурной смене преодолевали, как могли, вынужденное безделье. Кто-то задремал в кресле. Кто-то играл на планшете или смартфоне. Эрик Шульц вполголоса болтал с новеньким пареньком, которого Сандрин ещё не знала. Слышала только, что он приехал откуда-то из Европы, кажется, что из Восточной. За разговором парни жевали шоколадные батончики и запивали всё это тонизирующей газировкой. Ну, а куда деваться! Вся ж бытовая техника работала от электричества. Стоило лишиться всего лишь одного этого блага цивилизации и всё, привет! Ни кофемашину не запустишь, ни сэндвич в микроволновке не разогреешь. Народ поначалу предложил было заказать пиццу и кофе с доставкой из города, но охрана технопарка эту тему забанила. Заявили, что в таких чрезвычайных условиях, когда не работает даже видеонаблюдение, они не могут допустить посторонних на территорию.

Сандрин сама уже испробовала все способы скоротать время. Минуло почти пять часов с момента аварии. Дело двигалось к трём часам ночи. Адреналиновый азарт, поступивший в кровь сразу после инцидента, совсем выдохся. Из новостей в интернете они уже примерно представляли себе общую картину. Знали, что всё началось с дорожной аварии в Уричсвилле, где потерявший управление грузовик протаранил трансформаторную подстанцию. Вскользь упоминалось, что водитель серьёзно не пострадал, но выход подстанции из строя спровоциро-

вал каскадную перегрузку сети. Где-то мелькнуло короткое интервью с каким-то ответственным чиновником из энергоснабжающей компании, который сухим, но чётким голосом пояснил, что во избежание возможного ущерба для муниципальных сетей и систем жизнеобеспечения им пришлось обесточить ряд неприоритетных промышленных объектов. При словах про «неприоритетные» собравшиеся в комнате сотрудники дежурной смены немедленно возмутились, но довольно быстро утихли. Дежурный по технопарку вызвал среди ночи главного механика, тот – своих помощников и все вместе они, неистово матерясь – так, по крайней мере, рассказывал Фрэнк Вудс, бывший тому очевидцем – пытались починить дизель на резервном генераторе. Так что теперь им всем оставалось только ждать, что произойдёт раньше: даст ток «Уилинг Электрик Пауэр», заработает генератор или наступит утро.

За окном же, в ночи, в которую без всякого смысла и усилия смотрела Сандрин, текла обычная, рутинная, ничем не примечательная жизнь. Поток машин по развязкам и путепроводам сократился до минимума. Погасли почти все окна в расположенном в отдалении жилом пригороде Кантона. Уличные фонари перешли в режим энергосбережения, приглушив яркость. По железнодорожной ветке шёл товарняк, влекомый локомотивом, на борту которого горели в ряд оранжевые габаритные огоньки. К северо-западу от технопарка в небе на фоне сплошной облачности периодически мигал движущийся синий аэронавигационный огонёк. Наверно, летел дежурный вертолёт или небольшой самолёт. Неважно. В левом ухе Сандрин, во вкладном наушнике, нежный и немного нарочито ломкий голос певицы нашёптывал на фоне переливчато-звонких гитарных аккордов про то, что ей не нужно никого и ничего, кроме тебя. Сандрин тихонько покачивала головой в такт мелодии, бесцельно уставившись расширенными зрачками в ночь. Совсем как кошка.

Су-27 шёл, как собака по следу. Если точнее – по конденсационному следу, двум колеям из водяного пара, образованным работой двигателей идущего в нескольких десятках километров впереди самолёта. Крупного самолёта. Лейтенант Фёдор Михалков понял это сразу, как только нашёл эту дорожку, оставшуюся в небе. Произошло это вскоре после того, как бортовая радиолокационная станция РЛС Н001 засекала нарушителя, причём примерно там, где ему и надлежало быть по расчётам наземных диспетчеров. Не успел Михалков доложить о появлении устойчивой отметки на радаре, выслушать похвалы и бурную радость от удачно выполненной экстраполяции предполагаемого курса нарушителя, как заметил впереди в абсолютно чистом небе эту самую дорожку. Широкою, постепенно расплывающуюся в стороны, чтобы со временем превратиться в длинное перистое облако. Но, тем не менее, состоявшую из двух чётко отдельных частей. Сейчас, когда истребитель быстро шёл вдогонку, деление на полосы стало ещё более ясным. Из этого можно было сделать некоторые выводы.

Во-первых, цель наверняка была крупной. Только на большой машине двигатели разнесены достаточно далеко друг от друга, чтобы нарисовать две колеи. У относительно небольших самолётов, вроде «сушки» Фёдора, след от близко расположенных турбин очень быстро сливается в одну ленту. Кроме того, только мощные двигатели способны выдать такие густые и отчётливые полосы конденсата.

Во-вторых, это не беспилотник. Те летают либо на одном движке, либо их моторы расположены так близко друг к другу, что дают один общий след, или не дают его вообще, потому что для беспилотника главное – быть максимально незаметным.

В-третьих, и это самое главное – всё вышеперечисленное являло весомый повод для беспокойства, а в случае Фёдора едва ли не для паники. Крупная двухмоторная машина, нагло и прямолинейно прущая в чистом небе на мощных движках в направлении центра страны. Бомбардировщик? Зачем? Да и кому придёт в голову начинать войну с такого одиночного

вторжения? Да и просто – начинать войну? Разведчик? Опять же – зачем? Всё, что можно разглядеть с воздуха, гораздо проще увидеть из космоса. Десант? Тайная операция? Диверсанты?

Чёрт побери, лейтенант Михалков имел все основания для паники. При полном отсутствии реального боевого опыта и весьма скромных навыках лётной практики, ему предстояло столкнуться с самой серьёзной угрозой за время службы. Причём не только столкнуться, но и предотвратить эту угрозу. Поэтому чем ближе становился к нему источник двух конденсационных струй, тем активнее лейтенант психовал, мучительно пытаясь вспомнить, чем он располагает и что ему надлежит сделать. Так, бортовой определитель «свой-чужой». Километров за 10 от цели он его запустит и если не получит отклика, будет знать, что самолёт перед ним – враг. Шесть ракет «воздух-воздух» на подвеске – больше вешать не стали, чтобы увеличить радиус полёта. Пушка в правом крыле, 150 снарядов к ней, каждый пятый в ленте (Фёдор будто проговаривал про себя учебник по вооружению) – трассирующий. Это на случай ближнего боя. На случай обороны – станция обнаружения облучения и блоки постановки помех. Обороны? Мать твою! А если и в самом деле этот чувак впереди вооружён? Какого чёрта об этом никто не подумал? Какого чёрта он делает тут один? Ведь ему обещали, что следом подымут ещё самолёты, и они будут здесь одновременно с ним! Где они?

– «Петрозаводск», это «тридцать седьмой», повторяю, это «тридцать седьмой», ответьте.

– «Тридцать седьмой», это «Петрозаводск», слушаю тебя.

– Где моя поддержка?

– Какая поддержка?

– «Петрозаводск», вы сказали, что поднимаете ещё истребители, и они догонят меня.

Где они?

Голос в наушниках немного помолчал.

– «Тридцать седьмой», мы смогли поднять второе звено только через полчаса после вашего вылета. Они идут в твоём направлении, но, как ты должен понимать, прибудут к тебе на подмогу через эти самые полчаса. В лучшем случае, минут через двадцать. Пока что в зоне перехвата ты один.

– Но, может быть, мне тогда сделать круг, дождаться их?

– Нет, «тридцать седьмой», ответ отрицательный. Ты должен как можно скорее установить с целью визуальный контакт, чтобы определить, что это такое. Какой у тебя остаток горючего?

Лейтенант спохватился, что забыл проверить этот показатель. Посмотрел на приборы и похолодел уже окончательно.

– «Петрозаводск», это «тридцать седьмой»! У меня горючего осталось всего ничего! Я успею только догнать нарушителя, пару минут посмотреть на него и мне надо будет тут же разворачиваться, иначе я не дотяну до базы. Разрешите вернуться!

– «Тридцать седьмой», это «Петрозаводск». Ответ отрицательный, – в голосе с командного пункта возникли нотки раздражения. – Ты обязан долететь до цели, опознать её и доложить нам. И ты это сделаешь.

– А что, если цель вооружена и будет защищаться?

– А ты, что, на «кукурузнике» туда летишь? Оценишь уровень угрозы, отреагируешь соответственно ей. Если нарушитель попытается тебя атаковать, собьёшь его. Постоянно докладывай, что происходит, мы тебе подскажем, как поступить. Давай, давай, лейтенант, подбери соплю и догоняй ублюдка! Это приказ.

Беннета МакКрейна немного беспокоил пейзаж под ним. Ему казалось, что на всём протяжении пути он должен будет видеть слева от себя береговую линию Балтийского моря.

Поначалу так оно и было, но затем водная гладь ушла за горизонт, а под брюхом самолёта, выполнявшего рейс NP412, раскинулся сплошной ковёр лесов, прорезанный ленточками рек, разнообразными по форме лужицами озёр и бурными пустошами болот. Честно говоря, Беннет не был уверен, есть ли тут подвох или нет и как именно должен выглядеть этот ландшафт. За свою карьеру он ни разу не летал между Европой и Скандинавией и понятия не имел, какие здесь наземные ориентиры. Обычно после трансатлантического перелёта через приполярные области самолёт проходил вдоль побережья Норвегии на Северном море. Однако в этот раз обходной маршрут вокруг бури увёл их настолько далеко к северу, что двигаться приходилось над неизвестной местностью, опираясь только на показания аэронавигационной системы. «НАПС» сомнений командира экипажа не разделял и уверенно сообщал, что внизу – Швеция. МакКрейн электронике привык доверять и поэтому не вдавался в размышления по поводу своего смутного беспокойства, а просто внимательно осматривал горизонт, ожидая, что вот-вот снова покажется большая вода, означающая на этот раз, что полёт над Скандинавским полуостровом подходит к концу. Внезапно он увидел нечто, что заставило его забыть о пейзаже и отсутствующей Балтике. Из-за спины слева и повыше от них возник и стремительно пролетел вперёд предмет, который он никак не ожидал увидеть. Удлиненный, с хищно наклонённой передней частью, раскрашенный в серо-голубые оттенки самолёт. Боевой истребитель.

Глава 5

Майор Сергей Хоменко жалел, что из строя вышел именно самолёт Петраковского. Конечно, в идеале он бы предпочёл, чтобы полёт продолжили оба, но раз уж кому-то оказалось суждено выйти из задания, лучше бы это был сопливый салага. Тут была возможна другая засада – а смог бы он посадить самолёт с одним движком, как это сделал Петраковский? Даже капитану это удалось только со второй попытки, и он повредил при этом шасси. И всё же, всё же. Майору Хоменко остро не хватало в зоне перехвата пилота с хоть каким-то опытом.

– «Тридцать седьмой», это «Петрозаводск». Повтори последнее сообщение.

– Я проскочил, проскочил мимо! Не сбросил скорость!

– Успокойся, «тридцать седьмой». Развернись и сделай ещё заход.

– Я... я боюсь, что мне не хватит горючего!

– «Тридцать седьмой», у тебя горючего ещё как минимум на три минуты. Выполняй разворот и снова заходи на цель. Доложи, что ты видел.

– Я... Есть. Выполняю левый разворот. «Петрозаводск», я не успел рассмотреть цель как следует, но это, похоже, обычный самолёт. Крупный, два двигателя. По бортам, кажется, есть ряды иллюминаторов. Повторяю, я шёл выше цели и на большой скорости, поэтому не разглядел точно.

В наушниках хрустели помехи, голос пилота звучал глухо и невнятно – видимо, из-за кислородной маски. А может, лейтенант просто слишком нервничал и глотал слова.

– «Тридцать седьмой», ты уверен, что это не военный самолёт? Не транспортник или заправщик, например? В какой цвет он покрашен?

– Серый, – донёсся сквозь шорохи и треск голос лейтенант Михалкова. – Он серый и на нём цветные эмблемы.

Офицеры на командном пункте переглянулись. Серый? Тёмно-серый военный или серый гражданский?

– «Тридцать седьмой», уточни цвет. Он тёмно-серый?

– Я... я не знаю точно. Не уверен. Здесь очень яркое солнце.

– Что за эмблемы на нём? Надписи, рисунки?

– Я не разглядел, но на хвостовом оперении и крыльях у него белые и синие полосы. И надпись на фюзеляже. Только я её не успел прочесть.

Майор Хоменко начал внутренне закипать, но всеми силами старался сдержаться. Если он хотел, чтобы этот сопляк сделал хоть что-то полезное, надо быть терпеливым, как с малым ребёнком.

– «Тридцать седьмой», ты видел у него какое-то оружие? Что-нибудь необычное, что-то под крыльями? Или надстройку странной формы? Радар?

– Нет, ничего такого. Под крыльями не знаю, я шёл верхом. Сейчас заканчиваю разворот и попробую пристроиться ниже него, посмотрю.

Вот так, уже лучше. Если занять мозг лейтенанта вопросами, то он начинает соображать в нужном ключе.

– Отлично, «тридцать седьмой»! Не суетись, у тебя вагон времени, сбрось скорость и загляни под него. Ищи любые необычные контейнеры, подвесные баки, всё, что угодно.

– Вас понял, «Петрозаводск», приближаюсь к цели.

Глава смены аэронавигационного узла Стокгольма Маркус Торсен заметил мигающий огонёк и на всякий случай поднял глаза вверх мониторов. Вызывающий его с другого конца зала Андреас Сандстрём смотрел прямо на него и знаками поднятой руки подчёркивал – «это важно»! Маркус нажал кнопку селектора.

– Шеф, у меня странное сообщение от борта NP412. Они запрашивают, не проводят ли наши ВВС полёты в их эшелоне. Говорят, мимо них только что на большой скорости прошёл истребитель. У меня от военных такой информации нет. Может, вы знаете что-нибудь?

– Ничего не слышал. А где именно они сейчас находятся?

– Секунду. «НАПС» показывает, что они сейчас проходят над южной оконечностью озера Веттерн, движутся курсом к Кристианстаду и далее, на Берлин.

– Хорошо. Дай мне их точные координаты, я свяжусь с ВВС. А ты сам подежурь с ними на связи.

– «Петрозаводск», это «тридцать седьмой». У нарушителя снизу чисто. Ни подвески, ничего. Обычный самолёт.

– А эмблемы, надписи? Ты что-нибудь видишь?

– Нет, я позади него и ниже. У меня горячее на исходе. Осталась минута, может быть, полторы. Что мне делать дальше?

– Включи аварийную частоту и потребуй представиться. Как понял?

– Вас понял, «Петрозаводск». Вот только... а что именно я должен сказать?

– Чёрт, «тридцать седьмой», ты чем в училище занимался? Говоришь: «Неизвестный самолёт, вы нарушили воздушное пространство России, немедленно назовите себя». Понял? Давай, шевелись, время, время!

Генерал армии Нефёдов выслушал доклад.

– Так, если я правильно понял, с виду это обычный самолёт, но мы не можем определить ни его назначение, ни принадлежность?

– Так точно, Михаил Петрович, – главнокомандующий воздушно-космической обороны говорил быстро, времени на раздумья у них почти не осталось. – Нам нужно прямо сейчас решить, какой приказ отдать истребителям. Тот, что рядом с целью, через минуту должен будет возвращаться, иначе не дотянет до базы. Второе звено будет там только через пятнадцать минут. Вопрос – можем ли мы дать нарушителю эти пятнадцать минут?

– А что будет делать второе звено, когда долетит до него?

– Попытается принудить к посадке, будет эскортировать по дороге к аэродрому, в случае отказа – собьёт.

– Тот истребитель, что сейчас на месте, может это сделать?

– Конечно. Вот только времени у него мало.

– Ничего, успеет. Хватит этих покатушек в нашем небе. Делаем так. Твой истребитель принуждает нарушителя следовать за собой. Сопровождает его до встречи со вторым звеном. Передаёт им сопровождение, после чего чешет на базу. Вот так.

– А в случае отказа подчиниться?

- А в этом случае – стреляет. Это он умеет?
- Ну, уж скажешь! Обижаешь, Михаил Петрович!

Самолёт встряхнуло, в желудке возникло не самое приятное ощущение. Потом трянуло ещё раз. Клаус Майер открыл глаза. Почти сразу в салоне раздался мелодичный сигнал, и на панели впереди зажглась надпись «Пожалуйста, пристегните ремни». По громкой связи разнёсся голос стюардессы:

– Дамы и господа! Наш самолёт входит в зону небольшой турбулентности. Просим вас вернуться на свои места и пристегнуть ремни безопасности.

Клаус сонно поморгал, поёрзал в кресле. Уселся поудобнее, нашёл пряжки ремня. Защёлкнул, осмотрелся по сторонам. Соседа снова не было. После приёма лекарства тот успокоился, но сейчас, видимо, снова прорвало. Ну что ж, бывает. Главное, до конца полёта осталось меньше часа, так что ещё до вечера пастор Майер должен оказаться дома. Хватить времени подготовиться к завтрашней воскресной проповеди. И отоспаться.

«Вот только турбулентности сейчас не хватало!». Беннет МакКрейн переглянулся со вторым пилотом:

– Билл, ты хоть слово понял из того, что он сказал?

Второй пилот Дейл покачал головой:

– Честно говоря, я даже не понял, на каком языке он говорит. Я по-шведски вообще-то ни бум-бум.

– Я тоже, Билл, но это не похоже на шведский. Есть в нём что-то восточно-европейское. Может, польский?

– Да? И какого лешего поляк делает над Швецией, а, командир? И что нам сказать ему в ответ?

– Ну, скажем то, что обычно приличные люди говорят при встрече. – МакКрейн включил аварийную частоту. – Внимание, говорит рейс NP412, повторяю, говорит рейс NP412. Следуем курсом в аэропорт Берлин-Бранденбург. Привет. Назовите себя.

Ответа не было. Беннет пожал плечами.

– Ну что ж. Может он тоже просто хотел поздороваться, а на самом деле мы ему не интересны. А насчёт поляков над Швецией... Кто их знает, может у них опять какие-нибудь совместные учения. Очередной «Балтийский щит», например. Но я всё же сообщу в Стокгольм.

Лейтенант Михалков не понял ни единого слова из услышанного в наушниках. Иностранные языки никогда не были его сильной стороной, а сейчас стресс на грани паники уничтожил в его памяти даже то небольшое, что там прижилось после училища. Однако признаваться в этом было почему-то стыдно.

– «Петрозаводск», это «тридцать седьмой». Нарушитель на обращение не отвечает, курс и скорость не изменил. Горючее на исходе.

– Да помним мы про горючее! «Тридцать седьмой», раз на танцы времени не осталось, идём по сжатому сценарию. Перестраивайся так, чтобы оказаться позади и выше цели. Не очень высоко, а чуть выше. Даёшь очередь из пушки по курсу движения, короткую, так, чтобы её

увидели из кабины. После чего пролетаешь вперёд и креном показываешь направление разворота. Если нарушитель подчинится, разрешаю сбросить четыре ракеты из шести, чтобы облегчить машину и сэкономить топливо.

– А если не подчинится?

– Попробуешь ещё раз. Если не поможет второй раз, отойдешь назад и подготовишься к боевой атаке ракетами. Всё понял, «тридцать седьмой»? Выполняй!

Маркус Торсен отнял от уха трубку и сделал Андреасу Сандстрёму знак подключиться к нему:

– Андреас, борт NP412 всё ещё наблюдает неизвестный истребитель?

– Секунду, шеф... Нет, говорят, визуального контакта нет. Был странный сеанс на аварийной частоте – к ним обратились на непонятном языке, возможно, польском. Они представились на английском, ответа не последовало. Сейчас всё тихо.

– Странно всё это. ВВС очень удивились сообщению об истребителе. Говорят, в том районе не должно быть ни одной машины. Пилоты описали его? Модель, опознавательные знаки?

– Нет. Говорят, что он резко вынырнул и сделал их, как стоячих. Потом ушёл на вираж и пропал. Рассмотреть его они не успели.

– Ладно. Я передал военным координаты, сейчас они развернут туда радары и всё выяснят.

Сердце лейтенанта Михалкова колотилось, как сумасшедшее. К горлу из желудка подступала горечь. Фёдор попытался сглотнуть и ещё раз проверил, всё ли он делает правильно. При этом он старался даже не смотреть на индикатор остатка топлива. Майор Хоменко верно сказал – в крайнем случае он просто сбросит с подвески ракеты. И не четыре, а все шесть. Это облегчит его минимум на полторы тонны и даст необходимый запас дальности полёта. Сейчас же важно держать машину и правильно навестись, так, чтобы очередь из его пушки (каждый пятый – трассирующий) наверняка заметили из пилотской кабины.

Он выровнял свою скорость со скоростью нарушителя, пристроившись позади него, чуть левее и выше, чтобы не попасть в струю от мощного двигателя под крылом. «Сушку» и так порядочно мотало от нектати попавшейся полосы турбулентности. Фёдор прицелился параллельно курсу неизвестного самолёта, передвинул переключатель вооружения в режим «пушка», откинул предохранительный колпачок, положил подрагивающий палец на гашетку. Постарался глубоко вдохнуть и выдохнуть. И... И тут Су-27 лейтенанта Михалкова провалился в воздушную яму.

Маркус Торсен сделал зверские глаза и отчаянно замахал рукой.

– Андреас, немедленно перепроверь все данные по рейсу NP412! Нужны максимально точные координаты. Срочно!

– Хорошо, шеф, а в чём дело?

– Военные навели радары и не нашли там никакого истребителя. Но это не самое странное. Борта NP412 там тоже нет!

– Как?

– Никак! Там в небе пустое место! Перепроверь всё, живо!

Потеряв опору из-за срыва потока, истребитель лейтенанта Михалкова клюнул носом вниз, качнулся вправо и просел на несколько метров. Всё внутри Фёдора прыгнуло вверх, на долю секунды оказавшись в невесомости. Он судорожно вцепился в ручку управления самолётом, намертво зажав при этом гашетку стрельбы. Самолёт затрясло от отдачи, справа от кабины замерцали яркие сполохи и очередь из огненных следов от трассирующих снарядов (каждый пятый) пошла по замысловатой дуге, как плеть. Плеть чиркнула по левой стороне пилотской кабины, пересекла широкое крыло и вспыхнула огнём, дымом и обломками в двигателе самолёта-нарушителя.

Глава 6

Первым погиб невезучий сосед пастора Майера. Взорвавшийся левый мотор выбросил рой осколков, самыми опасными из которых были лопатки турбин. Вращавшиеся внутри авиационного двигателя «Пратт энд Уитни» с огромной скоростью, теперь, сорвавшись со своих креплений, они превратились в выпущенные из пращи смертоносные снаряды. Один из них с лёгкостью прошёл слоёный пирог из алюминиевых сплавов и композитов, составлявший борт воздушного судна, проник внутрь туалета в хвосте основного салона и пересёк основание шеи бедняги, сидевшего в этот момент на унитазах. Разбив позвонок, он перерубил спинной мозг, затем аорту и трахею, после чего вырвался наружу через грудину и левую ключицу. Если бы траектория полёта осколка прошла на несколько сантиметров выше, он просто снёс бы своей жертве голову, как нож гильотины. Но и полученных повреждений хватило, чтобы умереть практически мгновенно. Внутреннее пространство кабины туалета заполнилось брызгами крови вперемешку с кусочками плоти и раздробленных костей, и вся эта смесь ринулась вместе с воздухом в пробоину.

Другой обломок влетел в задний сервисный отсек. На его пути оказалась левая лодыжка Мэнди Уэстфилд, которая собиралась сесть и пристегнуться на своём служебном месте. Она только что вернулась из хвоста самолёта, проверив, заняли ли свои места пассажиры с маленькими детьми. Не успев опустить и закрепить своё сидение, Мэнди ощутила сильнейший удар по ноге, рывок, пол ушёл у неё из-под ног, что-то врезалось в голову, уши заложило. Отчаянно завыл сигнал тревоги. Мэнди судорожно попыталась вздохнуть, но что-то словно стиснуло горло, перекрывая доступ кислорода. Силясь понять, что с ней, она открыла глаза. Ничего не увидела. Попробовала ещё раз моргнуть и вздохнуть. Воздух нехотя всосался в лёгкие, темнота перед глазами посерела и стала дробиться на отдельные пятна. Сквозь муть она разглядела над собой уходящую вверх стенку служебной стойки, угол своего сидения и вывалившуюся над ним из аварийного лючка кислородную маску.

«Разгерметизация».

Надо срочно встать и надеть маску. Она заелозила спиной по полу, задвигала локтями, пытаясь перевалиться на бок, опереться на руки и встать. В ушах стоял омерзительный писк и было больно из-за резкого перепада давления. В голове плыло, ватные руки тряслись, одну из ног она вообще не чувствовала. Сделав над собой титаническое усилие, Мэнди перевернулась на живот и попыталась приподняться на локтях. Ей попался на глаза странный предмет, лежащий на полу в полуметре от её лица. Он очень походил на туфлю, только из неё почему-то торчало нечто с красными неровными лохмотьями и белыми острыми осколками наверху. Всё вокруг покрывали пятна тёмной жидкости. Мэнди попыталась понять, какого цвета эта жидкость и почему при виде странного предмета её начинает трясти и мутить.

Не успела.

На самой границе узнавания и понимания того, что произошло, сознание заботливо щёлкнуло аварийным выключателем. В голове Мэнди ярко вспыхнули радужные искры, после чего её мозг провалился в крошечную темноту, а сама она рухнула лицом в лужу собственной крови.

Коби Трентон взрыв настиг на подходе к переднему сервисному отсеку. Самолёт резко рванулся в одну сторону, она по инерции полетела в другую, не удержавшись на ногах. И врезалась лбом в край переборки на выходе из первого класса. Слава богу, что по новым правилам

окантовка во всех дверных проёмах была заменена на прочную, но всё же пластмассу. Окажись здесь старомодный дюралевый или, того хуже, стальной профиль, она рисковала бы пробить череп, а не просто рассечь кожу. Но всё равно из глаз полетели искры, потом слёзы, голова вспыхнула отчаянной болью, а во рту стало горячо, солоно и противно. Несколько секунд она не могла прийти в себя, оглушённая ударом, воем сирены и воплями пассажиров. Потом, судорожно цепляясь за переборку, смогла подняться на колени.

Прямо перед ней, в углу сервисного отсека, лежала на полу Марси Уильямс. Скорчившись, она прижимала руки к левой части живота. Ноги ей придавила раздаточная тележка, которую не успели закрепить или она сорвалась с замков. Марси судорожно хватала ртом воздух, пытаясь издать хоть какой-то звук, но вместо этого из её горла вырывались только хрип и бульканье.

– Марси! – Коби, как была, на четвереньках рванулась к ней. Оттолкнула в сторону тележку, бегло осмотрела ноги Уильямс. Вроде бы всё в порядке, ни ран, ни неестественного положения, что могло бы свидетельствовать о переломе или вывихе. Потом она крепко взяла лицо Марси в свои ладони и повернула его к себе.

– Марси, Марси, ты меня слышишь? Смотри на меня, Марси, это я, Коби.

Глаза старшей стюардессы сфокусировались на ней, зрачки сузились. Марси снова попыталась открыть рот, что-то сказать, но смогла лишь судорожно и коротко вздохнуть.

– Дыши, Марси, дыши. Что с тобой? Тебе больно? Где больно?

Уильямс наконец смогла вобрать в себя достаточно воздуха, чтобы выдать:

– Что... с нами? Мы падаем?

Коби потрясённо посмотрела ей прямо в глаза. Только сейчас она сообразила, что пол под ними отчаянно вибрирует и наклонён под неестественным углом. Марси отняла правую руку от живота и слабым движением попыталась указать в сторону носовой части самолёта.

– Пилоты... Коби... Узнай, что происходит... Скорее...

Из её обычно восхитительных, а сейчас полных страдания глаз полились слёзы.

Когда плеть очереди тридцатимиллиметровых фугасно-осколочных снарядов хлестнула по левой стороне кабины, второй пилот Билл Дейл смотрел на свой дисплей, проверяя текущие параметры работы самолёта. Внезапно его встряхнуло так, что голова чуть не оторвалась от плеч, раздался громкий треск, после чего уши наполнились ватой и болью.левой щекой Билл ощутил попадание влаги, а на дисплей перед ним упал веер тёмно-красных брызг. Он вцепился в подлокотники кресла, сверху со щелчком распахнулся люк аварийного контейнера кислородного прибора, маска вывалилась и повисла прямо перед лицом, раскачиваясь. Дейл инстинктивно схватил её, в одно движение натянул на голову эластичные ремни, ткнул штекер микрофона в гнездо. Самолёт при этом интенсивно кидало из стороны в сторону, а нос ощутимо проседал вниз. В наушниках монотонный и бесстрастный голос бортового компьютера докладывал:

– Внимание! Разгерметизация пассажирского салона и пилотской кабины. Экстренное снижение до безопасной высоты. Отказ левого двигателя. Признаков возгорания нет. Повторяю. Разгерметизация...

Билл знал, что это же сообщение уходит сейчас по аварийной частоте и всем служебным каналам связи. Он повернул голову влево, ожидая получить распоряжения от командира.

Беннет МакКрейн смотрел прямо на него. Глаза у него были всё ещё ясные и осмысленные. Губы судорожно шевелились, то ли для того, чтобы сказать что-то, то ли для того, чтобы вздохнуть. Плечи подёргивались, как будто он пытался этим усилием вернуть себе контроль над руками. Из левой части головы, повыше виска и ближе к уху, торчал непонятный оско-

лок то ли металла, то ли куска триплекса из окна пилотской кабины. Из-под обломка с частотой сердцебиения выбивался пульсирующий фонтанчик крови. Кровь пропитывала коротко стриженные седеющие волосы на голове, заливала левую щеку, стекала по шее, капала на форменную белую рубашку и чёрный погон с золотыми нашивками. Позади командира экипажа в месте стыка борта кабины и смотрового окна зияла дыра, в которую с воем вырывался воздух.

– О, чёрт, командир! – второй пилот Дейл дёрнулся в кресле в сторону МакКрейна, подхватил болтавшуюся перед ним кислородную маску. Прижал её к лицу капитана и неловко, левой рукой, стал натягивать ему на голову ремни, стараясь не зацепить при этом торчащий из черепа обломок. Кое-как зафиксировав маску, он подключил шнур от микрофона к переговорной сети.

– Командир! Ты меня слышишь? Беннет! Мне нужна твоя помощь! Чёрт побери, Беннет, не подымай, я не справлюсь один!

Сквозь сипение и хрип спустя несколько секунд до него донеслось:

– Держ-и-и-сь...

Почти сразу после этого кто-то забарабанил в дверь. В наушники ворвался женский голос:

– Парни, парни, это Трентон, стюардесса Коби Трентон! Вы целы, что у вас происходит?

– Трентон, это второй пилот Дейл! У меня ранен командир экипажа и разгерметизация кабины. Мы выполняем экстренное снижение до 3-х тысяч метров. Повторяю. Экстренно снижаемся до 3-х тысяч. В салоне есть пострадавшие?

– Я... я не знаю! Мы не падаем? Это точно?

– Это точно, – честно говоря, Билл не был в этом уверен. – Немедленно иди в салон и займись пассажирами. Автоматика говорит мне, что там тоже есть точки разгерметизации. Проследи, чтобы все надели кислородные маски, проверь, есть ли пострадавшие. И посмотри, что у нас с левым двигателем. Быстро!

Клаус Майер не испытывал такого с Афганистана, когда первый раз угодил под обстрел. Встряска. Грохот. Треск. Крики. Свист воздуха.

«Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится; говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!»...

Прямо над его головой распахнулась панель, из неё вывалились ярко-оранжевые респираторы кислородных масок со смешным пластиковым мешком и резинкой для головы.

...«Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его»...

Клаус, не раздумывая, прижал к лицу маску, натянул резинку на голову, посмотрел на рисунок на мешке, что делать дальше – ага, нужно дёрнуть за шнурок, чтобы открыть клапан. Руки неприятно тряслись. Пытаясь унять дрожь, дёрнул за шнур. Осмотрелся по сторонам.

...«Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень»...

Салон наполнился дымкой. Это мощная встряска выбила из крохотных, обычно недоступных щелей мельчайшую пыль, плюс резкое падение давления привело к конденсации водяных паров в воздухе. В этом тумане пассажиры, которых мог видеть Клаус, неуклюже пытались надеть на себя кислородные маски, размахивали руками, плакали, кричали. Кто-то второпях слишком сильно потянул свою маску и с корнем вырвал прозрачный кислородный шланг.

...«Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся: только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым»...

Впереди в салоне сломались замки в нескольких багажных полках. Дверцы болтались и хлопали. Часть сумок и вещей вывалились, попадали на головы пассажирам. Соседа Клауса не было на месте. Самолёт ощутимо кренится на левое крыло и, наклонившись носом вниз, теряет высоту.

...«Ибо ты сказал: „Господь – упование мое“. Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею; на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона»...

Через проход от него черноволосая женщина правой рукой обнимала девочку лет пятнадцати с желтовато-восковым лицом, прижимала к её лицу оранжевый раструб респиратора. Девочка была без сознания.левой рукой брюнетка зажимала себе щеку и ухо. Сквозь пальцы сочилась кровь. Из внутренней обшивки над её головой внутрь салона торчали куски пластика, металла, какие-то обрывки и провода. Пузыри желтоватой пены выползали через дыры и застывали, принимая форму причудливых наростов. Кислородная маска болталась перед лицом женщины, но она даже не обращала на неё внимания. Клаус потянулся было отстегнуть свои ремни и помочь, но тут из задней части самолёта по проходу подбежал молодой парень в форме стюарда. На нём была переносная кислородная маска с защитным стеклом во всё лицо, как у пожарного. Ловким движением он закрепил респиратор на лице девочки и тут же переключился на черноволосую женщину. Она смотрела на него расширенными глазами, не понимая, что он знаками просит её убрать руку, чтобы можно было накинуть ей на голову эластичный ремень от маски. Наконец стюард просто взял её за запястье, отнял ладонь от головы и просунул под неё ремешок. Потом обернулся к Клаусу. Тот махнул ему рукой – я в порядке, парень кивнул и метнулся к следующему ряду.

...«За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое»...

В дверном проёме, ведущем в отсек первого класса, появилась стюардесса в такой же маске, что и у парня. Замахала ему рукой, тот вскинул голову и побежал к ней. Вдвоём они скрылись за шторкой. Буквально две секунды спустя из хвостовой части самолёта появилась ещё одна стюардесса. Она шла вперёд, хватаясь за спинки кресел и даже сквозь шум, крики и защитную маску было слышно, что девушка рыдает в голос. Когда она почти поравнялась с Майером, из первого класса снова выскочила первая стюардесса. Лицо под маской было не разглядеть, но Клаус узнал пепельно-русую косу. Быстро, качаясь на ходу и задевая сидения, она подбежала к рыдающей коллеге и цепко схватила за плечи. Начала выпрашивать, пытаясь развернуть так, чтобы девушка подняла голову, но та вместо этого совсем обмякла у неё в руках, повторяя одно и то же слово. Кажется, имя – «Мэнди».

...«Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его, долгою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое».

Стюардесса с пепельно-русой косой схватила рыдающую коллегу за запястье и потащила в хвост самолёта, прочь из салона. Пастор Майер коротким движением осенил себя крестным знаменем.

«Господь, пастырь мой, не оставь нас»...

Самолёт отчаянно вибрировал, кренится на левый борт и падал, падал...

Глава 7

«Внимание! Говорит борт NP412. Говорит борт NP412. Аварийная ситуация. Разгерметизация пассажирского салона и пилотской кабины. Экстренное снижение до высоты три тысячи метров. Отказ левого двигателя. Признаков возгорания нет. Повреждение систем управления. Повторяю. Аварийная ситуация. Разгерметизация...» – голосовой синтезатор бортового компьютера монотонен, бесстрастен и деловит.

В автоматику не заложена паника. Она просто спасала самолёт.

Хоть сам он был довольно давней постройки, за время жизни его несколько раз глубоко и тщательно модернизировали, так что старая алюминиево-композитная скорлупа планера была нашпигована самыми современными решениями. Взрыв левого двигателя не привёл к пожару, потому что прежние топливные баки в крыльях были заменены на ячеистую структуру из пожаростойкого и пуленепробиваемого материала. Благодаря этому разрушение отдельных её элементов не приводило к общей утечке или воспламенению. Более того, специальные присадки для горючего после нарушения целостности повреждённых ячеек немедленно активировались, превращая содержащееся в них топливо в желеобразное, негорючее состояние.

С разгерметизацией сражался состав, находящийся в тонкой прослойке между внешним корпусом и внутренней обшивкой. В местах пробоин он активно вспенивался и почти сразу начинал полимеризоваться, как смола на дереве, закрывая повреждённые места. Именно его желтоватые наросты увидел пастор Майер внутри пассажирского салона. Буквально за несколько секунд вспенившаяся и застывшая масса закрыла почти все повреждения корпуса, кроме дыры в туалете, где погиб сосед пастора, и пробоины в пилотской кабине. Другая часть автоматики – бортовой компьютер – продолжала выполнять экстренное снижение до безопасной высоты, стараясь при этом так управлять покалеченной машиной, чтобы снижение не превратилось в падение. А это было вполне возможно.

Самый тяжёлый ущерб взрыв двигателя и разрывных снарядов причинил системам управления в левом крыле. Были перебиты тросы, тяги, гидравлические магистрали, электрические кабели. Крыло оказалось парализованным. Слово самолёт поразило молниеносный инсульт в наихудшей форме. При этом управляющие элементы – элероны, закрылки – пришли в такое положение, что не только не помогали удержаться на лету, а наоборот, всячески провоцировали машину совершить кувырок влево, который закончился бы стремительным пике без малейшего шанса вывернуться. Бортовой компьютер сходил с ума, стараясь компенсировать эту угрозу всеми прочими работоспособными плоскостями. И выполнить при этом главную задачу – вниз на шесть тысяч метров, туда, где проблема разгерметизации не будет больше важна. После этого можно будет решать остальные проблемы.

Майор Хоменко никак не мог решить, что сказать в эфир. В его ушах до сих пор звучал срывающийся на крик голос лейтенанта Михалкова:

– Я сбил, его, сбил! Боже, я не хотел! Я... я не виноват!

Все в командном центре полка затаили дыхание и выжидающе смотрели на него. Майору не было нужды оборачиваться, он кожей чувствовал впившиеся взгляды.

«Ну, что ты сейчас скажешь?»

Хоменко с трудом удержался, чтобы не облизнуть сухим языком такие же пересохшие губы. Ненужным движением поправил на голове наушники. Зачем-то взялся за микрофон гарнитуры. Неважно. Ему нужно за что-то держаться.

– «Тридцать седьмой», это «Петрозаводск», – голос ровный, отрешённый. Обращение строго по позывным. Так, чтобы эмоции ушли в сторону, чтобы начали работать рефлексy. Они не подведут. – Повторяю. Это «Петрозаводск». Доложи ситуацию.

– Я... я...

– «Тридцать седьмой», это «Петрозаводск», плохо тебя слышу. Подтверди, что слышишь меня.

– «Петрозаводск», это... Это «тридцать седьмой». Вас слышу...

Отлично! Раз проклянулся «тридцать седьмой», значит, есть с кем разговаривать.

– «Тридцать седьмой», это «Петрозаводск», доложи ситуацию.

– Я... я сбил его, сбил! Я... я не...

– Понял тебя, «тридцать седьмой», понял. Доложи, что сейчас происходит. – Неважно, как именно так получилось. С этим они будут разбираться потом. Сейчас важно выяснить максимально полную картину и понять, что делать дальше. – Что с нарушителем?

– Нарушитель... нарушитель падает.

– Как падает? Это отвесное пикирование? Штопор? Беспорядочное падение? – давай, давай, лейтенант, очухивайся, доставай голову из задницы! – «Тридцать седьмой», можешь описать характер падения?

– Н-нет, я бы не сказал, что это падение. Нарушитель снижается по крутой траектории с креном влево и поворотом по дуге. Если это и штопор, то очень широкий штопор.

Ага! Вот и способность к наблюдению и сопоставлению проснулась.

– «Тридцать седьмой», это «Петрозаводск». Нарушитель горит?

– Никак нет. В момент попадания была вспышка, кажется, был выброс пламени, но сейчас ничего нет. Есть шлейф, но огня я не видел. «Петрозаводск», цель снижается очень быстро, выходит из поля зрения. Я теряю его из виду!

– Спокойно, «тридцать седьмой»! Скажи мне последнее. Куда ты попал? Где была вспышка?

– Я... я не помню. Самолёт потерял управление. Я был слева от нарушителя и провалился вниз. Кажется..., кажется, это был левый двигатель!

Ну вот, пожалуй, этого достаточно.

– Молодец, «тридцать седьмой», твоё задание выполнено. Разворачивайся в сторону базы и сбрасывай ракеты с подвеса.

– «Петрозаводск», – в голосе лейтенанта сквозило недоверие. – А как же... нарушитель?

– «Тридцать седьмой», это «Петрозаводск», повторяю – твоё задание выполнено, нарушитель сбит, приказываю вернуться на базу.

Майор захватил микрофон гарнитуры в кулак, отвёл в сторону, чтобы пилот его не слышал. Жестом подозвал к себе того самого дежурного лейтенанта, из запасников.

– Вот что, лейтенант. Ты сейчас возьмёшь на себя связь с «тридцать седьмым». И не выпустишь его до самой посадки. Понял? Он постоянно должен слышать твой голос. Пусть докладывает тебе обо всём: как сбрасывает каждую ракету, каким курсом идёт, какого цвета небо и на кого похожи облака. Ясно? Он ни на минуту не должен остаться один. Давай ему поправки к курсу, рассказывай анекдоты, говори, что хочешь. Пока он не окажется на «бетонке», ты его лучший друг, мама, папа, Дед Мороз, Хрюша со Степашкой, кто угодно. Тебе всё понятно?

Лейтенант кивнул и без слов натянул наушники. Хоменко повернулся к диспетчеру:

– Дайте мне командира второго звена... «Тридцать четвёртый»? Это «Петрозаводск». Слушай приказ. Сбросить все ракеты с подвески. Следовать в район перехвата. Снизиться до 4-

х тысяч метров. Искать нарушителя радарными, глазами, нюхом. Кровь из носу, но засечь место его посадки. Или падения. Выполняйте.

Майор Хоменко сдёрнул с головы гарнитуру и потянулся к телефону. Ну что ж. Кое-что прояснилось. Цель подбита, но не уничтожена. Один двигатель, скорее всего, цел. Быстрое снижение – стандартный маневр при разгерметизации. И нам по-прежнему неизвестно, кто это был, а также то, куда именно в тайге он свалится. Хреновые новости предстоит докладывать наверх. Но куда деваться. В конце концов, свою работу они сделали. Нарушитель сбит.

В шумном диспетчерском зале аэронавигационного узла Стокгольма глава смены Маркус Торсен исхитрился одновременно говорить с военными по телефону, отдавать распоряжения подчинённым, слушать в одном наушнике аварийный сигнал, идущий с борта NP412, а также искать что-то на своём рабочем дисплее и делать быстрые пометки карандашом.

– Офицер, я не могу дать вам больше информации. Нет, мы не знаем причину аварии. Мы пытаемся связаться с экипажем, но ответа пока нет... Ян, Ингунн, вы передали своих подопечных? Отлично, подключайтесь к Андреасу. Ищите любой самолёт, поведение которого похоже на NP412. Нет, офицер, это я не вам. Мы предположили, что в «НАПС» ошибка и реальное местоположение рейса 412 прикреплено к другой метке в системе. Что говорят ваши радары? Какая-нибудь отметка изменяет своё положение таким же образом, как докладывает 412-й? Нет? А какой радиус вы охватываете? Так, понял. Да, хорошо. Через какое время истребители будут в воздухе? Ага, спасибо... Андреас, ты получил ответ от экипажа?

Андреас Сандстрём поднял на него глаза и коротко отрицательно качнул головой. При этом он непрерывно продолжал повторять в микрофон:

– Борт NP412, это Стокгольм. Повторяю. Борт NP412, это Стокгольм. Ответьте. Борт NP412, это Стокгольм...

Одновременно он искал глазами на дисплее любой самолёт, чьё поведение совпадало бы с сообщением, транслируемым бортовым компьютером аварийной машины. Его коллеги, Ян и Ингунн, делали то же самое. Увы, пока ничего не получалось. Единственная отметка в системе, которая отчитывалась через «НАПС» о резком снижении высоты, принадлежала значку с кодом NP412. Но по этим координатам в воздухе было пусто! Военные проверили это не раз и не два. Чертовщина какая-то!

– Коллеги! – Маркус повысил голос, привлекая всеобщее внимание. – Начинаем тотальный поиск. Передайте всем бортам в нашей зоне ответственности запрет на смену курса и эшелона. Все экипажи должны быть на связи. Ян, найди машины, ближайшие к координатам борта NP412, узнай, не видят ли они снижающийся самолёт, следы его двигателей, что угодно! Ингунн, я сейчас открою тебе канал связи с военными. Будешь сверять наши данные из «НАПС» с их реальными отметками на радаре. Чтобы через 15 минут мы имели по каждому самолёту подтверждение его положения в небе! ВВС обещает поднять истребители для поиска, но на счету каждая секунда. Да, вот ещё что. Андреас, попытайся пробиться к бортовому компьютеру 412-го, запроси «пинг».

«Чёрт, как же я сам не подумал!».

Андреас ощутил неприятный укол самолюбия. Это не было стандартной процедурой, но диспетчер с его опытом должен бы помнить об этой штуке. Такую функцию стали встраивать в программное обеспечение авиационных бортовых компьютеров после нескольких пропаж самолётов. Суть идеи проста: если авиалайнер захвачен или повреждён, так что невозможно напрямую получить от экипажа информацию об его местоположении, но сохранился канал связи с бортовой автоматикой, то можно отправить запрос компьютеру самолёта. В ответ он вышлет короткое сообщение с зашифрованным в нём временем отправки. С точностью

до миллионной доли секунды. Сравнение этого времени с таким же точным временем получения сообщения позволяло вычислить хотя бы примерное расстояние до самолёта. Правда, почти одновременно с этим была запущена система «НАПС», за время эксплуатации которой не было ни одного инцидента с пропажей воздушного судна. Так что все привыкли полагаться на неё и о возможности «пинговать» самолёт почти забыли. Но сама эта функция всё ещё сохранялась. Точнее говоря, могла сохраниться, если её не удалили из новых версий программного обеспечения.

Андреас порылся в памяти, вспоминая, как же это делается. При этом он продолжал непрерывно повторять в микрофон свою мантру:

– Борт NP412, это Стокгольм. Повторяю. Борт NP412, это Стокгольм. Ответьте. Борт NP412, это Стокгольм...

Увы, в ответ он слышал только бесстрастный механический голос:

– Внимание! Говорит борт NP412. Говорит борт NP412. Аварийная ситуация. Разгерметизация пассажирского салона и пилотской кабины...

Андреас наконец-то вспомнил, как запускается «пинг». Нашёл нужную закладку в программе. Ввёл данные рейса NP412. Выбрал команду «Установить связь». Бесполезно. Индикатор в окне программы оставался неприветливого красного цвета. Андреас попробовал ещё раз. Ещё. Ещё раз. Бесполезно. Цвет индикатора – красный. Внезапно в наушниках захрипело и затрещало. Поверх бесчувственного синтезированного голоса ворвался прерывающийся, теряющийся в помехах, искажённый мужской голос:

– ...оворит бо... т N... 412! ...ряю, говорит ...орт NP412! Всем, ...то слышит! Выпол... ем экстренное сниж... е из-за разгерметизации! Множествен... е повреждения фюзеляжа! Отказ ...вого двигателя! По ...еждение систем управления! ...омандир экипажа ...жело ранен, есть пострадавшие среди ...сажиров!

– Борт NP412, это Стокгольм! – немедленно подхватился Андреас, одновременно вскидывая вверх левую руку – «внимание!» – и врубая «громкую связь». – Где вы находитесь?

Все в зале затихли и замерли на местах. В динамиках скрипело, свистело и потрескивало.

– ...ольм, это ...P412! Мы над лесом, снизились поч... и до ...рех тысяч. ...амолёт почти не управ...ем. Пытаюсь выйти из пикирования. ...еру упра... ние на себя.

– Борт NP412, это Стокгольм! – Маркус Торсен взял переговоры в свои руки. – Вы видите какой-нибудь наземный ориентир? Берег моря, большое озеро, город?

– Стокгольм, мне ...ейчас не до э... го! Мы почти ...адаем! Здесь лес, ...ин только лес и нич... ..ольше! Я пы... юсь вывести ...шину из пике... то не так ...росто... Давай же! Ну...

Голос пилота потонул в помехах. Все слушали треск и свист, затаив дыхание. Пять, десять секунд, пятнадцать. Ничего. Даже синтезированный голос разбился на фрагменты, раскрошился и потерялся в волнах статических разрядов. Слушая эфир, Андреас Сандстрём механически продолжал кликать по кнопке «Установить связь», пытаясь вызвать бортовой компьютер рейса NP412. Раз за разом. Результат был один. Раз за разом. Красный, красный, красный... Зелёный! Андреас почти подпрыгнул на стуле и лихорадочно щёлкнул по соседней плашке программы – «Отправить запрос». Зелёный индикатор подмигнул один раз, потом ещё, а затем снова окрасился в безнадежный красный цвет. Но за долю секунды до этого в окне программы появилась зелёная галочка с надписью: «Ответ получен». Андреас немедленно дал команду – «Определить расстояние». Секунду спустя на экране появились чёрные цифры результата. Увидев их, Андреас откинулся в кресле, ошарашено покачал головой и в полной растерянности повернулся в сторону Маркуса Торсена.

Такого просто не могла быть.

Связь с землёй появилась и исчезла. Мелькнул и растаял отблеск надежды на помощь и спасение. Как будто на глазах у очередного Робинзона за горизонтом скрылся белый парус корабля.

Билл Дейл остался один. Он сорвал себе горло, пытаясь докричаться до кого-нибудь в эфире. Стокгольм оказался единственным, кто отозвался. Похоже, что система связи всё-таки повреждена. Он принял это и смирился. Переживать или искать решение всё равно некогда. Помощь не придёт. За время экстренного снижения Билл пару раз бросал взгляды на командира. Похоже, для Беннета всё уже заканчивалось. Он обмяк в кресле, глаза закрылись, разбитая голова безвольно качается на плечах. Только слабые пульсирующие толчки крови, выходящие из раны под осколком, говорят о том, что сердце пилота МакКрейна ещё бьётся.

Стиснув зубы, Билл тянет штурвал, пытаясь удержать самолёт от сваливания. Парадоксальная ситуация: ему нужно максимально быстро снизиться, но не упасть. Между контролируемым спуском и неуправляемым падением очень тонкая грань. И только он да бортовая автоматика способны удержать самолёт и людей в нём от перехода между этими двумя состояниями. Человек и машина – единственные надежды для более чем сотни душ на борту. Компьютер непрерывно просчитывает текущие параметры, рекомендует пилоту дальнейшие действия, предупреждает о том, чего делать не стоит, преобразует и распределяет оптимальным образом сигналы штурвала, педалей и рукояток управления двигателем. Голосовой помощник нейтрален, собран и подчёркнуто спокоен:

– Пожалуйста, не превышайте допустимый угол снижения. Удерживайте крен влево в пределах двенадцати градусов. Снижьте тягу правого двигателя до семидесяти процентов.

Конечно, бортовой компьютер в курсе, что левого двигателя у них больше нет. Его датчики зафиксировали взрыв и разрушение, активировали аварийную систему пожаротушения и перекрыли топливные магистрали. Стюардесса по фамилии Трентон минуту назад доложила Биллу, что их левое крыло пробито в нескольких местах, из двигателя торчат обломки и за ним тянется шлейф. Но огня нет. Это хорошо. Плохо, что мощности левого двигателя не будет, когда придёт время выводить самолёт из этого полупике-полуштопора. А это время вот-вот...

– Высота три тысячи двести. Приступайте к выравниванию. Штурвал...

«Без тебя знаю!» Штурвал на себя и чуть вправо, чтобы компенсировать левое парализованное крыло. «Я сказал: на себя!» – и чуть вправо. На себя! Давай же, мать твою, поддавайся! На себя... и чуть вправо. Ну же, неповоротливое корыто, слушайся меня! На себя!

Самолёт отчаянно вибрирует. Крылья прогибаются, принимая на себя чудовищную нагрузку атакующего воздуха. Застрявшие в самом неудачном положении плоскости управления левого крыла направляют этот набегающий поток так, что самолёт постоянно качает влево, как раненного бегуна, припадающего на повреждённую ногу. Билл взмок, по спине бежит пот, стекло кислородной маски запотеваает, а он даже не может снять её. Так страшно оторвать от штурвала хотя бы одну руку даже на долю секунды. Кажется, стоит просто ослабить хватку пальцев, как взбесившаяся рогатая рулевая колонка вырвется из рук и, повинувшись собственной злой воле, опрокинет машину в отвесное, безнадёжное, безвыходное пике. По кратчайшему маршруту навстречу утыканной острыми кронами деревьев земле. Впрочем, земля и деревья не входят сейчас в мир второго пилота Билла Дейла. Его вселенная сжалась, оставив за своими границами внешний космос, небо, землю, покрытую незнакомым, чужим лесом, больше сотни пассажиров за его спиной, испуганных, кричащих, плачущих, молящихся на разных языках всем возможным богам. Такие же напуганные, побитые и раненные, но всё же пытающиеся помочь остальным несколько молодых женщин и мужчин в форме стюардов авиакомпании тоже оказались за пределами его орбиты. Даже умирающий, истекающий кровью командир

экипажа Беннет МакКрейн выпал за край мира. Пространство-время Билла Дейла уменьшилось до области между запотевшим стеклом его кислородной маски и дисплеями приборной панели. В него уместились только непослушный, вырывающийся из немеющих от напряжения пальцев штурвал, рукоятки управления тягой, отчаянно трясущиеся под подошвами ног педали. И голос. Спокойный, чёткий, деловитый. Уверенный в себе и в том, к кому он обращается. Голос самолёта. Голос лучшего друга:

– Высота три тысячи. Угол атаки...

Ничего лишнего. Только то, что действительно важно, то, что может помочь им обоим. Биллу показалось, будто он чувствует, как от его напряжённых до предела мышц через побелевшие пальцы тянутся нити новых нервов. Они проходят через десятки метров управляющих цепей, гидроприводов, механических тяг и входят в его новые мускулы, приводящие в движение элероны, закрылки, рулевые плоскости. Теперь он не просто тянет штурвал – «на себя и чуть вправо!». Вместе с самолётом он взваливает на плечи набегающий воздушный поток, пытается вклиниться в него, оттолкнуться, выровняться, перейти от пугающего безнадёжного падения к своему нормальному, естественному состоянию – полёту. Им очень мешает покалеченная левая часть тела. Она всё время тянет их вниз, норовит опрокинуть, завертеть, обрушить на острые древесные пики. Вместе они стараются не допустить этого, напрягаются изо всех сил: «На себя и чуть вправо. На себя! Давай же, давай! Вместе! На себя... и чуть вправо...».

– Послушай меня, я не возражаю против того, что твои ребята сбили нарушителя, – генерал армии Нефёдов говорил, стоя у окна, из которого открывался вид на лужайку возле летней президентской резиденции. – В конце концов, это их работа. Я просто хочу уяснить для себя полную картину происшествия, прежде чем пойду на доклад к президенту. Вот, например, мне не совсем понятно, были ли сделаны предупредительные выстрелы, была ли попытка принудить самолёт изменить курс или наш пилот сходу вцепил ему ракету.

Из зарослей постриженных кустов на противоположной стороне лужайки высунулась рыжая кошачья морда. Пригнувшись почти до самого газона, морда двигалась из стороны в сторону, обозревая открытое пространство. В трубке, которую держал начальник генерального штаба, вздохнули. Потом знакомый голос заговорил:

– Михаил Петрович, при всём моём желании я не могу дать тебе сейчас полного подробного отчёта. Во-первых, истребитель, сбивший нарушителя, ещё в воздухе. Всё, что мне известно и о чём я тебе докладываю, я знаю из устного рапорта старшего дежурного офицера полка перехватчиков в Петрозаводске. Он сказал – дословно – «при попытке произвести предупредительный огонь цель была поражена». Как, что и почему – это мы всё узнаем, когда пилот напишет свой рапорт, когда специалисты проверят бортовые самописцы, всё по полной программе. Пока ясно одно: нарушителем был крупный двухмоторный самолёт неизвестной принадлежности и назначения. На попытку установить контакт с экипажем нарушитель не отреагировал, так что версия с беспилотным управлением по-прежнему остаётся актуальной. Предупредительной очередью с нашего истребителя – заметь, очередью из пушки, а не ракетой – у неизвестного самолёта был повреждён один двигатель и, возможно, фюзеляж, поскольку цель начала немедленное снижение.

– И что это значит? – краем глаза Нефёдов видел, как рыжий котяра выбрался из зарослей и вальяжно двинулся по направлению к дому. Судя по нахальству походки, это был именно кот президента. В отличие от своего предшественника, нынешний глава государства слыл кошатником. – Ты не забывай объяснять мне ход своих мыслей, а то я не улавливаю связь между дырявым корпусом и снижением.

– Извини, Михаил Петрович. Видишь ли, в случае разгерметизации... корпуса, как ты выразился, экстренное снижение – это стандартный манёвр. Нужно быстро опуститься до такой высоты, чтобы люди на борту не пострадали от низкого давления на высоте...

– Так получается, что на борту всё же были люди? Как же ты говоришь мне про беспилотное управление?

– Чёрт! Извини... Гм... Действительно. Но это опять всего лишь гипотеза! Я тебе это и втолковываю, что пока мы во всём не разберёмся, нормальных подробностей у меня не будет! Так что сам решай, что именно стоит говорить президенту, а о чём лучше промолчать.

– Ладно, – генерал армии проводил взглядом скрывающийся за ближайшим углом здания рижий хвост трубы. – Доложу просто, что нарушитель сбит, все подробности по окончании расследования. Но ты хотя бы уверен, что он сбит, а не просто снизился, сменил курс и удрал? Или совершил аварийную посадку?

В трубке несколько секунд молчали.

– Михаил Петрович, мы с тобой давно знакомы, поэтому скажу тебе чистую правду: я не знаю. Уверен на 90 процентов, что о вынужденной посадке речи быть не может – по крайней мере, об успешной посадке. Там сплошные леса и болота. Разве что он исхитрится вписаться в озеро. Насчёт «сменил курс и ушёл» – ничего пока не могу сказать. Второе звено истребителей долетело до места инцидента через двадцать минут и сразу приступило к поискам. Беда в том, что нарушитель снижался не по прямой, поэтому точный вектор его движения не известен. Там огромная территория. Мало того. Она почти незаселённая и никак не охраняемая. Это место – большая чёрная дыра, заросшая тайгой. Сотни квадратных километров. Ни крупных городов, ни военных объектов. Лично у меня там нет никаких ресурсов, чтобы отследить нарушителя или организовать его эффективные поиски. Если у тебя есть идеи и мы можем помочь, то я весь внимание. В остальном... Пока нарушитель был в небе, я нёс за него ответственность. После того, как мы его оттуда стряхнули... Даже не знаю, что тебе дальше сказать.

– Да и не надо ничего говорить. Ты прав. Будем надеяться, что вы свою работу сделали. А уж на земле мы попробуем как-нибудь разобраться. Но не забывай – я немедленно жду от тебя любых новых подробностей, какие только будут.

Генерал Нефёдов опустил телефон, всмотрелся в пустую лужайку за окном. Потом закрыл глаза и начал мысленно репетировать свой доклад президенту.

Глава 8

Сандрин Чанг всё-таки задремала. Поэтому когда в комнате зажётся свет, и вокруг раздались радостные вопли и одобрителный свист, она вздрогнула и пару секунд непонимающе хлопала глазами, приходя в себя. Потолочные панели сияли на полную мощность, источники бесперебойного питания радостно пищали, ощутив приток живительной электроэнергии. Окно, перед которым она сидела, сделалось бездонно тёмным, словно его покрасили снаружи чёрной краской. Сандрин, не вставая с кресла, вытянула шею и прижалась лбом к стеклу. Сквозь контрастный водораздел между освещённой комнатой и глубокой ночью стали видны фонари внутреннего освещения на территории технопарка «Константек индастриз». Цивилизация вернулась.

Из своего кабинета появился Фрэнк Вудс. Сочные малиновые пятна на его левой щеке свидетельствовали в пользу того, что глава смены мониторинга тоже не устоял перед дремотой. Правой рукой Фрэнк энергично тёр лоб и глаза, в левой болтались «умные» очки.

– Ну что, народ? – обратился он к присутствующим. – Вынужденные каникулы закончились? Предлагаю отметить это ударной порцией кофе, горячими сэндвичами и займёмся восстановлением рабочего процесса. А я пока выясню, откуда у нас энергия и надолго ли это счастье.

Повторять не было нужды. Весь народ, как один, потянулся в бытовую комнату. Захлопали дверцы микроволновок, холодильника, завжикали молнии на сумках тех сотрудников, кто предпочитал принцип «всё своё ношу с собой». Кофемашина загудела, зашуршала, затрещала размалываемыми кофейными зёрнами. Звякнул колокольчик торгового автомата – кто-то решил отметить возобновление работы дополнительной шоколадкой. Это, кстати, мысль! Сандрин выудила из контейнера свой тщательно продуманный и с любовью исполненный бутерброд – ломоть слегка поджаренного хлеба смазан тонким слоем сливочного масла, сверху разложены кружочки сваренного вкрутую яйца. Поверх этого немного зелени – пара листов салата и немного петрушки для бодрости духа. На зелени несколько тонких, в пару миллиметров толщиной, ломтиков ветчины, а поверх них – кружочки помидора. Помидор слегка сбрызнут растительным маслом – на этот раз Сандрин под руку подвернулось оливковое. Ну и накрывает всё это сооружение слой из сыра и смазанный майонезом второй ломоть хлеба. Майонез не для того, чтобы отложить лишнюю порцию жира на бёдрах, а исключительно в качестве строительного материала – чтобы хлеб не соскальзывал. Вся гастрономическая конструкция выглядела крайне аппетитно, основательно и выдавала явный творческий подход своей создательницы. Правда, общие габариты внушали некоторые сомнения относительно возможности совместить их с размерами ротового отверстия, однако, как известно, правильная техника позволяет поместить в рот и не такое. Сандрин любовно расправила салфетку вокруг своего бутерброда, ополоснула любимую кружку и пошла за кофе.

К моменту, когда на пороге бытовки появился Фрэнк, пир был в самом разгаре. Вудс добродушно осмотрел свою команду, сделал неопределённый жест пустой кружкой – поздравляю, мол – и направился к кофемашине. Пока та хрустела и шипела, исполняя его заказ, Фрэнк снова повернулся к коллегам.

– Ну что ж, народ, поздравляю! Электричество нам вернули. Насовсем. Главный механик технопарка утверждает, что хоть оно и поступает по резервной ветке, эта энергия не от «Уилинг Электрик», а из сети Среднего Запада. Они там что-то перераспределили, переключили, так что проблем быть не должно. Основную линию обещают оживить утром. Ну и резервный генератор будет готов примерно тогда же. Поэтому давайте будем шевелить челюстями чуть активнее, чтобы поскорее вернуться к работе и запустить систему. Будем надеяться, что за это время никто не успел нашкодить.

Фрэнку ответил хор невнятных, но согласных возгласов. Сандрин отхватила от своего «мегабутерброда» очередной кусок и интенсивно жевала. Как там всё прошло в Сент-Луисе без её присмотра? Хотелось верить, что всё в норме.

Ему так и не удалось вернуть самолёту способность летать. Билл почти надорвался, орудуя штурвалом, вместе с автоматикой они испробовали все возможные варианты, но бесполезно. Раненная машина продолжала стремиться к земле.

Когда они вышли в относительно пологий полёт, высота была уже меньше тысячи метров. Только теперь Дейл улучил несколько секунд, чтобы сбросить запотевшую кислородную маску и разблокировать дверь пилотской кабины.

– Кто из стюардов меня слышит? Трентон, Уильямс?

В наушниках щёлкнуло.

– Трентон на связи.

– Это Дейл. Давай к нам в кабину. Срочно.

В ожидании стюардессы Билл ещё раз попытался связаться хоть с какой-нибудь диспетчерской службой. Бесполезно. Вся цифровая связь сдохла. Только «НАПС» продолжал вычислять их местоположение и отображать его на карте дисплея. Дьявол, им срочно нужна полоса для посадки! Он переключился на голосового помощника:

– Где ближайший аэродром, на который мы можем приземлиться?

– Секунду, – голос синтезатора бортового компьютера по-прежнему бесстрастен: – Ближайшая полоса, подходящая для посадки – аэропорт Кальмара, расстояние сто пять километров, направление...

– Понял, проложи мне курс и сообщай на всякий случай обо всех подходящих площадках, шоссе по пути. И сообщи в эфир, что мы идём в Кальмар!

Билл бережно развернул самолёт на новый курс. В дверь пилотской кабины стукнули.

– Билл, это Трентон.

– Открыто.

Дверь распахнулась.

– О, боже!

Дейл оглянулся. Стюардесса по фамилии Трентон стояла в дверях, одной рукой ухватившись за край переборки, а ладонью другой закрывая рот. Она смотрела на командира экипажа.

– Трентон! Не надо, не смотри! – Биллу приходилось почти кричать, чтобы заглушить свист воздуха в пробитом окне кабины: – Ты ничем ему не поможешь! Слышишь меня? Извини, я... Я не помню твоего имени!

Стюардесса перевела на него глаза. У неё на лбу красовалась здоровенная шишка, свежая ссадина, несколько прядей пепельно-русых волос выбились и прилипли к испачканным, вспотевшим щекам. Форменная блузка вся в пятнах, на левом предплечье отчётливый отпечаток чьей-то окровавленной пятерни. Руки и манжеты тоже все в кровавых пятнах.

– Коби... Моё имя. Коби.

– Так, Коби, хорошо. Я – Билл, ты меня знаешь, – она кивнула в ответ. – Коби, послушай меня. Беннету мы помочь сейчас не можем. Он ранен. Тяжело. Не снимай с него кислородную маску. Может быть, если мы сядем нормально, его ещё успеют спасти. Скажи мне, ты видела, что случилось? Что с нами произошло?

– Нет, – она отрицательно замотала головой. – Я была в салоне, в первом классе, помню только удар и полетела кувырком. Никто из нас ничего не видел. По крайней мере, все, кто мог, спрашивали – «Что случилось?»

– Дьявол! – Биллу хотелось выругаться покрепче, но он сдержался. – Не мог же наш двигатель просто так взять и взорваться! Ладно, что у нас в салоне? Дыры где остались? Что с пассажирами? Много пострадавших?

– Пена закрыла почти все пробоины. Есть дыра в одном из хвостовых туалетов. Там убило пассажира. Разворотило ему грудь. Мы просто заперли дверь в ту кабинку и всё. Про крыло и левый двигатель я уже тебе говорила. Среди пассажиров есть пострадавшие. В основном ушибы и ссадины. Один парень, кажется, сломал руку. У нескольких человек серьёзные порезы. Девочка из второго салона без сознания, и я не могу понять, что с ней. Её мать не говорит по-английски. Наши...

Коби внезапно всхлипнула. Тыльной стороной руки провела под носом, потом нижней частью ладони быстро вытерла щёки, смешав с грязью побежавшие по ним от глаз блестящие полоски.

– Наши... девочки. Мэнди Уэстфилд оторвало левую ступню. Она без сознания. Мы наложили жгут и закрыли рану. Кара Купер, которая её нашла, в шоке. Выбыла из строя. С ними обеими сейчас Лукас. С Марси Уильямс... Я не знаю, что с ней случилось. Я нашла её после взрыва. У неё нет внешних повреждений, но её, видимо, очень сильно ударило в живот тележкой. Она... она с трудом дышит и почти не может говорить.

Стюардесса снова всхлипнула. У Билла звенело в голове. «Боже, боже, наши ребята! Беннет, Мэнди, Марси! Марси...».

– Коби, мне очень, очень жаль, что наши люди пострадали. Пожалуйста, не раскисай, мне нужна твоя помощь! Это ещё не закончилось. Самое главное – мы больше не падаем. Мы снижаемся, но постепенно. И идём в Кальмар, на посадку. Здесь недалеко, запаса высоты нам должно хватить. Слышишь меня? Мы долетим, сядем и поможем нашим ребятам. Мы всех спасём, даже Беннета. Пожалуйста, вернись в салон и займись подготовкой к аварийной посадке. Перенесите и закрепите всех раненых. Пусть все пассажиры будут готовы. В хвосте кто-нибудь остался?

– Да, там две пары с маленькими детьми.

– Хорошо, пусть там и остаются, только проверь, чтобы все были закреплены и пристёгнуты. Если будет время, уберите ручную кладь с верхних полок, чтобы ничего не свалилось в очередной раз на головы пассажиров. Хорошо? Ты всё поняла?

Трентон кивнула.

– Отлично. Тогда иди. Только сначала дай мне бутылку воды, а то я сейчас сдохну от жажды.

Суббота уже перевалила обеденное время и настойчиво напоминала об этом лёгким чувством голода. Андрей легонько ругнул себя за то, что отказался перекусить у Попа. Правда, тогда было ещё слишком рано, но зато теперь ему придётся терпеть ещё два – два с половиной часа, пока они не вернуться на базу. То ли дело Серёга – Смирнов покосился на довольный профиль сидящего за рулём помощника. Тот никогда не отказывался поесть про запас. Исповедовал старый солдатский принцип: «ешь всегда, если можешь, неизвестно, когда будет следующий раз». Вот и сейчас. Пока Андрей вместе с Вовой ходил, решал вопросы и контролировал процесс, Серёга Новиков не упустил случая зависнуть на кухне Вовиной жены, Татьяны, и угоститься, чем бог послал. Бог явно не поскупился, ибо Новиков умиротворённо мурлыкал что-то сквозь зубы и вообще выглядел крайне довольным.

Андрею Смирнову, впрочем, грех было жаловаться. Против голода имелся белковый батончик, зато всё остальное прошло, как по маслу. Нефть на «винокурне» они слили без проблем, тамошний народ даже не пытался их обсчитать, отлиставли всё точно, тютельница

в тютельку. И готового горячего налили по-честному, без дураков. Вова тоже не подвёл. Не стал заводить обычную шарманку про тяжкую долю свободного торговца, про то, какие нынче взятки, да как трудно стало добывать искомое. Нет, в этот раз Вова Поп был на редкость доброжелателен. Явно провернул где-то хорошую сделку. Отгрузил им полный заказ по списку и даже похвастался тем, что может предложить крупную партию медицинского барахла – про запас, на всякий случай. Андрей обещал подумать. В принципе, можно было взять сразу что-нибудь – сроки годности у таких вещей почти неограниченны, но надо ж придерживаться правил игры. Если сразу и без разбора брать у Вовы то, что он предлагает, то завтра будешь покупать всё в полтора раза дороже. Нет, нужно уметь выдерживать паузу, слегка «потомить» продавца. Да и с Мариной неплохо бы посоветоваться, что ей нужно в хозяйстве...

– Да нет, твою ж мать! – Серёгин вопль грубо выдернул Смирнова из неги раздумий: – Ты это видишь, шеф?

Новиков вдавил по тормозам, машина клюнула носом, в кузове за спиной что-то со скрипом сдвинулось. Андрей тоже по инерции качнулся вперёд, потом его откинуло обратно, на спинку сидения, где он на несколько секунд застыл, уставившись через лобовое стекло на дальний край лежащей справа болотистой пустоши. Там, из-за ровных зубчатых рядов высоких тёмно-зелёных елей появился предмет, которого уже давно в здешних краях никто не видел. Да и не ожидал увидеть. Потому что делать ему тут было совершенно нечего. Тем не менее, вряд ли это коллективная галлюцинация. Вот он, пожалуйста, прямо перед ними – большой двухмоторный самолёт, светло-серый, расписанный яркими эмблемами и надписями, идёт по траектории снижения. Можно подумать, что где-то впереди по его маршруту, буквально за соседним участком леса, расположился самый обычный аэропорт, и машина буднично заходит на посадку. Но это же не так! Уж они-то хорошо знали, что находится за вставшими на пути самолёта вековыми елями. Точно не аэродром.

Андрей вывалился из кабины, не отрывая взгляд от снижающегося лайнера. Все остальные тоже высыпали наружу и во все глаза смотрели на давно забытое зрелище. Было чувство, будто перед ними открылось окно в параллельное измерение и они наблюдают то, что на самом деле происходит не здесь. Потому как тут это было просто невозможно. Законы физики, природы и теории вероятности такого не допустили бы. Восемь человек, не стесняясь разинутых ртов, замерли на месте. Смотрели во все глаза и не могли поверить.

Самолёт, тем не менее, не спешил раствориться в воздухе или схлопнуться в яркую вспышку телепортации в свою область пространства-времени. Напротив, он издавал вполне реалистичный рёв и гул, слегка кренился влево и явственно снижался.

Андрей спохватился, выдернул из чехла бинокль. В приближении стали отчётливо видны ряды иллюминаторов, над ними синяя, в белой окантовке надпись – «ТрансПолар Эйрлайнс». Под фюзеляжем свисали тележки шасси.

«Чёрт, он и вправду собрался садиться!» – Смирнов быстро прикинул по памяти, куда самолёт сможет приземлиться, двигаясь по такому маршруту. Похолодел: «Только не это!». Но другого варианта и в самом деле не было. Он обернулся к остальным:

– Парни, живо по машинам! Разворачиваемся и идём за ним. Живо, живо!

Не было никакого Кальмара! Никогда не существовал ни он, ни, возможно, сама Швеция. Билл Дейл чувствовал, что сходит с ума. Бортовой компьютер несколько раз за время полёта предупреждал о шоссе по пути их следования – так, на всякий случай. Да вот только ни одного из них под ними не было! Ни 28-й трассы, ни 31-й, ни 25-й. Вообще ни единой асфальтированной дороги не появилось среди бескрайнего моря лесов, болот и озёр. Если это и Швеция, то такой она должна была быть где-нибудь тысячу лет назад, во времена викингов. Когда само-

лёт снизился до ста метров, система «НАПС» уверенно показывала, что аэропорт Кальмара прямо по курсу, буквально в паре километров. Это означало, что весь горизонт перед ними должна была охватывать водная гладь Балтийского моря. Однако насколько хватало глаз, мир покрывала тайга.

Аэропорт Кальмара, даже если он умело прятался где-то в стороне, никак не выдавал себя. Предположим, что взрыв двигателя повредил их системы цифровой голосовой связи, но должны же были работать хоть какие-то каналы! Несущая частота радаров, маяки приведения, любой признак, указывающий на близость аэродрома.

Ничего. Пустота.

Самолёт неуклонно снижался, значит, единственным вариантом становилась вынужденная посадка. Ему нужно срочно отыскать относительно ровное и просторное место. Билл отключился от навигационной панели, которая несла чушь про несуществующие шоссе, аэропорты и прочее. Впился глазами в пространство под ним. Не глядя, нащупал тумблер внутренней связи.

– Говорит второй пилот Дейл. Трентон, ты меня слышишь? Коби?

– Да, Билл, я на связи.

– Коби, мы не дотянем до Кальмара. Я не знаю, как так получилось. «НАПС» говорит, что мы как раз над ним пролетаем, но я не вижу под нами ничего, кроме леса.

В наушниках послышался судорожный вздох.

– Коби, видимо взрыв как-то повредил навигационную систему и мы сейчас неизвестно где. Но не бойся, Швеция не такая большая страна, чтобы нас не нашли за несколько часов. Как только я увижу подходящую площадку, поведу машину на посадку. Ты немедленно должна объявить готовность к аварийному приземлению. Всем следует принять соответствующее положение. Вы тоже должны быть на местах и пристёгнуты. Я не успею предупредить заранее, буду садиться сразу, как только увижу такую возможность.

Не дожидаясь ответа, Билл Дейл отключил связь.

Всё. Внешний мир для него снова исчез. Есть он, лес за стеклом кабины и последовательность действий, которые надо выполнить, чтобы максимально безболезненно вернуть на землю машину, утратившую способность летать. Левая рука – на рукоятку управления тягой двигателя, правая держит штурвал. Так, заранее выпустить шасси, чтобы не отвлекаться потом. И всё внимание в лобовое стекло, на землю под ним. О, вот как раз впереди обрывается сплошной лесной покров, похоже, там пустошь. Чёрт! Поляна идёт под углом к их курсу и вся утыкана одиночными островками деревьев. Так, чуть левее. Кажется, там есть большое свободное пространство. Штурвал чуть на себя, чтобы поддержать, продлить горизонтальный полёт. Нам ещё рано, рано садиться! Держим, держим, доворачиваем влево. Не соскальзывай! Штурвал чуть вправо...

Есть! Прямо по курсу среди леса вдоль их траектории простирается широкая и длинная проплешина. Местами из неё торчат какие-то кусты, но ни одного дерева не видно. Лес, тянувшийся вдоль прогала, мельчает на его границах, только некоторые засохшие деревья вторгаются на открытую территорию небольшими мысками. На дальнем краю проплешина упирается в заросший деревьями невысокий гребень, но расстояния до него вполне достаточно для остановки самолёта, тем более на грунте.

Билл выпустил на правом крыле закрылки. Ну, поехали. Сбрасываем скорость и скользим, скользим навстречу стремительно бегущей зелёной поверхности в прожилках бурой, засохшей травы. Держим самолёт почти параллельно земле, не задираем нос, как при обычной посадке. Гасим до предела вертикальную скорость и стараемся коснуться поверхности всеми колёсам сразу. Ещё немного. Метр. Полметра. Касание!

Колёса шасси врезаются в поверхность и уходят в неё, почти не встречая сопротивления. Во все стороны взлетают вееры зелёного, бурого, рыжего, иссиня-чёрного. Передняя стойка проваливается в жидкое месиво на всю длину, самолёт ныряет носом вниз, прямо в глубину грязи. Фюзеляж отчаянно трещит, из последних сил сопротивляется обрушившейся на него перегрузке, потом всё же не выдерживает и рвётся там, где пилотская кабина и передний сервисный отсек соединяются с пассажирским салоном. Носовая часть самолёта подламывается вниз, под несущую следом обезглавленную машину. Та наваливается на неё всей своей многотонной массой, сминая, корёжит вместе с пристёгнутыми к своим креслам пилотами. Рваный обломок металла, как консервный нож, вспарывает грудную клетку Билла Дейла...

Он погиб сразу, не ощутив ни боли, ни удушья, когда болотная жижа хлынула внутрь пилотской кабины. Командир экипажа Беннет МакКрейн к этому моменту был мёртв уже примерно четверть часа.

...Вдавив в грязь остатки кабины, самолёт подпрыгивает на них, как на трамплине, скользит вперёд, рассекая хлябь. Тяжёлые двигатели зарываются в болото. Повреждённая взрывами подвеска левого не выдерживает, моторная гондола отрывается, кувыркается в грязи вслед освободившемуся от её веса крылу. Правый мотор при этом превращается в якорь, вокруг которого сила инерции начинает разворачивать несущийся в жиже самолёт. Хвостовую часть заносит влево и она с размаху налетает на торчащий айсбергом из грязи остов левого двигателя. Тот проламывает корпус и устраивает в кормовом пассажирском салоне месиво из металла обшивки, балок каркаса фюзеляжа, пластика внутренних конструкций, крови, плоти и костей двух супружеских пар и трёх маленьких детей, пристёгнутых к креслам в этой самой безопасной по последней статистике части самолёта...

Рамону Брукнер, сидевшую на служебном кресле в заднем сервисном отсеке, оглушил треск и грохот за её спиной, в хвосте самолёта. Через проход в переборке полетели какие-то обломки, брызги. Что-то больно ударило по плечу. Она даже не попыталась оглянуться и посмотреть, что произошло. Отчаянно цепляясь белыми от напряжения пальцами за сиденье, плотно зажмуриив глаза, Рамона изо всех сил пыталась удержаться на месте и, не сдерживаясь, кричала, кричала во весь голос.

...Ударившись о собственный оторванный двигатель, самолёт снова разворачивается обрубком передней части фюзеляжа вперёд, несётся, зачерпывая хлябь и постепенно кренясь вперёд. Наклонённый пол пассажирского салона подцепляет из болота оказавшееся на его пути полузатопленное бревно, пролежавшее в воде и грязи много лет и затвердевшее до каменного состояния. Топляк влетает в салон первого класса щербатым комлем вперёд, растопырив острые крюки обломанных сучьев. Словно боевая античная колесница он проносится по проходу между местами «А, В» и «Е, F» вдоль левого борта самолёта, пока не застревает, увязнув в мягких сиденьях, раздробленных грудных клетках, оторванных головах и конечностях...

Лукасу Кауфману чертовски повезло, что свободные места в первом классе оказались с правой стороны салона, в конце. Именно там они закрепили, как могли, покалеченных Марси Уильямс и Мэнди Уэстфилд. Там же пристегнулся и он, чтобы быть к ним поближе. Правда, масштаб своего везения он осознал позже. В момент самой катастрофы всё происходило настолько быстро, что он не успевал ни понимать, ни удивляться. Он даже зажмуриться не успел. Единственное, что он отчётливо помнил с самого начала, когда объявили аварийную посадку – это то, что отчаянно зудела ступня. Правая.

Приняв положенную позу, уткнувшись лбом в скрещённые руки, Лукас, как ему казалось, бесконечно долго ждал момента касания. Потом разом и без предупреждения: встряска, рывок вниз и вперёд, оглушительный скрежет и треск в носу самолёта, внезапной вспышкой

в салон проникает свет, бросок вверх. Голову оторвало от рук, тело отбросило спиной на мягкую спинку кресла. Самолёт пошёл в занос, потом что-то ударом вернуло его на первоначальную траекторию. Внутри салона ворвался холодный воздух, полетели брызги воды, грязи, какая-то трава, ошметки. Вслед за ними откуда-то возникло страшное многорукое чудовище, с чавканьем, хрустом и треском напавшее на пассажиров по левому борту. На плечи навалилась тяжёлая перегрузка от торможения, склонила его вперёд в глубоком поклоне. Несколько бесконечно долгих секунд его вес рос, рос, затрудняя дыхание, сковывая мышцы всего тела. А потом также без предупреждения всё кончилось. Самолёт остановился.

Коби Трентон открыла глаза, только когда их перестало швырять из стороны в сторону. Свист, треск, хруст, грохот посадки сменился всхлипами, стонами, рыданиями внутри салона. Со стороны первого класса доносились такие крики, что у неё холодел затылок. Но нет. Она не может себе позволить пойти туда. Там Мартин и Лукас. Это их забота. На её плечах – основной пассажирский салон.

Она быстро отстегнула ремень, повернулась к Каре Купер.

– Кара, ты в порядке? Слышишь меня?

Та кивнула в ответ. Доза успокоительного в сочетании с рефлексам профессиональной подготовки вывела Кару из шока и вернула в рабочее состояние. Если это было вообще возможно в такой ситуации. Поэтому, не обращая внимания на кивок, Коби взяла её за плечо и повторила, глядя в глаза:

– В порядке? Точно? Помнишь, что делать?

– Да. Люки и трапы.

– Умница. Начали.

Она встала и повернулась к пассажирам:

– Внимание! Сейчас мы откроем двери, и вы покинете самолёт. Не берите с собой вещи, следуйте указаниям членов экипажа!

Она быстро пошла по проходу в сторону хвоста. Хотя изобретение новой системы хранения топлива и специальных противопожарных присадок свели к минимуму вероятность пожара при посадке, задача быстро вывести пассажиров из аварийного лайнера оставалась приоритетной по любым действующим правилам. Поэтому ей нужно срочно проверить Рамону, вместе с ней открыть задние двери и организовать высадку. Она лавировала между локтями, плечами, встающими с мест людьми, краем глаза подмечая происходящее. Мужчина со сломянным предплечьем одной рукой неуклюже пытается отстегнуть ремень безопасности. Пожилая женщина рядом останавливает его, склоняется к нему, чтобы помочь. Молодой лохматый парень с дурацкой серьгой в форме черепа обнимает свою соседку правой рукой, а левой пытается отвести от её лица ладони, которыми она плотно закрыла глаза. Бормочет ей на ухо что-то мирное, успокаивающее, а та в ответ только трясёт головой и всхлипывает. Знакомый Коби пастор помогает встать девочке-подростку, которая сидела через проход от него. Та наконец-то пришла в себя, ещё бледная, но уже кивает в ответ на то, что быстро-быстро говорит ей мать на незнакомом, но явно южном языке. Пастор указывает им обоим на переднюю часть салона, откуда доносятся щелчки и характерный звук открываемого пассажирского люка. Гомон многих голосов перекрывает шипение и шелест надувающегося аварийного трапа.

Коби проскользнула в задний сервисный отсек. По полу из-под занавески, закрывающей проход в кормовой пассажирский салон, тянулся веер блестящей грязи. Рамона Брукнер уже на ногах, взъерошенная, с красными глазами. Впрочем, Коби боялась даже представить, как она сама выглядит сейчас, поэтому просто кивнула коллеге и попыталась улыбнуться. Похоже, улыбка не удалась. Вместо неё дрожащие губы сложились в какую-то кривую гри-

масу. Рамона ответила непонимающим взглядом и ухватилась за рычаги, запирающие дверь. Но не успела она повернуть их, а Коби, взявшись за занавеску, отдернула её в сторону, как из передней части салона раздались отчаянные возгласы, которые почти сразу перекрыл панический вопль, срывающийся на жуткий, животный визг. Девушки переглянулись и бросились на крик. В салоне навстречу им качнулась по проходам людская масса, отшатывающаяся от распахнутых впереди по обе стороны фюзеляжа дверей. Кто-то там, за головами, неистово размахивал руками и кричал:

– Назад! Все назад! Не подходить к дверям!

Оттуда же несло:

– Помогите! Нет! Кто-нибудь!

– Руку! Давай руку! Хватайся!

И поверх всего этого отчаянный, истошный визг, который не мог принадлежать человеку и сливающийся с ним, срывающийся на хрип женский крик на непонятном южном наречии.

Когда Кара Купер развернула аварийный надувной трап по правому борту, она сразу шагнула к противоположной стороне, чтобы открыть вторую дверь. Взялась за рычаг, повернула, навалилась на дверь плечом и бедром, чтобы вытолкнуть её наружу. Рядом с ней остановилась черноволосая женщина, часть левой щеки и уха у которой были закрыты марлей и залеплены пластырем. Брюнетка поддерживала под локоть девочку четырнадцати-шестнадцати лет с бледным, осунувшимся личиком.

Трап справа надулся, принял свою положенную тугую форму. Первой на эту импровизированную горку ступила полная женщина за пятьдесят. Ей помогал, поддерживал под руку лысый, как колено, невысокий мужчина в очках, с седой бородкой и усами:

– Так, дорогая, не спеши. Не бойся, съезжай вниз и отбегай в сторону. Я сразу за тобой.

За их спинами собралась уже порядочная толпа. Кара наконец вытолкнула наружу слегка заклинившую левую дверь, склонилась вниз, чтобы открыть люк и вытянуть наружу надувной трап. Женщина с правой стороны тем временем соскользнула вниз по пологой горке и попыталась сразу освободить место для следующего за ней. Перевалилась через туго надутый баллон и... провалилась в грязь сразу по пояс. Она издала странный звук, нечто среднее между вздохом и всхлипом, взмахнула руками, пытаясь ухватиться за воздух, и испуганно вскрикнула:

– Джим, здесь нет дна! Джимми... о, боже! Я тону, Джимми!

Её муж соскользнул вниз, быстро перекатился к краю трапа, за которым она уже погрузилась в жижу по грудь.

– Хелен, я здесь! Давай мне руку, быстро!

Женщина, растерявшись, замахала руками, пытаясь уцепиться за тугой борт трапа, промахиваясь мимо рук мужчины.

– Джимми! Нет! Джимми!

– Руку! Давай руку! Хватайся!

Наверху, у двери, раздались панические возгласы. Какой-то парень закричал, перемежая английские и немецкие слова:

– Zurück! Все отойти! Здесь болото!

Толпа отшатнулась назад. Кару Купер толкнули так, что она впечаталась теменем в дверную раму. Стоявшую рядом с ней раненую брюнетку вместе с дочерью вынесло к распахнутому левому люку. Девочка запнулась обо что-то, оступилась, её ладонь выскользнула из руки матери и она полетела вниз. Худенькое тело упало в тёмную, поблёскивающую на солнце массу почти плашмя, выбросив в разные стороны вязкие брызги. И сразу же ушло в трясину, оставив над поверхностью только голову и руки. Девочка попыталась взмахнуть руками, как-то пере-

вернуться. Под грязью прошла волна там, где извивалось её тело. И тогда она закричала. Это не был человеческий крик, голос, зовущий на помощь. Это был истошный, отчаянный визг живого существа, животного, попавшего в смертельную ловушку. Сверху ей ответил вопль матери. Та упала на колени, свесилась из дверного проёма, цепляясь одной рукой за его край, а другой пытаясь дотянуться до дочери растопыренными пальцами. Бесполезно. Ей не хватало примерно метра, чтобы дотянуться до девочки, которая стремительно уходила в топь. Над волнующейся густой поверхностью болота теперь торчали только руки по локоть и лицо. Всё происходило так быстро, что люди наверху, за распахнутым люком, просто не успели повернуться и что-то сделать, как-то прийти на помощь. Сорвавшись на хрип, брюнетка вдруг качнулась назад внутрь салона, напружинилась и неуклюже прыгнула. Она плюхнулась рядом с девочкой, провалилась сразу почти по плечи, неуклюже взмахнула руками, как морская птица, которая, угодив в разлив нефти, безуспешно пытается выбраться из клейкой ловушки. Поймала дочь за руку, попыталась потянуть её наверх, не понимая, что при этом тонет сама, тонет стремительно. Взмахнула второй рукой, подняла веер грязи, шлёпнула ей в бесполезной попытке плыть, издала отчаянный вопль на непонятном языке – то ли призыв, то ли имя. Болотная жижа втягивала их в себя. Отчаянный визг сменился хрипом и клокотанием, потом бульканьем, четыре руки плеснули грязью в разные стороны в последней попытке всплыть на поверхность. Из глубины болота вспучились тусклые непрозрачные пузыри, лопнули, выпустив наружу отвратительный запах. И поверхность снова замерла, застыв причудливым узором прожилок грязи разного оттенка.

Наверху, в проёме распахнутой двери, кто-то отчаянно вскрикивал, кто-то рыдал в ужасе, закрывая рот руками, кто-то подхватывал других за плечи, за руки, удерживая от падения. С противоположной стороны самолёта Джим наконец-то взял свою жену Хелен в надёжный захват, сцепил пальцы рук в замок у неё на спине и теперь тащил обратно на трап, напрягаясь изо всех сил. Его лысина налилась кровью, стала пунцовой, как малина. Какой-то мужчина в костюме соскользнул вниз ему на помощь. Всё это происходило вокруг Кары Купер, и, в то же время, как будто не с ней. Она сидела у переборки, уперев ноги в порожек левой двери. Уперев изо всех сил, чтобы не дай бог не вывалиться наружу. Кара обхватила себя руками, пытаясь унять колотившую всё тело крупную дрожь, и не отрывала взгляда от коварно ровной, поблёскивающей солнечными зайчиками, равнодушной ко всему живому поверхности болота.

Нет, чтобы не случилось, она больше не встанет и никуда с места не двинется.

Похоже, на этот раз Кара выбыла из строя окончательно.

Отстегнувшись и не обращая внимания на крики вокруг, Лукас первым делом проверил девочек. Марси Уильямс ответила на его похлопывание по щекам тем, что открыла глаза, замутнённые страданием, и слабо качнула головой. Дыхание давалось ей с трудом, перегрузка при посадке явно ухудшила состояние старшей стюардессы. Мэнди Уэстфилд, как ни странно, пришла в себя, в полном недоумении пыталась осмотреться и скребла пальцами по лентам скотча, которыми её крест-накрест примотали к спинке сиденья, чтобы зафиксировать на время посадки.

– Мэнди, Мэнди, тише, тш-ш-ш, это я, Лукас, – он погладил её по щеке, повернул лицом к себе. – Ты ранена, тебе нельзя шевелиться.

– Ра... ранена? – шевельнула она посиневшими, пересохшими губами. – Что... что произошло?

– Авария. Мы уже сели. Аварийная посадка. Ты не шевелись, пожалуйста, ладно? Мне надо помочь пассажирам и я к тебе вернусь. Договорились?

Она кивнула. Лукас выпрямился, повернулся к салону. Там явно открылся филиал ада. Грязное, чёрное бревно торчало в левом проходе между креслами, не дойдя до переборки в конце салона примерно полутора метров. Во все стороны от него щетинились обломки сучьев, острые расщеплённые концы многих из них были перемазаны красным. Такие же красные брызги обильно покрывали стены, потолок салона, обивку кресел.

– Мартин! – Лукас Кауфман поискал глазами коллегу. Тот перед посадкой сел в средний ряд вперёд, чтобы сразу прийти на помощь пилотам, если потребуется. Сейчас на том месте из-за спинки кресла виднелся только край плеча в знакомой форменной рубашке и трикотажной безрукавке. Лукас поспешил туда, скользя по жиже, покрывающей пол. Навстречу ему выбирались из своих кресел потрясённые, оглушённые, не до конца очухавшиеся пассажиры, перемазанные грязью и красным. Он скользнул на пустое сиденье в ряду позади Мартина, схватил его за плечо, встряхнул, потянул вправо. Тело в ответ безвольно качнулось, из-за спинки кресла вместо рыжеватого затылка выскользнул бесформенный обрубок шеи в воротнике, залитом красной жидкостью, перепачканном грязью и ещё чем-то серым. Лукас отшатнулся, отдернул руку от плеча, как будто оно за мгновение раскалилось добела. Его замутило, он согнулся и обильно выдал всё содержимое желудка на залитый болотной жижей и кровью пол.

Через обезглавленную переднюю часть фюзеляжа внутрь салона проникал яркий солнечный свет, холод, дух затхлости и гнили от болота, смешивавшийся внутри с запахом разделочного цеха скотобойни. Уцелевшие пассажиры по правому борту торопливо отстёгивались и старались убраться поскорее от этого жуткого аромата, ещё более страшного зрелища в левой стороне салона и непонятной, но крайне неприятно выглядящей жижи, которая не спеша заползала в салон через зияющую дыру впереди самолёта. Лукас несколько секунд просидел, согнувшись, восстанавливая дыхание и глядя, как его рвота на полу разбегается ручейками, смешиваясь с грязью. Желчь отвратительно жгла горло. Потом он вытер рукавом рот и, стараясь не смотреть на останки Мартина впереди, глянул налево. Там всё выглядело намного, намного хуже. По сравнению с этим бедняга Мартин казался просто везунчиком. Те пассажиры, кто сидел вдоль прохода, получили ужасающие рваные увечья. Почти все они или погибли мгновенно или умирали сейчас, исходя кровью из ран на месте оторванных конечностей, распоротых шейных вен и артерий или хрипло теряя остатки воздуха из повреждённых под раздробленными грудными клетками лёгких. Те немногие, кто сидел возле иллюминаторов и остался невредим, теперь оказались заблокированы сучковатым чудовищем и телами его жертв.

– Oh mein Gott, Emma! – Седой мужчина в отчаянии сжимал обеими ладонями левую руку сидящей рядом с ней женщины. У той не хватало правой руки ниже плеча и значительной части головы. На ряд ближе к концу салона девушка немного за двадцать уже отстегнулась и, повернувшись на сиденье спиной к борту, пыталась ногами отпихнуть от себя громоздкое тело своего соседа. Тело безвольно мотало головой, рассечённой от правой глазницы до уха, упиралось в толстый сук, увязший в его груди, и отказывалось смещаться хоть чуть-чуть. Девушка рыдала в голос и продолжала колотить, толкать труп ногами. В самом конце салона, там, куда не дотянулся расщеплённый таран топляка, молодой парень заходился абсолютно не уместным истерическим смехом. Женщина лет сорока кричала на него и звонко лупила по щекам, пытаясь привести в чувство.

Лукас чувствовал, что у него кружится голова и никак не мог решить, что же ему делать. В этот момент из-за переборки раздались отчаянные выкрики, которые заглушил такой жуткий вопль, которого он отродясь не слышал. Похоже, там дела были ещё хуже, чем у них. Пассажиры, столпившиеся в проходе, отшатнулись назад. Лукас вышел из ступора и прямо по сиденьям, перелезая через спинки, двинулся в сторону основного салона.

Когда Коби с Рамоной протолкались к открытым передним пассажирским дверям, они обнаружили там смесь хаоса и бурной активности. Часть пассажиров валила им навстречу по проходам, будто за распахнутыми люками их подстерегали дикие звери, готовые ворваться внутрь салона. Возле левой двери непонятным образом возникло пустое место, в которое все боялись вступить, только судорожно всхлипывали и причитали на его границе. На открытом пространстве были видны ноги какой-то женщины, сидящей на полу и прижавшейся к переборке. Через правую дверь несколько мужчин, подбадривая друг друга многоязычными возгласами, втягивали полную перепуганную женщину, перемазанную ниже плеч жидкой грязью. Никто и не думал покидать самолёт, как этого требовала инструкция. Из-за занавески, закрывающей проход в первый класс, доносились крики, рыдания, стоны, выглядывали перепуганные лица.

– Что здесь происходит?

Заговорили все разом, на разных языках, перебивая друг друга, указывая на раскрытые двери, особенно на левую. Коби, наклонилась вперёд, чтобы разглядеть женщину, сидящую на полу. Узнала Кару Купер. Та безучастно смотрела вперёд, обхватив себя руками, легонько покачивалась взад-вперёд. На скуле у неё красовалась свежая ссадина. Видимо в суматохе кто-то крепко её зацепил или случайно стукнул. Не обращая на рану внимания, Кара смотрела прямо перед собой и тихонько, еле слышно скулила. Коби присела перед ней на корточки:

– Кара?

Та даже не отреагировала.

– Кара, что здесь произошло? – мягко, но требовательно повторила Коби. Приложила ладонь к щеке коллеги: – Кара, посмотри на меня.

Она взглянула на неё невидящим, блуждающим взглядом:

– Коби?

– Ага, это я. Скажи мне, что здесь случилось?

– Они... они... раз, и их не стало...

Кто-то из пассажиров наклонился и стал рассказывать Коби на ухо, что произошло. Она слушала вполборота, холодела внутри и не отрывала глаз от лица Кары. В правую дверь меж тем втянули запыхавшегося мужчину с бородкой и усами. Тут же несколько рук снова нырнули вниз, ухватили что-то, потянули вверх. Над порогом двери возникла рука, потом знакомое лицо. Пастор. Его втащили наверх, он плюхнулся на пол, привалился к переборке по другую сторону прохода в салон первого класса. Сипло, глубоко дышал, восстанавливая дыхание. Повёл глазами, встретил взгляд Коби. Легонько кивнул.

– Коби... Мисс Трентон. Мы посреди болота. Плюхнулись в самую трясины. Никого... – у него перехватило дыхание. Пастор сглотнул, кашлянул и продолжил: – Никого нельзя выпускать из самолёта, пока мы не осмотримся.

Занавеска сверху распахнулась, в проход высунулся Лукас Кауфман.

– Коби?

– Что впереди, Лукас? Пилоты, пассажиры, девочки?

Лукас немного завис, подбирая слова:

– Девочки в порядке. С пассажирами беда. Есть погибшие, раненные. Много. Пилоты... Пилотов больше нет.

– Как нет? – пастор вскинул на него снизу голову.

– Ни пилотов, ни кабины. У нас оторвало нос.

– Совсем? – пастор поднялся с пола, выпрямился во весь немаленький рост, заглянул поверх плеча Лукаса в салон первого класса. Снова повернулся к Коби. – Нужно срочно переве-

сти пассажиров в среднюю часть самолёта. Там самая широкая часть фюзеляжа, плюс крылья. Это послужит нам опорой на болото и снизит нагрузку на носовую часть, чтобы мы не набирали воду и грязь. Так мы дольше останемся на плаву. Хвост самолёта цел?

Коби посмотрела на Рамону. Та в ответ пожала плечами – не знаю. Трентон повернулась к остальным.

– Делаем так. Я иду и проверяю хвост. Рамона, ты отводишь людей в середину. Пастор, пожалуйста, помогите увести Кару вместе с другими. Лукас, вы с Мартином выводите пассажиров из первого класса, потом переносите оттуда наших девочек...

– Коби, – прервал её Лукас. – Мартина тоже больше нет.

Она прерывисто вздохнула, принимая очередной удар, помолчала пару секунд, а потом вдруг резко мотнула головой, сбрасывая с ресниц непрошенные слёзы, и выругалась. Безадресно, но с глубоким чувством.

– Простите. Ладно. Действуем так же, только девочек перенесём потом общими усилиями. Побежали.

– Да, и надо бы закрыть двери, – пастор кивнул головой на открытые пассажирские люки. – От греха подальше.

Коби кивнула.

– Хорошо. Господин пастор, вы меня не подстрахуете?

Люди возле левой двери торопливо расступились. Она подошла к ней, взялась за окантовку дверного проёма. Пастор Майер позади крепко расставил ноги, правой рукой ухватился за край прохода между салонами.левой плотно обнял Коби спереди за талию. Рука под рукавом пиджака была сильной и жилистой, как канат. Она высунулась немного из открытого люка, стараясь не смотреть вниз, потянула на себя дверь. Та не сразу вошла в слегка деформировавшийся проём, пришлось несколько раз с силой дёрнуть за ручку, прежде чем дверь плотно закрылась. Коби повернула рычаг, запирая замок, обернулась внутрь салона.

– Спасибо, господин пастор.

– Клаус. Так короче. Это сэкономит нам кучу времени.

– Хорошо... Клаус. Правую дверь мы пока закрыть не сможем – там трап.

– Ничего, что-нибудь придумаем, – пастор подозвал двух парней, которые помогали втянуть его в салон и сейчас внимательно слушали их разговор. Бросил им несколько фраз по-немецки.

– Идите, Коби. Здесь мы разберёмся.

И наклонился к Каре Купер.

Отвести стюардессу, впадшую в шок, оказалось не так просто. Как только Клаус Майер попытался поднять её с пола, та начала паниковать. Дыхание участилось, пальцы заскребли по переборке, девушка стала испуганно всхлипывать и как-то даже подвывать с придыханием. Настолько страшной ей казалась перспектива подняться на ноги в опасной близости от раскрытого люка, за которым затаилось ужасное чудовище, способное меньше чем за минуту проглотить, засосать в себя человека. Хорошо, хоть они закрыли ближайшую дверь, а вторую, правую, за которой свисал надувной трап, двое молодых людей по просьбе Клауса закладывали чемоданами и сумками, снятыми с багажных полок.

Майер присел, склонился к бедняжке, легонько обнял. И зашептал на ухо бесконечную песню утешения, хорошо отработанную за годы служения и участия в многочисленных людских трагедиях, когда главным зачастую оказывается не смысл произнесённого, а тембр, интонация, баюкающая монотонность речи. Не прошло и минуты, как стюардесса затихла, обмякла, прижалась лбом к его плечу. Он осторожно обнял её левой рукой за талию, приподнял с пола.

Медленно, шаг за шагом, то ли повёл, то ли понёс вглубь салона. Там рассаживала пассажиров по местам невысокая мулатка с короткой стрижкой, Рамона. Пастор нашёл место в среднем ряду, подальше от иллюминаторов, рядом с пожилой голландкой. Та помогла усадить и пристегнуть девушку, обняла за плечи, пристроила её голову у себя на плече, погладила по волосам. Из-под закрытых век стюардессы побежали влажные струйки.

За гомоном множества голосов из хвоста самолёта слышались звуки, как будто там кого-то тошнило по полной программе. Майер поспешил туда. Не успел он войти в задний сервисный отсек, где пол был перемазан кровью и грязью, как из-за занавески кормового салона вынырнула Коби Трентон. На ходу она вытирала рот рукавом блузки. Пальцы и губы у неё мелко дрожали, лицо побледнело так, что грязь на щеках стала особенно заметной и контрастной. На немой вопрос пастора она только покачала головой.

– Никто не выжил. Похоже, мы налетели на что-то во время посадки. Там ни одного целого тела, так что... – она прижала ладонь ко рту, потом провела ею по горлу сверху вниз, как будто заталкивая обратно то, что снова рвалось наружу. – Да, и у нас здесь тоже дыра в фюзеляже. Не скажу, что мы тонем, но...

Тут Коби вполголоса, но красочно объяснила, что она думает про их перспективы.

– Извините.

– Ничего страшного. Я не верю в сказки про бездонные болота, Коби. Всякое болото – это бывшее озеро, так что дно у него есть. Здесь плоский рельеф местности, поэтому вряд ли наша трясина ужасно глубока. Кроме того, у дна наверняка лежат более плотные слои, на которые может опереться самолёт. Поэтому судьба «Титаника» нам не грозит. Вопрос в другом: насколько глубоко мы в итоге увязнем, сможем ли безопасно оставаться в салоне или нам придётся выводить людей на крылья. И потом – удастся ли нам перебраться на твёрдую почву или придётся сидеть и ждать спасателей?

– Хорошо, Клаус, мне очень хочется верить в то, что мы не потонем. Как по-вашему, мы можем что-нибудь сделать ещё?

– Не знаю наверняка, но было бы неплохо кому-то выбраться на крыло и осмотреться. Возможно, твёрдая почва в двух шагах и мы можем прямо сейчас выбраться из ловушки.

Коби поразмыслила, произвольно теребя пальцами уголок воротника блузки.

– Ладно, давайте осмотримся. Вы знаете, как открываются аварийные люки над крыльями?

– Ну, в брошюре по правилам безопасности, которую вы нам показывали перед взлётом, всё вроде бы выглядит просто.

– Так и есть. Идёмте.

Они прошли в середину самолёта. Там Коби обратилась к лохматому парню с серьгой в форме черепа:

– Сэр, вы не могли бы нам помочь? Мы хотим открыть аварийные люки над крыльями и осмотреться. Можете открыть вот этот, по правому борту?

– Без проблем. – Парень отцепил от своего предплечья руки бледной заплаканной спутницы, поднялся с кресла.

Майер шагнул было к левому борту, но Коби поймала его за локоть.

– Господин пастор, я хочу попросить вас помочь Лукасу впереди, в первом классе. Пожалуйста. Здесь мы справимся.

– Не вопрос, конечно.

Он повернулся и заспешил в нос самолёта.

Лукас Кауфман очень обрадовался, когда пастор пришёл к нему на помощь. У того явно был опыт поведения в непростых ситуациях. Пока Лукас выводил из салона немногочисленных оставшихся пассажиров и помогал выбраться через спинки кресел тем, кто оказался заблокирован по левому борту бревном и телами погибших, пастор сразу пошёл к мертвецам. Щупал пульс, бегло осматривал, поднимал веки закрытых глаз. Губы его при этом непрерывно беззвучно шевелились. Иногда он замирал на пару секунд, склонял голову, потом шёл дальше.

Итого на двадцать пять человек, находившихся в салоне первого класса в момент посадки, у них набралось девять покойников, включая бедолагу Мартина. Ещё несколько человек оказались ранены – большинство отделались порезами и рассечениями, двое получили крайне неприятные рваные раны с возможными переломами, у одной женщины была обширная травма плеча. Плюс две стюардессы, пострадавшие ранее. Остальные обошлись испугом и обильной порцией болотной жижи, влетевшей в салон после того, как отвалился нос. Пострадавшим оказали первую помощь на месте, потом отправили в основной салон, под опеку Коби и Рамоны. Приходилось поторапливаться – самолёт по-прежнему кренился вперёд, и грязь не спеша, но неотвратно продолжала вползать в салон. Это очень нервировало. Поэтому погибших даже не пытались вынести, просто проверили карманы и забрали документы, смартфоны – всё, что могло помочь их идентификации в дальнейшем.

Настало время переносить девочек. Марси Уильямс была в полузабытьи, только глухо постанывала, пока её перекладывали из кресла на одеяло, а потом несли по проходу. Мэнди Уэстфилд, напротив, пребывала в полном сознании. Её лицо, бледное до желтоватого воскового оттенка, покрывала мелкая испарина, губы искусаны, из уголков глаз бегут слёзы. Она не имела возможности посмотреть на свою повреждённую ногу, но отчаянная боль ясно давала ей понять, что случилось что-то очень серьёзное. Перед тем, как разорвать ленты скотча, которыми её примотали к спинке кресла, Лукас присел рядом с ней и наклонился к самому лицу.

– Мэнди, мы сейчас отстегнём тебя от кресла. Пожалуйста, попытайся не двигаться сама. И вниз не смотри, ладно? – и зачем-то добавил: – Всё будет хорошо, обещаю.

Когда они внесли её в главный салон, все уже были в средней части самолёта. Кто-то просто сидел на местах, кто-то пытался помочь пострадавшим. Несколько человек вместе с Рамонной возились возле женщины с длинной рваной раной на бедре, которую принесли из первого класса. Оба аварийных люка над крыльями были распахнуты, через них внутрь салона тянул сквозняк. Они пристроили Мэнди на кресле, которое разложила Коби Трентон. Та сразу же опустилась рядом, открыла аптечку первой помощи, вытряхнула из упаковки шприц-тюбик с обезболивающим.

– Так, Мэнди, потерпи чуть-чуть, сейчас станет легче.

Из аварийного люка над правым крылом появился лохматый парень с серебряной серьгой в форме черепа. Протопал по проходу, открыл багажную полку, снял с неё средних размеров чемодан. Вернулся к люку и вместе с чемоданом вылез на крыло. Коби коротко взглянула на Лукаса, а потом кивнула вслед лохматому парню – глянь, что там происходит. Лукасу пришлось обойти полсалона, чтобы пробраться к аварийному выходу. Когда он вышел на крыло, его ослепило солнце, дух перехватило от ветра, дувшего вдоль болота, в которое они плюхнулись. Парень с чемоданом уже успел дойти почти до конца крыла. За его руку цеплялась заплаканная девушка, быстро говорила что-то. Он в ответ ей громко доказывал:

– Нет, ты сама посмотри! Вот, пара метров от крыла – видишь? Это трава. Трава и куст. Они не растут на трясине. Значит, там твёрдая земля и мы можем выбраться прямо сейчас.

– Эд, пожалуйста! Не надо ничего делать! – девушка в полном отчаянии пыталась отговорить парня от какой-то рискованной затеи.

– Милая, да здесь нет ничего опасного. Вот смотри, – парень широко размахнулся и двумя руками зашвырнул чемодан вперёд.

Лукас почти дошёл до места на крыле, где стояла парочка. Отсюда было видно, что чемодан перелетел полосу открытой грязи, взбаламученную падением самолёта, и плюхнулся на заросшую травой кочку, у подножия низкого куста. Из травы в разные стороны вылетели ярко блеснувшие на солнце водяные брызги, стебли примялись, но чемодан остался лежать так, как будто под ним действительно была твёрдая почва.

– Ну, теперь видишь? Я могу допрыгнуть туда, если хорошенько разбежусь, – Эд сделал такое движение, как будто и правда собирался отойти по крылу и разбежаться. Девушка взвизгнула и вцепилась ему в рукав.

– Не смей! Это тебе не горы и ты не на своём дурацком сноуборде!

– Сэр, что вы собираетесь делать? – Лукас подошёл к ним вплотную.

Парень глянул на него недоумённо:

– Я? Ну... я собирался перепрыгнуть вон туда, там явно твёрдая земля и...

– А зачем, позвольте спросить? – раздался голос у Лукаса за спиной. Он оглянулся – там стоял подошедший пастор и мрачно сверлил глазами лохматого.

– Ну, если там окажется твердая земля, то мы могли бы перепрыгнуть туда и выбраться из самолёта.

– Прекрасно. Можно я сначала сделаю несколько уточнений к вашему плану? Если там окажется земля – это великолепно. А если не окажется? Вы бросили чемодан и считаете, что этого достаточно для проверки?

– Ну да, – говоря это, Эд выглядел так, будто его только что посетило неожиданное сомнение.

– Сколько весит ваш чемодан? Килограммов пятнадцать, от силы семнадцать? Да, может быть для его веса там достаточно надёжный грунт. А на сколько потяните вы? Кило на семьдесят пять, не меньше. Я прав?

– Семьдесят восемь, – неохотно согласился парень.

– Ну вот. Для того, чтобы трава могла расти, достаточно слоя почвы в пять-десять сантиметров, для куста хватит пятнадцати, от силы двадцати. Что, если там, куда вы зашвырнули чемодан, есть только этот поверхностный слой, а под ним точно такая же трясина, как и вокруг? Для болот это обычное дело, поверьте мне, там, где я вырос, они тоже встречаются. И вот вы разбегаетесь, прыгаете и всем своим весом пробиваете в этом слое лунку, как в весеннем льду. Что вы будете делать? За что ухватитесь? Будете медленно идти ко дну на глазах своей девушки?

Упомянутая девушка внезапно с размаху залепила парню пощёчину. Слёзы у неё высохли, на скулах загорелись пятна боевого румянца, а в глазах появился хищный блеск.

– Почему ты, – она замахнулась левой рукой и отвесила Эду такую же оплеуху с другой стороны. Для симметрии. – Почему ты никогда никого не слушаешь!? Ты, самовлюблённый сукин сын!

Она замахнулась правой, чтобы продолжить воспитательную работу, но Лукас перехватил её за запястье и потянул в сторону, откуда девушка не дотягивалась до своего парня. Зато там она могла свободно рассказать окружающим всё, что о нём думает. Эд в это время внезапно стал похож на пятиклассника в кабинете директора. Он мрачно пялился на свой чемодан и потирал щёку с отчётливо проступающим оттиском пятерни.

Пастор продолжал.

– Хорошо, даже если вдруг окажется, что там твёрдая земля или что грязи там всего по колено, что дальше? У нас не все такие резвые прыгуны, как вы. Есть люди в плохой спортивной форме, есть просто пожилые. В конце концов, у нас почти два десятка раненых, их них многие в тяжёлом состоянии. Как мы будем спасать их? Раскачаем за руки, за ноги и швырнём?

Молодой человек, это очень хорошо, что вы увидели потенциальную возможность к эвакуации, но почему вы не поделились с окружающими? С членами экипажа, в первую очередь? Ведь они до сих пор несут ответственность за каждого пассажира на этом самолёте.

Говоря это, пастор, тем не менее, больше не смотрел на Эда. Он рассматривал кочку, траву, куст, чемодан и полосу грязи, отделяющую их от крыла самолёта. Внезапно он обратился к Лукасу:

- Скажите, мы ведь можем использовать надувной трап в качестве плота?
- Конечно. Его нужно просто отсоединить от фартука...
- Отлично. Тогда давайте подумаем, как нам его зацепить и перетащить от люка к этому

концу...

Неожиданно до них донёлся крик. Эхо разнесло его так, что они завертели головами в разные стороны, пытаясь определить направление, откуда он идёт. Крик повторился. Лукас лихорадочно оглядывался и вдруг заметил человека. Тот стоял над обрывчиком, спускавшимся к поверхности болота, заросшей травой и низким кудрявым кустарником. За его спиной среди деревьев маячили ещё несколько фигур. Человек приложил ко рту ладони рупором и кричал, обращаясь к ним на непонятном языке, хотя внутри у Лукаса возникло отчётливое ощущение, что когда-то он эти слова слышал и понимал их смысл. Он глянул на пастора. Тот стоял и внимательно смотрел на кричавшего с выражением, как будто тот разбудил в нём воспоминание о чём-то очень давнем.

- Господин пастор, вы его понимаете?

Майер кивнул.

– И что, что он говорит? – Эд вышел из состояния провинившегося школьника и во все глаза смотрел на берег. Его подруга, выскользнув из рук Лукаса, забыла про все претензии к своему парню, обеими руками обвила его локоть и тоже глядела на незнакомца.

- Он говорит, чтобы мы оставались на месте. Что они нам помогут.
- Здорово! Наконец-то!
- Вот только...
- Только что?
- Что, господин пастор, что?
- Я не могу себе представить, как он тут оказался.

Глава 9

После того, как Смирнов докричался до людей, стоявших на крыле самолёта – один из них, высокий мужчина средних лет, помахал им в ответ и кивнул головой – Андрей подзвал Новикова:

– Серёга, срочно свяжись с Рустамом, скажи ему, чтобы брал самые вместительные машины, всех свободных людей и гнал сюда. Если на борту больше двадцати человек, мы их своими силами не вывезем. И пусть Марина готовится принимать раненых. Судя по отломанному носу, без них не обойдётся.

Остальные тем временем подтаскивали инструменты, осматривали деревья, прикидывая, какие из них удобнее всего завалить, чтобы соорудить основу для гати. Дело было привычным. Живя среди тайги и болот, уметь делать такие вещи необходимо. Не прошло и пятнадцати минут, как от стоявших на ближайшем просёлке машин принесли две бензопилы, топоры, канистры с горючим. Громко взревели моторы пил, птицы испуганно метнулись в стороны из-под крон деревьев, поплыл сизый дымок выхлопа. Заскрипел, засвистел под острыми зубьями тонкий подлесок. Сам Андрей, натянув перчатки и ухватив топор, споро рубил тонкие деревца, освобождая пространство для пильщиков.

Им не хватало рабочих рук. Трёх человек, хочешь – не хочешь, пришлось оставить в дозоре. Не бросишь же без присмотра машины со всяким добром, особенно если бензопилы на два голоса рассказывают всей округе, где они находятся. Итого получают пятеро работников: двое с пилами, двое им помогают и один просто машет топором. Такой вот скромной бригадой им предстояло соорудить примерно сорокаметровую гать. Хорошо, что здесь, на скально-песчаном пригорке на краю болота, росли не только обычные ели, но и три-четыре сосны, более высокие, которых должно было хватить почти до самого крыла. Правда, тонкие древесные верхушки там уже не давали бы нужной опоры, ну да ладно, что-нибудь навалим сверху, когда туда доберёмся.

Размахивая топором, Андрей искоса поглядывал на самолёт. Да, нос он потерял некстати. Ишь, как увяз в трясине. И продолжает погружаться. До открытой пассажирской двери осталось не больше полуметра, выпущенный аварийный надувной трап плавает на грязи уже почти горизонтально. Так, а что это с ним происходит? Смирнов прервался на полминуты, выпрямился, поднёс бинокль к глазам. Ага, они его отцепляют. А ещё какой-то мужик с крыла забросил на него сумку, привязанную к стропам, и теперь подтягивает поближе к себе. Не иначе, хотят перегнать его, как надувной плот, к концу крыла и выстроить свою часть моста к ним навстречу. Молодцы, буржуины, не сидят, сложа руки! Надо только предупредить их, чтобы не спешили, пока ребята не положат первые деревья.

– Эй, на самолёте! – заорал Андрей, пытаясь перекричать визг цепных пил. Человек на крыле поднял голову. – Не спешите! Сначала мы, – Смирнов указал на деревья, а потом жестами изобразил, как они падают в болото. – А потом уже вы подтаскивайте свой плот! Ты понял?

Человек на крыле махнул рукой из стороны в сторону, кивнул. Вроде как понял. Подтянул трап к крылу, ухватил его руками за туго надутый баллон и присел на корточки, повернул голову в ожидании в их сторону. Тем временем на крыло выбралось уже не меньше десятка человек и за аварийным люком маячили головы новых желающих.

«Это лишнее!» – успел было подумать Андрей, как на крыле появились давешний высокий мужчина в костюме и с ним девушка в униформе. Не иначе, стюардесса. Они на пару живенько загнали почти всех обратно в салон, на крыле остались только четверо – высокий в костюме, мужик, державший трап и ещё пара человек. Спустя минут десять из люка появился парень в белой рубашке и жилете, похоже, тоже стюард. Следом за ним вытолкнули объёми-

стый свёрток в чехле. Те трое, кто стоял на крыле без дела, подбежали к нему, помогли перетаскать свёрток к задней части. Не прошло и двух минут, как там развернулся ещё один наддувной трап.

«Отлично!».

За это время они сами уже успели расчистить площадку от мелкой поросли и Серёга Новиков, ловко орудуя пилой, подгрызал ствол высокой сосны, росшей на краю обрывчика. Андрей соорудил себе длинный кол и готовился вместе со вторым помощником упереться в ствол дерева, направляя его падение в нужную сторону. Зубья цепи с визгом врезались в древесину, в воздухе перемешивался острый запах бензинового выхлопа со смолистым ароматом свежего распила. Опилки припорошивали всё вокруг чистым светлым снежком. Наконец внутри сосны что-то хрустнуло, она закрипела, Новиков заорал: «Давай!» – и отпрыгнул с пилой в сторону. Андрей с напарником навалились со всех сил, упёрлись ногами в рыхлый, засыпанный хвойными иглами грунт, длинные колья вонзились в рыжую кору. Сосна закрипела, затрещала, покачнулась и стала заваливаться вперёд, цепляя ветви соседних деревьев. Сверху посыпался дождь из хвои, старых шишек, мелких веточек, чешуек коры. Огромное дерево вырвалось из общего строя леса и полетело вниз, соскользнув комлем с обрывчика. Широкая крона ухнула на заросшее травой и кустарником плоское пространство неподалёку от оконечности правого крыла самолёта, разбила его обманчиво твёрдую поверхность. В воздух взлетели комья земли и фонтаны грязи. Как и следовало ожидать, этот как бы газон нависал карнизом над жидкой трясинной, в которую превратилось древнее озеро. Со временем оно зарастёт полностью, станет торфяной пустошью, но за ближайшую сотню лет тонкий слой травянистой почвы вдоль берега поймает ещё немало жертв в коварную ловушку.

– Вот так! Как по струнке легла, – Новиков аж притопнул ногой от удовольствия. – Ну, мальчишки, давайте-ка ещё несколько штук так же в рядок положим. Понеслась!

Спину припекало солнце, а в лицо дул свежий, прохладный ветерок, нёсший в себе явственный запах зимы. Неудивительно, если учесть, что плоское горное плато, лежащее перед ним на другом берегу Нэрэй-фьорда, там и сям покрывали пласты снега, не собиравшиеся уступать своих прав поздней северной весне. Под ногами, за краем гранитного уступа, на котором он сидел, долина была ещё полна теней, поэтому казалась узкой и не слишком глубокой. Карл прекрасно знал, что это впечатление обманчиво. Буквально вчера, когда под конец дня их катер шёл по фьорду, ему приходилось задираť голову, чтобы разглядеть его края, которые казались безумно высокими и недостижимыми. Однако ж, не так страшен чёрт, как его малюют и вот, благодаря раннему подъёму и долгому походу он сидит на самой верхотуре, и разглядывает лежащий перед ним величественный пейзаж.

Карл расстегнул нагрудный карман куртки, выудил из него цилиндрический контейнер. Из правого кармана достал коробок спичек, машинально потряс его над ухом. Отвернул колпачок цилиндра, вытряхнул на ладонь толстый столбик окурка кубинской сигары. Поправил красно-золотое бумажное кольцо сигарного банта с витиеватым гербом «[Partagas](#)». Покрутил плотную тушку в пальцах, провёл под носом, вдыхая аромат. Вынул из левого кармана никелированную гильотинку с выгравированными на ней дубовыми листьями, откусил пару миллиметров с головки сигары, чтобы обновить прикус. Ещё раз потряхнул коробок, вынул спичку. Отвернулся от фьорда лицом к солнцу, чтобы защитится от порывов прохладного ветра. Несколько секунд водил кончиком пламени по покрытому тонким слоем сизого пепла обрубку ножки сигары, пока на нём не разгорелся устойчивый малиновый уголёк и в рот не потянулся насыщенный горьковатый дым.

Он, конечно, понимал, что с точки зрения высокого искусства курить сигару в несколько приёмов было совершенно неправильно. Якобы раскуривание остывшего окурка убивает первоначальный вкус, делает его горьким и вообще, это удел скряг и нищелюбов. Однако ему на это совершенно наплевать. Карл курил сигары не потому, что был заядлым курильщиком. Для него это действие символическое, можно даже сказать, сакральное. Раз в году он брал отпуск на несколько дней, забирался в какую-нибудь даль, закурил сигару и предавался размышлениям. В зависимости от погоды и настроения мог выкурить её целиком, а мог всего наполовину. Или на треть. Тогда он давал ей погаснуть, прятал оставшийся окурочек в контейнер и убирал до следующего года.

Ему доводилось курить сигару на солёном ветру, стоя на серых скалах Ирландии. Вдыхать ароматный дым, сидя на песке пляжа западного побережья Коста-Рики и провожая взглядом тонущее в океане огромное багровое солнце. Однажды Карл пыхтел, стоя на крыше небоскрёба и наблюдал, как танцуют ночные огни Гонконга в отражении вод бухты Виктории. В тот вечер он был крепко пьян и поэтому плохо помнил, о чём тогда думал, и какой вкус имел табачный дым. Более того, он потом даже не мог вспомнить имени той китайки, которая стояла, прижавшись к его плечу, и без умолку несла какую-то чушь на своеобразной местной версии английского. Впрочем, можно достаточно уверенно предположить, что он думал тогда о разводе, неблагодарности женщин и общей несправедливости жизни. В том году он был ещё достаточно молод, чтобы переживать из-за таких пустяков.

Этой весной Карл решил отправиться куда-нибудь поближе. Оказалось, что и в трёх часах лёта от места его постоянного проживания можно найти потрясающей красоты места, наполненные первозданной природной энергией и мощью, на фоне которых все ужасные драмы и трудности современного человека начинают казаться мелкой шелухой, недостойной малейшего внимания. Умом, то есть холодной, логической частью рассудка он прекрасно понимал это и так. Но здесь бездонное голубое небо, тёплое солнце, тёмно-серый гранит в ярких пятнах лишайника, плотные пласты слежавшегося снега у подножья утёсов вкупе со свинцовой лентой холодной воды, извивающейся в тени на дне ущелья, давали такой разительный контраст с обычной суетой повседневной жизни, что вспоминать о чём-то мелком даже не хотелось. Этим опровергалось одно из правил психологии, требующее для решения проблемы детально разобрать её, пережевать и выплюнуть. Оказывается, достаточно соотнести проблему с чем-то действительно большим и значительным и чаще всего выясняется, что она не заслуживает не только детального анализа, но и вообще какого-либо внимания.

Карла вывел из всепоглощающего умиротворения зуммер смартфона. При установленном режиме к нему могли пробиться, только если звонок исходил от приоритетного абонента. Таких было совсем немного, поэтому он сразу подключился:

– Рихтер.

– Герр Рихтер, с вами будет говорить директор Нойманн.

В динамике на несколько секунд стихло, а затем раздался знакомый голос:

– Здравствуй, Карл.

– Добрый день, Анна.

– Карл, у нас серьёзная ситуация.

Было бы странно, если бы она позвонила по пустяковому поводу. Хотя, как раз сегодня повод был, но вряд ли директору есть до этого дела.

– Где именно?

– Недалеко от твоего места, в Швеции. Поэтому я тебя и дёргаю. Ты – ближайший мой сотрудник в этом районе.

И ни слова о том, что этот сотрудник сейчас находится в отпуске. Однако величие окружающего пейзажа и аромат сигарного дыма уберегли Карла от расстройства по поводу такой ерунды.

– Что случилось?

– Пропал пассажирский самолёт. Проверь свою почту, тебе должны отправить краткий меморандум о происшествии. Там есть несколько странных обстоятельств, поэтому привлекли военных. Мне нужно, чтобы ты представлял наши интересы и обеспечивал взаимодействие с гражданскими. Штаб поисковой операции разворачивают на базе аэронавигационного узла Стокгольма. Все необходимые адреса и контакты мы тебе высылаем. Твои полномочия тоже подтверждены. Форма тебе нужна?

– Пока не знаю. Приеду на место, сориентируюсь.

– Хорошо. Сколько тебе потребуется времени?

Карл мысленно прикинул. Самое долгое – добраться до шоссе. Дальше можно по трассе E16 спуститься до Осло и сесть на самолёт или, минуя аэропорт, сразу рвануть в Конгсвингер, а оттуда – на Карлстад и далее, своим ходом до Стокгольма. Какой вариант выбрать, можно поразмыслить по дороге.

– К вечеру буду.

– Прекрасно. Не выключай связь. Мой помощник будет вводить тебя в курс дела и сообщать обо всех новостях. Да, и вот ещё что, Карл. С днём рождения.

– Спасибо, Анна.

– Удачи, Карл. – Директор кризисного центра объединённого штаба НАТО в Северной Европе, Анна-София Нойманн положила трубку в далёком Брюнсюме, небольшом городке к северо-востоку от Маастрихта. В нескольких сотнях километров к северу от неё, на краю величественного Нэрёй-фьорда, Карл Рихтер ощутил, как его внутренний кот тщеславия сладко замурлыкал в ответ на поздравление начальницы. Несколько секунд он позволил себе насладиться этим приятным чувством, после чего затаился в последний раз и придирчиво оглядел остаток сигары. Оставалось ещё больше трети. Нет, пожалуй, у него рука не поднимется его выбросить. Может, подвернётся важный повод выкурить его без остатка до следующего дня рождения? Майор бундсвера Карл Рихтер, офицер подразделения разведки Сухопутных войск и сотрудник упомянутого кризисного центра НАТО, пристроил окурок сигары в гранитную расщелину, где тот должен был погаснуть естественным путём, а сам принялся собирать свои вещички.

Спасательная операция затягивалась, а времени у них оставалась всё меньше. Как ни хотелось Коби разделить уверенность пастора Майера в том, что в болоте они не потонут, текущее положение дел оптимизма не добавляло. Они закрыла правую пассажирскую дверь сразу после того, как отцепили надувной трап, запретили без необходимости шататься по самолёту, чтобы не раскачивать его, но тот, тем не менее, продолжал погружаться в грязную лужу трясины. Медленно и верно. Где там было дно, о котором говорил пастор? Поскорей бы, а то текущая по полу салона мутная вода начинает действовать на нервы.

В который раз она подошла к иллюминатору по правому борту. Только что в болото плюхнулось третье дерево, и люди на берегу готовились валить четвёртое. За всё это время они не прервались ни на минуту. Теперь, когда площадка немного расчистилась, стало ясно, что их очень мало, всего несколько человек. Успеют ли эти неожиданные ангелы доделать задуманное? Как жаль, что они сами заперты здесь, в самолёте, и не способны ничем помочь спасателям. Всё возможное со своей стороны они уже сделали. Четыре надувных трапа сняты со своих мест и приготовлены для строительства импровизированного моста. Один парень даже предложил было надеть всем спасательные жилеты и попробовать добраться до берега ползком по трясине, но на него посмотрели, как на идиота. По крайней мере, наплыва добровольцев не случилось. Какой-то пассажир постарше – кажется, это его жену помогал вытаски-

вать из болота пастор Майер – заметил, что идея, возможно, сработает, но он приберёт бы её на самый крайний случай.

Впрочем, троим оставшимся в строю членам экипажа забот хватало. Для начала Коби попросила всех забрать из ручной клади ценные вещи и лекарства, если они кому-то необходимы. Потом им пришлось придумать что-нибудь подходящее для переноски тяжелораненых. Лукас прошлёпал по грязи в салон первого класса и приволок оттуда все пледы, какие смог. Некоторые из них были в пятнах крови, но привередничать не приходилось. Из пледов соорудили импровизированные носилки. Потом занялись повторным осмотром и перевязкой пострадавших. Очень кстати оказалось, что Хелен Шэннон, которая на своём опыте первой узнала, во что именно они приземлились, работает медсестрой, а её муж, Джеймс – пожарный. Так что они активно и профессионально подключились к работе.

Больше всего хлопот доставила Мэнди Уэстфилд. Нужно было сделать нормальную повязку на обрубке её голени, ослабить жгут, чтобы восстановить кровообращение, потом наложить его снова. При всём при этом сама Мэнди находилась в сознании. Дьявол, насколько проще работать с человеком в беспамятстве! Поворочал его, как тебе надо, сделал необходимые манипуляции, а он лежит себе спокойно, ну, может быть, слегка стонет. По крайней мере, не орёт во всё горло, когда ему разматывают повязку на рваной культе, отдирая слои марли со свернувшейся кровью от живого мяса, или потом, когда ослабляют жгут, и кровь со страшными спазмами и судорогами снова идёт по пересохшим сосудам и тканям. И уж конечно человек без сознания не устроит истерику, случайно посмотрев вниз и заметив, что левая нога теперь сильно отличается от правой тем, что стала короче и на ней не хватает ступни.

Они все порядком вымотались, и Коби казалось, что её силы и душевное равновесие держаться на такой тонюсенькой паутинке, что хватит любого события – ещё одного несчастного случая, громкого звука, порыва сквозняка, яркой вспышки – и она просто ляжет на пол, прямо в грязную лужу, свернётся калачиком, прижав к зубам стиснутые в кулак пальцы. И завоет – тонко, жалобно, по-щенячьи. Вся её воля просвечивала дырками, как старый шерстяной свитер, изъеденный молью, организм работал на парообразных остатках жизненной энергии. Только рефлексy, обязательства и необходимость заставляли держаться. Да ещё коллеги. Их так мало осталось в строю, что выйти из игры было не просто предательством. Это казалось запредельным свинством.

Когда холодная грязная вода на полу салона стала доходить уже до щиколоток, в аварийном люке над правым крылом возникло лицо пастора.

– Мисс Трентон, можно вас на пару слов?

Она подошла. Майер протянул ей руку, помог выбраться на крыло. Там было свежо и очень светло.

– Коби, наши новые друзья, похоже, закончили с основой, – он кивком указал на лежащие в болоте поваленные деревья, на которые люди с берега начали наваливать обрезанные ветки и тонкие деревца. – Мы со своей стороны готовы подтянуть трапы и соорудить свою часть моста. Вы уже решили, в каком порядке мы будем переправлять пассажиров?

«Мы». Почему-то она обратила на это слово внимание.

– Пока нет, но, наверное, стоит сначала вынести раненых?

– Возможно, но я бы предложил другой вариант. Давайте сначала переправим тех, кто может ходить – пожилых, женщин, детей, легкораненых. Так мы облегчим самолёт и протестируем переправу. Потом аккуратно, по одному, вынесем тяжёлых. В конце выйдут все остальные. Что скажете?

– Отлично, – честно говоря, она была рада, что кто-то подсказал ей готовое решение. – Давайте так и поступим.

– Тогда надо начинать готовиться. Мы будем строить переправу, а вы разбейте людей на группы и пусть те, кто идёт последними, выбираются на левое крыло, чтобы уравновесить самолёт. Хорошо?

– Хорошо, – она кивнула и снова полезла в сырые сумерки салона.

Почему она решила, что должна оставаться на тонущем в болоте самолёте до последнего? Как вообще человек принимает на себя ответственность? Всё хорошо и понятно в армии, к примеру, где выбывшего командира заменяет следующий по званию младший чин. Но если случается так, что старшие по званию заканчиваются и в строю остаются одни рядовые, откуда вдруг берётся тот, кто кричит: «Слушай мою команду!» или «Делай, как я!»?

Коби Трентон некогда было задумываться об этом. Так получилось, что все ждали её слова, полагались на её решения, подходили к ней с вопросами. Лукас и Рамона, пастор Майер – все непрерывно сновали вокруг неё, совещались с ней, уходили и возвращались. Тот же пастор формально мог убраться с первым же отнесённым на берег тяжелораненым и не приходить обратно сюда, внутрь разбитой, умершей машины, медленно тонущей в болоте. Однако ж нет, вот он, снова возник в люке над правым крылом.

– Всё в порядке, она на берегу, – это про Мэнди Уэстфилд.

Пассажиры, остававшиеся на борту, встретили известие аплодисментами. С левого крыла, где собрались мужчины, которые должны были уходить последними, донёсся одобрительный свист. Все предвкушали скорое завершение кошмара. Пастор похлопал в ладоши вместе со всеми.

– Ну, давайте, кто следующий?

Они примерно полчаса выводили стариков, женщин, детей и раненых. Бережно, по одному, тщательно страхуя. Незнакомцы с берега сновали по гати взад-вперёд, иногда поскользнулись, проваливались по колено в болото, но аккуратно переводили спасённых на твёрдую землю. Некоторые из пожилых людей, оказавшись на берегу, напрочь отказывались уходить вглубь леса, помогали другим преодолеть гать, подняться на невысокий, но крутой берег. Ещё полчаса ушло на переноску тяжело пострадавших. В их числе оказалась и Кара Купер. Идти самостоятельно она не смогла. Даже попытка опустить ноги в десятисантиметровый слой мутной воды на полу салона ввергала девушку в истерику, как будто в этой холодной жиже прятались невидимые щупальца, которые непременно схватят её и утащат в ледяную, чёрную пучину болота. Так что пришлось укладывать Кару в импровизированные носилки из пледов и нести на берег на руках, в то время как она лежала, крепко зажмурившись и для верности закрыв лицо руками.

К тому моменту, когда подошло время переходить на берег всем остальным, самолёт уже настолько увяз в трясине, что вода в салоне поднялась до середины голени. Крылья всей площадью лежали на поверхности болота, жижма местами начинала заползать на их верхнюю сторону. Коби залезла с ногами на кресло возле аварийного люка, ведущего на левое крыло. Стоять в холодной воде уже не было никаких человеческих сил. Лукас Кауфман дежурил в салоне возле выхода на правое крыло, пастор Майер страховал переход с крыла на импровизированный понтонный мост из аварийных трапов. Рамону Брукнер они отослали на берег.

Борт NP412 покидали последние оставшиеся. Мимо неё шла вереница плеч, спин, голов. Коби внезапно овладела болезненной неуверенностью – всех ли людей на борту они собрали? Так бывает, когда перед выходом из дома начинает терзать смутная тревога: всё ли я взяла? Не забыла ли выключить плиту, воду, утюг, запереть окна? Она несколько раз осмотрела салон – в одну сторону, потом в другую. Не видна ли за спинками сидений чья-то голова, не задремал ли там кто, не потерял ли сознание кто-то из раненых? Коби перебирала в памяти

все свои действия после посадки. Не пропустили ли они кого-нибудь? Пилоты? Она вспомнила безвольное тело командира экипажа с залитой кровью головой, мокрое от пота лицо второго пилота, удерживающего самолёт в воздухе. Билл, Беннет... Сейчас на том месте, где были они, зияет огромная дыра, в которую вползает болото. Ребята и девочки из их команды? Нет, она чётко знает, кто из них и где сейчас находится, разве что тела Мартина не видела своими глазами. Но Лукас и пастор твёрдо сказали: его больше нет. Как и всех тех, кто остался в салоне первого класса. Как и останки, которые она своими глазами видела в хвостовом отсеке. Она вздрогнула и закрыла глаза, подавляя мучительный порыв желчи, проникший в глотку при этом воспоминании.

Кто-то тронул её за плечо. Коби Трентон встрепелась, открыла глаза.

Лукас.

– Мы закончили, Коби. Пора уходить.

Она выглянула в люк. На крыле пусто. Ещё раз осмотрела салон. Никого.

– Точно все?

– Точно. Идём.

Чувствуя пониже горла странное щемящее чувство, она по сиденьям пробралась к аварийному выходу на правое крыло. У его конца пастор Майер, стоя на коленях, придерживал руками надувной трап, на который по очереди забирались последние пассажиры. Когда подошли они с Лукасом, пастор посмотрел на них и коротко кивнул. Он пошёл первым, Коби за ним, Лукас замыкал.

Когда мягкое синтетическое полотно заколыхалось под ней, она коротко ойкнула, присела, опустилась на колени. И так же, на четвереньках, опираясь руками на туго накачанные баллоны по бокам, засемила вперёд. Пастор ждал её впереди, у перехода на следующий плот, терпеливо вытянув руку.

Чем дальше они уходили по переправе от самолёта, тем сильнее наваливалась на плечи Коби жуткая, нечеловеческая, совершенно невыносимая усталость. Ей стоило огромного труда подняться на ноги, когда закончились трапы, и нужно было переходить на импровизированный мост их брёвен и веток. Пастор по-прежнему шёл впереди, пробуя гать на устойчивость и вытянув назад руку, чтобы она могла при случае на неё опереться. Коби шла, поскользываясь на залитых грязью стволах, перед глазами всё плыло и сливалось. Пот струился по лбу, заливал глаза, стекал струйками за воротник форменной блузки. Ещё шаг, ещё немного.

Толстый сук, лежавший поперёк гати, весь облепленный илом и зелёными водорослями, вдруг выскользнул из-под её ноги. Коби потеряла равновесие, судорожно всплеснула руками, промахнулась мимо протянутой ладони пастора, попыталась опереться на ветку, торчавшую слева из поваленного дерева. Не попала и под предупреждающий крик Лукаса полетела вниз, во взбаламученную жижу рядом с гатью. По лицу, рукам, плечам хлестнули тонкие ветви, торчавшие из поваленных брёвен, она прорвала их тонкую завесу и ухнула в топь левым боком. Тело охватило со всех сторон отчаянным холодом, вязкая масса стиснула грудь, руки, ноги, бёдра. Она инстинктивно взмахнула руками, как пловец, правая вырвалась на свободу, ударила обо что-то твёрдое. Коби испытала мгновенный прилив отчаянного ужаса, захотела завизжать во всё горло, но тут что-то вцепилось в её руку и с силой дёрнуло. Она поперхнулась жидкостью, попавшей в рот, и вдруг почувствовала, как голова вырывается из плена ледяной жижи. Попыталась открыть глаза – перед ними замелькали разноцветные радужные пятна. Что-то схватило её с боку, больно прищемило кожу. Она наконец-то открыла рот, выдохнула грязь, попыталась взвизгнуть, закашлялась. Кто-то громко кричал слева от неё. Коби мотнула головой, сбрасывая с ресниц болотную жижу, распахнула глаза. Прямо перед ней, в паре десятков сантиметров оказалось лицо пастора Майера. Он лежал плашмя поперёк гати, одной рукой вцепившись в её предплечье, а второй пытаясь перехватить тело Коби ближе к талии. Встретившись взглядом с её перепуганными, круглыми глазами, он выдохнул коротко:

– Держу. Не... бойся. Я тебя... держу.

Сзади к нему на помощь подоспел Лукас, ухватил его одной рукой за плечо, второй потянулся к Коби. Слева возник здоровенный мужчина в пятнистой униформе, опустился на колени, выбросил по направлению к ней широкую ладонь, крикнул что-то громко на непонятном языке. Она вырвала из грязевого плена левую руку, протянула наверх. Здоровяк плотным замком сцепил на её запястье огромную пятерню, начал подниматься во весь рост, потянул стюардессу за собой, извлекая из топи. Клаус выпустил руку Коби, быстро поднялся на ноги, перехватил за талию. Вдвоём с незнакомцем они втянули её на гать, поставили на ноги. Вот только ноги отказывались служить своей хозяйке, отчаянно дрожали и подгибались. Здоровяк указал на Коби красноречивым жестом – придерживайте её, мол – и повернулся к берегу. Лукас и пастор подхватили девушку, закинули её руки себе на плечи, бережно повели. Незнакомец шёл впереди, постоянно оглядывался, правую руку держал на излёте назад, как давеча пастор. Шаг за шагом они преодолели разделявшие их с берегом полтора десятка метров. Дойдя до обрывчика, здоровяк ловко вспрыгнул наверх. Обернулся, присел, протянул вниз могучие ладони. Пастор с Лукасом подтолкнули Коби наверх, детина подхватил её под мышки, легко, как ребёнка, поднял и бережно поставил на берег. Колени подогнулись, она опустилась на четвереньки, опёрлась на землю руками. Пальцы погрузились в густой слой рыжей сухой хвои. Незнакомец склонился рядом, сказал что-то непонятное, но с отчётливой интонацией ласки, легонько похлопал её широкой ладонью по спине.

Вокруг кипела суета. Количество незнакомых людей в странной униформе резко увеличилось, отовсюду раздавались громкие голоса, знакомые слова смешивались с неизвестной речью. Коби Трентон стояла на четвереньках посреди всей этой суеты, не в силах сдвинуться с места. Мокрая грязная одежда облепляла тело. Колотила дрожь. Тряслись локти, плечи, по позвоночнику проходили волны озноба, зубы мелко постукивали друг о друга. Сухие иглы лесной полстилки кололи колени, ладони. Проходя через эту мягкую подушку, её пальцы нащупали и никак не хотели отпускать успокаивающе надёжную основу мироздания, с которой она уже не надеялась снова встретиться.

Землю.

Глава 10

Возвращаться в квартиру не хотелось. Так и стоял бы на балконе, смотрел, как солнце клонится к закату над городом, поджигая оранжевым отражением окна в домах, слушал шелест ветра, свист и писк стрижей, гоняющихся за насекомыми в тёплом майском воздухе. Однако не торчать же здесь до глубокой ночи. Ноги устанут, пожрать захочется, туалет опять же. Рано или поздно придётся вернуться. И лучше рано, пока его отсутствие не стало слишком нарочитым и не похоронило надежды на благополучное завершение субботнего вечера. И какого, спрашивается, лешего он остался в городе? Мог бы уехать, как все нормальные мужики, на рыбалку, сидел бы к вечеру довольный и пьяный. Но нет же, «надо проводить время с семьёй»! Ох-хо-хошеньки...

Александр отвернулся от манящей картины свободы за перилами балкона, толкнул дверь в комнату. Прошлёпал босыми ногами через спальню, коридор, заглянул в гостиную. Так и есть. Воздух прямо-таки позванивает, наэлектризованный раздражением и недовольством. Сын Денис благоразумно свалил в свою комнату, сидит, небось, сейчас и рубится в какое-нибудь игрище. И плевать ему на внутрисемейные дразги, отгородился от них дверью, спиной, наушниками – моя хата с краю. Чёрство, конечно, но и осуждать не хочется. Нафига парню в пятнадцать лет вся эта головная боль? Придёт время, напялит себе ярмо на шею, тогда и будет разгребать дерьмо в своём курятнике.

Он помялся пару секунд на пороге. Ладно, отступить будет ещё хуже. Если где-то загноилось, надо вскрывать и чистить, пока ещё не поздно. Прикинул, куда бы сесть. Дочь целенаправленно оккупировала диван, завалила всё вокруг себя подушками, недвусмысленно намекая: «Моя территория, не приближайтесь». Жена Наталья уселась в кресло у окна, демонстративно делает вид, что читает и ей плевать на всё с высокой колокольни.

«Вот ведь упрямая кобыла!». За каким, спрашивается, лядом сдались ему все эти бабские тараканы в головах! По-хорошему, по справедливости, решать вопросы женской части семьи – это её святая обязанность. Мало того, что он их кормит, содержит, обеспечивает социальный статус – а это сейчас поважнее денег будет – так он ещё и должен разбираться в гормональных проблемах половозрелой дочери!

Достаточно подогрев такими мыслями градус своего внутреннего негодования, Александр прошёл на середину гостиной, взял стул, поставил его спинкой к двум своим женщинам, уселся верхом, облокотился.

– Ну?

Жена оторвала взгляд от страницы, которую демонстративно читала, скосила на него глаза. Дочь не удостоила даже этого, продолжала пялиться в свой планшет. Только скулы слегка порозовели.

– Будем играть в молчанку или всё-таки поговорим?

Дочь наконец-то подняла глаза, посмотрела исподлобья. Видимо, некоторое время шевелила мозгами, прикидывая, какую тактику избрать. Почему-то решила выбрать вариант недумевающей невинности. По ещё действующей подростковой привычке, не иначе. Плохой выбор, дочка.

– Ты это мне?

– Вообще-то я надеялся на общий, семейный разговор. – Александр попытался добавить максимальное количество стали во взгляд, который адресовал жене. Та соорудила на лице каменную непроницаемую мину и отложила книгу в сторону.

– И что же ты, хотел... обсудить? – спросила дочь с максимально невинным видом.

– Ну, не твои оценки в институте.

– Тогда что?

Александр метнул в жену ещё один тяжёлый, как копьё, взгляд.

– Милая, ты не напомнишь, о чём мы говорили сегодня утром? – хватит отсиживаться в кустах, давай, подключайся!

Наталья вздохнула, потянулась.

– Дарья, мы с твоим отцом сегодня утром обсуждали твои отношения с очередным мальчиком, Максимом.

– Да? – недоумевающая невинность немедленно растворилась, уступив место полной готовности к агрессивной обороне. Румянец на щеках добавил пару тонов в яркости. – А вы что – мои однокурсницы, чтобы обсуждать мои отношения? Или вам поговорить больше не о чем?

Жена дёрнулась было вспылить, ввязаться с ходу в свару, но Александр вовремя вскинул ладонь предупредительным жестом.

– Во-первых, – произнёс он на пару децибел громче обычного, – Мы, как твои родители, имеем гораздо больше поводов и прав обсуждать твои отношения, чем какие-то случайные, посторонние личности, с которыми ты по чистому совпадению учишься в одном ВУЗе. Во-вторых, нам, конечно, есть о чём поговорить.

Тут он приврал. У них с женой уже давно нет общих тем для разговоров – серьёзных, важных или просто интересных обоим. Так, повседневная рутина, бытовуха. Не более. Из-за того, что дочурка мелким замечанием исхитрилась попасть в большое место, Александр разозлился ещё больше.

– Но для нас сейчас то, что происходит с тобой, является самым важным. Я бы, даже сказал, первостепенным.

– Ну и? Чем же вас так напрягают мои отношения с «очередным» мальчиком? – Слово «очередным» прямо-таки сочилось ядовитым сарказмом.

– Ну, для начала нас напрягает то, что мы не знаем степени серьёзности ваших отношений. – Наталья начала разыгрывать карту мудрой, доминирующей самки, королевы прайда. – Всё, что мы знаем, это обрывки разговоров, слухи и то, о чём пробалтываются твои подружки.

– Да? И о чём же эти... «подружки» успели проболтаться?

– Много о чём. Правда, недостаточно, чтобы мы составили себе ясное представление, но вполне хватает для того, чтобы мы с твоим отцом начали тревожиться.

«Твоим отцом». Второй раз подряд. Когда-то определение «твой папа» было более популярным.

– Господи! Да что ж всех так тревожит в моей личной жизни?! – Дарья отшвырнула планшет в сторону, откинулась на спинку дивана, скрестила руки на груди.

– Даша, мы не собираемся лезть в твою личную жизнь..., – ещё не договорив эту фразу, Александр сообразил, что сморозил глупость. Дочь не упустила такую блестящую возможность.

– Да? А сейчас это что такое происходит?

– Даша... Ладно, ладно! – он был зол на себя из-за нелепой промашки. – Да, мы съём нос в твои дела, согласен! Но делаем это не потому, что нам заняться нечем, а просто хотим помочь тебе не наделать ошибок, о которых ты можешь даже не догадываться.

– Это каких же? Только не вздумайте учить меня, как предохраняться. Слава богу, это я уже знаю!

– Дарья!

– Что? Блин, да вы начнёте уже говорить по делу или вам просто хочется вынести мне мозг?

– Прекрати повышать голос!

– Сама прекрати!

– Потиху вы, обе! Пожалуйста, – Александр сделал ещё одну попытку удержать разговор от скатывания в банальный скандал, результатом которого будут слёзы, вопли, крики, обиженное молчание на несколько дней и ни одного полезного действия. – Даша, мы не собираемся запрещать тебе встречаться с молодыми людьми...

– Попробовали бы, – процедила дочь сквозь зубы как бы про себя, но достаточно громко, чтобы сообщение дошло до адресатов.

– Дарья!

Александр снова вскинул руку, призывая жену к терпению, наградил тяжёлым взглядом. Коль уж ты, вся такая умная и толковая, не снизошла до того, чтобы разрулить ваши женские сопли самостоятельно, то теперь сиди и не твякай. Смотри, как будет работать артиллерия резерва главного командования.

– Не собираемся, да. Но нам не хочется, чтобы ты тратила своё время на отношения, которые не принесут тебе никакой пользы.

Дочь ошетичилась, но промолчала, только мрачно зыркала глазами – то на мать, то на отца.

– Вот этот твой Максим, он из какой семьи?

– Какая разница? Он... он хороший человек.

– Может быть. Нет, – Александр сделал широкий примирительный жест рукой, означающий: «Верю, верю всякому зверю», – Я абсолютно уверен, что он хороший человек. С поганцем ты бы не связалась, ты ж не дура.

Ход грубый, но Дарья проглотила лесть спокойно, не отреагировала никак.

– Но видишь ли, милая. Просто быть хорошим человеком сейчас недостаточно. Хороших людей, парней, много. И свет не сошёл на ком-то одном. Я понимаю, что ты сейчас с этим не согласна, что у тебя есть масса аргументов, почему так важен именно этот, конкретный мальчик.

«И большинство этих доводов не стоят выеденного яйца» – подумал он про себя, но благоразумно не озвучил эту мысль.

– Со временем ты поймёшь, что помимо личных качеств в наше время очень важна среда происхождения, социальный слой. Нет, я не хочу сказать, что у нас тут новая кастовая система, неприкасаемые, все дела. Конечно, нет. И само собой считается, что любой может достичь всего, чего угодно, если будет стараться. При условии, ежели он россиянин по паспорту, а не таджик с завода, который с мастером общается через переводчика. И да: по телевизору и на любом молодёжном слёте, на каждом новостном портале и в любой социальной сети тебе будут рассказывать и даже приводить примеры, как труд, счастливая случайность и знакомство с нужными людьми позволили подняться наверх кому угодно, хоть простому крестьянину. Вот только тебе полезно бы уже понять и твёрдо уяснить раз и навсегда, что всё это полная и безоговорочная херня!

– Саша!

– Извини. Но это на самом деле так. Всё это действительно хренотень, иллюзия, которую зачем-то продолжают вливать в свободные уши. Хотя, честно говоря, я не припомню за последние лет двадцать времени, когда это правило действительно работало. Конечно, когда я был сопливым лейтенантом только что после училища, тогда действительно было чувство, что мы вот прямо сейчас – раз! – и встанем с колен, и всё у нас пойдёт, как нам хочется. Помнится, некоторые тогда даже погоны снимали, ломанулись на гражданку – воплощать мечты, добиваться успеха. Вот только добились его почему-то в основном те, у кого папа остался дослуживать в генералах. Или кто в партию подался. В правильную. А остальные..., – он махнул рукой, не стал углубляться в тему.

– Так вот, Даша, милая, ты уже взрослая девушка, тебе девятнадцать лет. Запомни, пожалуйста: нет никакого внезапного успеха, обязательного вознаграждения за упорный труд

и самопожертвование, никаких чудесных... этих, как тогда говорили? – он посмотрел на жену. Та пожала плечами. – А, социальных лифтов! По крайней мере, не в это время и не в этой стране. Единственный работающий социальный лифт, который я знаю – это если ты выйдешь замуж за сына министра, а Денис, скажем, женится на дочери начальника Генерального штаба. Вот тогда да, будет и лифт с позолоченным поручнем, и ковёр на полу, и прочие финтифлюшки. Если же нет, то остаётся медленный неторопливый путь – пристраиваться там, где ты есть и не спеша карабкаться вверх. А в твоём случае, милая, есть ещё одна очень большая опасность – сесть на лифт, который едет не в ту сторону. Брату твоему проще. Он закончит свою кадетскую школу, пойдёт в училище или в военный институт, не суть важно. Важно, что он будет уже потомственным военным, продолжателем династии, частью корпорации, сословия, называй, как хочешь. Чтобы слететь с этого уровня вниз, ему придётся очень здорово накосячить. Честно говоря, я боюсь даже себе представить, что он должен будет натворить. Так вот он, скорее всего, сможет стать «социальным лифтом» для какой-нибудь девочки снизу – из семьи врачей, учителей. Инженеров, на худой конец. Хотя поверь, мы с матерью постараемся и ему объяснить, что взгляд нужно держать чуточку повыше, а не рассматривать то, что под ногами. А ты...

– Что я? – с немедленным вызовом отреагировала дочь.

– Ты? К сожалению, если ты свяжешь свою судьбу с кем-то, кто стоит на ступеньку ниже нас по социальной лестнице, то это не поднимет его автоматически до твоего уровня. Прости, я понимаю, что это звучит обидно, но наше современное общество качнулось в сторону традиционных правил. Может со временем оно наклонится обратно и наступит равновесие, но я бы на это сильно не рассчитывал. За свою сознательную жизнь я припоминаю только несколько моментов относительного баланса. Очень коротких моментов. Теперь я точно знаю, что каждая точка равновесия – это короткая остановка на пути к новому глубокому крену. Причём каждый раз к какому-то новому. Ну, да ладно, не об этом сейчас речь.

Он приложил к лицу ладони, потёр щёки.

– Так вот, что касается тебя. Связавшись с выходцем снизу, ты, возможно, приподнимешь его. Но и сама скатишься ему навстречу. В итоге ваше новое положение окажется где-то между двумя общественными слоями. Там вы будете болтаться, слишком крутые для одного круга общения и не очень желанные в другом. А-а, не торопись, дай я поясню. Мы с матерью и братом ни в коем случае от тебя не откажемся, ты наша дочь, мы тебя любим. Будь дело по-другому, мы бы не вели сейчас эту неприятную для всех беседу.

Беседа действительно была неприятная. Наталья отвернулась, смотрела в окно. Дарья по-прежнему готова была огрызаться, но румянец на её щеках начал уступать место бледным пятнам. У Александра отчаянно пересохло в горле, однако он знал, что такие разговоры надо доводить до конца. Стоит прерваться, дать беседе уйти в другое русло – всё, пиши пропало. Через неделю можно будет начинать ровно ту же речь с теми же потоками обид и прочего навоза.

– Другое дело твой нынешний круг общения. Поверь, первыми, кто перестанут тебе звонить и звать в гости, станут твои лучшие подруги, которым хорошо и комфортно с тобой, пока вы крутитесь в одной и той же среде, обсуждаете одинаковые темы, наслаждаетесь своим беззаботным мыльным пузырьком. Стоит тебе вывалиться за его пределы, и ты здорово удивишься, насколько толстыми могут быть его с виду прозрачные стенки.

Он снова замолчал, задумался, как бы теперь всё сказанное им масштабное словоблудие свести к какому-то практическому результату. «Мать твою, похоже, я опять увлёкся!»

– Короче говоря, вот к чему я пытаюсь привести свою речь. И что тебе следовало бы учесть в своих планах и действиях. Девятнадцать, двадцать лет и так далее бывают раз в жизни. Ты можешь потратить это время, которого у тебя больше никогда не будет, на отношения, которые не сулят тебе ничего в будущем и, возможно, потом жалеть, что не провела их по-

другому и с другими. А можешь эти же самые годы использовать, общаясь с точно такими же мальчиками, как Максим, только стоящими на одной ступеньке с тобой, а может и чуть выше. Ну, тебе понятна наша мысль?

Наступила тишина. Дарья пристально рассматривала какой-то махор на подушке, тербила его пальцами. Жена снова повернулась к ним лицом, склонила голову набок, посматривала то на мужа, то на дочь. Наконец та, не поднимая глаз, пробубнила чуть слышно:

– Ну и как же вы мне прикажете жить?

– Прикажем? Милая, да ничего мы тебе не приказываем, просто даём тебе...

– Я поняла, – голос слегка дрогнул. – Вы даёте мне добрые, исключительно полезные советы. Как не надо поступать. – Что-то упало вниз от склонённого лица Даши, коротко блеснуло в лучах света. – Это понятно. Мне не понятно другое: а что же мне теперь делать?

Она подняла голову – в глазах блестело.

– Ты говоришь: наш социальный слой, сословие, корпорация. Ну и что мне делать, если я в эту корпорацию не вписываюсь, не родилась я пацаном, не люблю я играть в войнушку!? Не нравятся мне парни, которые в это ваше сословие входят, не люблю я военных дуболомов, у которых всё по уставу, всё по приказу!

Александр потяжелел душой, принял обиду. Посмотрел на жену укоризненно. Та отвернулась в сторону, пыталась спрятать глаза. Да уж, ничто так не наделяет детей аргументами в будущих спорах, как несдержанная на слова перепалка родителей в их присутствии. Не раз и не два слышал он подобное от супруги. Теперь вот очередь дочери подошла. Дарья тоже поняла, что сболтнула лишнего, сидела в пол оборота, глядела в окно. По щеке бежала прозрачная струйка. Так и застряли втрём в тишине, не зная, что сказать дальше.

Сандрин Чанг не отрывалась от монитора уже добрых три часа. Глаза пересохли и начинали побаливать. Белки, наверное, уже налились красными прожилками сосудов. Утром в автобусе посмотрит незнакомый человек на неё и решит, что девушка всю ночь пьянствовала, развратничала или ещё каким образом подрывала своё здоровье. И невдомёк ему будет, что смотрит он на усталого рыцаря, стражницу в сияющих доспехах, которая всю ночь стояла на посту, отгоняя тёмные силы от вверенных её надзору магических машин, которые делают жизнь великого множества людей и этого незнакомца в частности, комфортной и безопасной. Ну ладно, не будем завираться, не всю ночь. Полночи по независящим от неё причинам стражнице пришлось бить баклуши, и силы зла могли властвовать безраздельно. Оттого критически важно удостовериться, что они не успели забраться в охраняемый ей храм добра и наследить в нём липкими, грязными ручонками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.